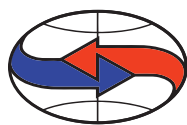


ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ



Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 4 (12)

Москва

2020

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый Заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель Совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ВРИО Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии Общественных Наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной Академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, Академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук;

Хасбулатов Р. И., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института Экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, Руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, Член Научного совета при Совете Безопасности России, Член Центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, Член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Редактор-корректор – Е. А. Фадеева

Вёрстка – Л. М. Беленький

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

**Журнал «Геоэкономика энергетики»
рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Состояние мировых энергетических рынков в 2020 г. характеризовалось термином «новая реальность», что было обусловлено завершением политики «энергетического перехода», влиянием COVID-шоков и волатильностью цен на энергоресурсы. Переход энергетических рынков в субъекты геополитического влияния привёл к усилению конкуренции за потребителей и превращению вопросов обеспечения энергоресурсами в объект государственной безопасности в сочетании с усилением соответствующих политических мотиваций ведущих стран мира.

В данном контексте в странах бывшего Союза формирование энергетической безопасности в большей степени было переориентировано на использование альтернативных источников энергии (гидроресурсы, нетрадиционная и малые формы энергогенерации), новой трубопроводной и транспортной инфраструктуры, а энергетическая политика направлена на минимизацию финансовых и имиджевых потерь. Повышение эффективности энергетической политики в новых условиях затянувшегося коронакризиса становится безусловным требованием обеспечения национальной безопасности, диверсификации поставок и конкурентоспособности экспортёров энергоресурсов, создания и продвижения региональных энергетических проектов.

В региональном аспекте усиление конкуренции на фоне кризиса актуализирует необходимость взаимодействия с новыми рынками, использования всего спектра финансовых инструментов, цифровых технологий и активного участия в создании и реформировании международных транспортных коридоров, инфраструктуры рынков нефти и газа. «Энергетический переход» на фоне пандемии существенно повлиял на рост значимости создаваемого общего рынка ЕАЭС, что обуславливает необходимость активизации российских энергетических компаний в данных процессах.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- Е. КУЗЬМИНА. *Водные проблемы и риски гидроэнергетики Узбекистана* 6
- С. ЖИЛЬЦОВ. *Энергетическая политика прикаспийских государств: итоги и новые вызовы* 25

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭНЕРГОСЕКТОРА

- Е. ШАВИНА. *Тенденции развития мировой газовой отрасли в современных условиях* 40
- А. МАРКАРОВ, В. ДАВТЯН. *Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор* 59

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Д. ДИНЕЦ, П. ПРОКОПЬЕВ. *Финансовые рынки арабских государств: исследование симметричности шоков* 77
- Д. ХАРИТОНОВА. *Россия и ЮАР: перспективы развития энергетического сотрудничества* 90

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

- В. НОВИКОВ. *«Контракт века» и его политико-экономическое значение для Азербайджана* 106

МИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

- Н. АЛЛАЯРОВА. *Общий рынок газа ЕАЭС: факторы, перспективы и риски* 126

МИРОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ

- В. ЧИГАРЕВ. *Категория международный транспортный коридор в современной мировой политике: теоретические и методологические аспекты* 142

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ 153

СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 155

Елена КУЗЬМИНА

ВОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ УЗБЕКИСТАНА

Дата поступления в редакцию: 30.10.2020.

Для цитирования: Кузьмина Е. М., 2020. Водные проблемы и риски гидроэнергетики Узбекистана. – Геоэкономика энергетики. № 4 (12). С. 6–24.

Вода для Узбекистана в силу жаркого и засушливого климата занимает значительное место не только в экономике, но и в жизнеобеспечении населения. В статье рассматриваются водный и гидроэнергетический потенциал Узбекистана. Наиболее значимыми отраслями экономики в сфере водозабора и использования водных ресурсов являются сельское хозяйство, связанное с орошаемым земледелием, и гидроэнергетика. Программы развития этих отраслей нацелены не только на увеличение использования имеющегося водного потенциала, но и на модернизацию производственных мощностей с целью энерго- и ресурсосбережения. Особый акцент в гидроэнергетике ставится на строительство новых ГЭС, в первую очередь малых и средних. Это позволит улучшить ситуацию в удалённых и труднодоступных районах страны. Для этих целей была проведена реструктуризация ведомств, занимающихся вопросами гидроэнергетики. Актуальным вопросом водообеспечения сельского хозяйства остаётся модернизация ирригационных и других мелиорационных систем.

Сделан анализ изменений в законодательной базе по водным вопросам и гидроэнергетике в 2017–2020 гг. В республике значительно усовершенствована законодательная база, регламентирующая водные вопросы: водопользование жителями страны и отдельными отраслями национальной экономики, водосбережение, использование трансграничных и подземных вод. Приняты и находятся в действии программы по водным вопросам и гидроэнергетике.

Узбекистан, не имея достаточных водных ресурсов на своей территории, потребляет самый большой процент воды в регионе и также имеет критическую зависимость от трансграничных водных ресурсов региона. Отдельно

КУЗЬМИНА Елена Михайловна, кандидат политических наук, заведующая сектором Белоруссии, Молдавии и Украины ИМЭМО РАН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: e_kuzmina07@mail.ru. SPIN-код: 1307-5256.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, гидроэнергетический потенциал, речной сток, трансграничные воды, подземные воды, орошаемое земледелие, водопользование, программы развития гидроэнергетики, водное законодательство.

рассматривается взаимодействие Узбекистана со странами Центральной Азии в вопросах использования трансграничных рек и водоёмов, а также воссоздания единой энергосистемы региона. В последние годы он сумел наладить прагматичные отношения с сопредельными странами в вопросах водопользования. Идёт интенсивная работа над восстановлением единой региональной энергосистемы. Хотя планы на совместные проекты в строительстве ГЭС пока остаются декларацией. Эти действия Узбекистана уже снизили конфликтный потенциал в регионе. Они способствуют укреплению позиции Узбекистана как регулятора регионального гидроэнергетического баланса.

Вода для Узбекистана в силу жаркого и засушливого климата занимает значительное место не только в сельском хозяйстве (28,1% ВВП на 2019 г.) и промышленности (30,0% ВВП на 2019 г.)¹, но и в жизнеобеспечении человека в целом. Республика Узбекистан – самая густонаселённая страна Центральной Азии. Численность постоянного населения страны на июль 2020 г. составила 33 905,2 тыс. человек [Демография Узбекистана]. Порядка 49% населения проживают в сельской местности, и их жизнедеятельность полностью зависит от сельского хозяйства и сопряжённых отраслей.

Поэтому по Закону Республики Узбекистан «О воде и водопользовании» «воды являются государственной собственностью – общенациональным богатством, подлежат рациональному использованию и охраняются государством» [Закон «О воде и водопользовании», 1993].

В статье будут рассмотрены вопросы использования республикой имеющихся у неё гидроресурсов для жизнеобеспечения населения, развития национальной экономики и сохранения продовольственной безопасности страны. При этом будет проведён анализ значительно обновлённой за 2017–2019 гг. законодательной базы республики в вопросах водопользования и гидроэнергетики. Другой актуальной проблемой для исследования станет анализ сотрудничества республики с сопредельными государствами в исследуемых вопросах с акцентом на те изменения, которые произошли после прихода к власти президента Ш. Мирзиёева.

Географические особенности страны с точки зрения её водо- и энергообеспечения

Географические особенности республики определяют её особое место в водном балансе, гидроэнергетике и экономике всего региона. К ним можно отнести следующие.

Во-первых, на территории Узбекистана формируется лишь 9,6% общего стока бассейна Аральского моря, меньше только в Казахстане (2,1%) и Туркмении (1,2%). Речной сток региона формируется в горах Киргизии

¹ ВВП Узбекистана по видам экономической деятельности // web.stat.uz/open_data/ru/3.2.1_GDP_IFUT2_hajmi_ru.pdf, дата обращения 10.10.2020.

(25,1%) и Таджикистана (43,4%). Используются эти ресурсы во всех странах региона.

При этом именно в Узбекистане наблюдается наибольшее потребление воды – 39,3% общего объёма водозаборов из крупнейших рек региона – Сырдарья и Амударья. Для сравнения, на Туркмению приходится 22,87%, на Таджикистан – 13,05%, на Казахстан – 11,07%, на Киргизию – не более 0,8%. Необходимо отметить ещё один показатель – коэффициент трансграничной зависимости водных ресурсов, который определяется долей речного стока, поступающего извне. Для Узбекистана этот показатель очень высокий – 77%, больше только в Туркмении – 94%, а в Казахстане он составляет 42% [Мироненков, Сарсембеков, 2005: 12].

Во-вторых, на территорию Узбекистана поступает 95,642 куб. м речных вод. Из этого 52,291 куб. м приходит в Амударьинский речной бассейн и 43,351 куб. м – в Сырдарьинский бассейн. Поскольку страна граничит со всеми странами региона, располагаясь в его центре, часть рек продолжает своё течение в сопредельных государствах. За пределы территории Узбекистана поступает 47,562 куб. м воды. Из этого количества воды из бассейна Амударья уходит 36,852 куб. м, а из бассейна Сырдарья – 11,228 куб. м. На территории Узбекистана формируется 9,701 куб. м речной воды. В Узбекистане практически используется 57,781 куб. м воды (в бассейне Амударья – 41,472, в бассейне Сырдарья – 16,309 куб. м) [Kuzmina, 2018: 203].

В-третьих, внутренние воды страны включают в себя 525 озёр, 53 водохранилища, а в бассейнах верховьев рек Сурхандарья, Кашкадарья и Чирчик имеется 525 ледников общей площадью 154,2 кв. км. Однако наиболее важное значение имеют реки, которых в республике насчитывается около 18 тысяч. Они распределены по территории неравномерно. На равнинах рек очень мало: на каждый 1 кв. км приходится только 20 м реки, а в горах, наоборот, густота речной сети большая. При этом горные реки непригодны для судоходства, но богаты гидроресурсами.

В-четвёртых, бо́льшая часть речных стоков при выходе на равнину по каналам разбирается на орошение, другая часть испаряется или впитывается в почву. Поэтому многие реки, постепенно иссякая, теряются в песках. Лишь Амударья и Сырдарья впадают в Аральское море на территории Узбекистана. Но в последние годы из-за большого расхода воды на орошение только незначительная часть Амударья и Сырдарья доходит до Арала.

В-пятых, важной частью водных ресурсов в стране также являются подземные воды, которые поддерживают экологическую систему всего региона. Кроме того, в аридных (поливных) регионах подземные воды являются единственным источником пресных вод. В Узбекистане существует порядка 100 месторождений подземных вод, из которых 77 составляют пресные подземные воды [Kuzmina, 2018: 204]. За счёт их запасов удовлетворятся

потребность населения 69 городов, 335 посёлков и почти 3000 сельских населённых пунктов страны².

Интенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства за последние 50 лет оказало негативное воздействие на состояние пресных подземных вод в Узбекистане, что привело к сокращению их запасов на 35% и истощению отдельных месторождений вследствие несанкционированного строительства водозаборных сооружений и бесконтрольного отбора воды [Постановление Президента, 2017]. Следует отметить, что быстрое развитие сельского хозяйства и освоение новых территорий под его нужды в советское время также послужили причиной ухудшения состояния подземных вод и деградации почв. Наиболее ярким примером этому служит освоение Голодной степи, когда речной сток по мере движения по ландшафту собирает растворимые соли в регионах сельскохозяйственного производства. А действующие дренажные системы поверхностных водоносных слоёв недостаточно эффективные, что привело к повышению уровня грунтовых вод и их приближению к поверхности земли, что привело к деградации почв и их засолению.

Инвентаризация более 10 тыс. скважин на воду, проведённая в 2017 г., выявила бесконтрольный отбор подземных вод из более 60% скважин и продолжение загрязнения и истощения их запасов, отбор 59% подземных вод из неутверждённых запасов³. В результате появилась реальная угроза безвозвратной потери более половины имеющихся ресурсов пресных подземных вод в ближайшие десятилетия, говорится в постановлении президента.

Законодательство и практика водопользования

Для сохранения стабильного уровня водных запасов и дальнейшего развития экономики страны с учётом существующей ныне экологической ситуации в Центральной Азии идёт работа по совершенствованию законодательной базы в сфере водопользования.

Закон «О воде и водопользовании» [Закон «О воде и водопользовании», 1993], который определяет особенности водопользования и водопотребления республики, постоянно совершенствуется. Последние изменения в него были внесены в ноябре 2019 г. Согласно документу, земли водного фонда, водные объекты, водохозяйственные объекты и сооружения организаций водного хозяйства эксплуатируются как единая водохозяйственная систе-

² Более половины пресных подземных вод в Узбекистане под угрозой безвозвратной потери // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/bolee-poloviny-presnykh-podzemnykh-vod-v-uzbekistane-pod-ugrozoy-bezvozvratnoy-poteri/>, дата обращения 13.10.2020.

³ Более половины пресных подземных вод в Узбекистане под угрозой безвозвратной потери // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/bolee-poloviny-presnykh-podzemnykh-vod-v-uzbekistane-pod-ugrozoy-bezvozvratnoy-poteri/>, дата обращения 13.10.2020.

ма страны. Они не подлежат приватизации. Определено, что забор воды разрешается только на зарегистрированных точках выдела воды, оснащённых средствами её регулирования и учёта. Водопользователи для нужд сельского хозяйства обязаны: не допускать сверхлимитного водозабора и нецелевого использования воды; осуществлять в установленном порядке строительство новых и реконструкцию действующих водных объектов, а также комплексную реконструкцию орошаемых земель; внедрять водосберегающие технологии и прогрессивную технику полива; устранять причины и последствия негативных процессов на основе мониторинга вод, используемых для нужд сельского хозяйства.

Ещё более жёсткие требования предъявляются к водопользованию промышленных предприятий. Они обязаны совершенствовать технологии для сокращения расхода воды и прекращения сброса сточных вод. Вновь вводимые промышленные объекты не могут иметь прямоточные системы водоснабжения, за исключением предприятий, которые по условиям производства не могут быть переведены на оборотное водоснабжение. Уже действующие предприятия обязаны определить сроки перевода на оборотное водоснабжение. Пресные подземные воды, отнесённые к категории питьевых, запрещается использовать для производственно-технических целей, за исключением случаев в районах, где отсутствуют необходимые поверхностные водные источники.

В законе более чётко прописаны вопросы водо- и энергосбережения и эффективного использования новых технологий в мелиорации и ирригации, а также в гидроэнергетике. Также регламентируются действия властей страны в использовании трансграничных рек и взаимодействии по этим вопросам с соседними странами.

На решение этих же вопросов нацелено и постановление Президента «О мерах по упорядочению контроля и учёта рационального использования запасов подземных вод на 2017–2021 гг.» [Постановление Президента, 2017].

9 октября 2019 г. издан Указ Президента «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления водными ресурсами» [Постановление Президента № ПП-4486, 2019]. Этим документом определены приоритетные области в развитии водного хозяйства до конца 2022 г. Среди них разработка Концепции развития водного хозяйства на 2020–2030 гг., которая уже принята в феврале 2020 г. Важнейшими задачами определены: поэтапное внедрение механизмов покрытия части эксплуатационных расходов на доставку воды потребителями; доведение доли орошаемых земель с использованием водосберегающих технологий до не менее 10% от общей площади. В документе также определены показатели эффективности: сокращение не менее 15% эксплуатационных расходов за счёт внедрения рыночных механизмов в области управления водными ресурсами, развития государственно-частного партнёрства в этой сфере; инновационное разви-

тие водного хозяйства; повышение эффективности ирригационных систем не менее чем на 1% в год в среднем по стране за счёт их модернизации, реконструкции и ремонта; радикальное развитие деятельности ассоциаций водопользователей путём усиления их правового статуса и повышения их роли в области управления водными ресурсами.

Также в документе предполагалось принятие до конца 2020 г. Закона «О воде и водопользовании» в новой редакции (закон пока не принят) и к 2023 г. Водного кодекса Республики Узбекистан.

Государственное управление водопользованием осуществляется Кабинетом министров, органами местного самоуправления, а также специально уполномоченными государственными органами в соответствии с их компетенцией: Министерством водного хозяйства (использование поверхностных вод); Государственным комитетом по геологии и минеральным ресурсам (использование подземных вод); Государственной инспекцией по надзору за геологическим изучением недр, безопасным ведением работ в промышленности, горном деле и коммунально-бытовом секторе (использование термальных и минеральных вод); Центром гидрометеорологической службы при МЧС (мониторинг водных ресурсов и национальные программы адаптации к изменениям климата); Министерством ЖКО (питьевое водоснабжение и санитария, свод национального водного баланса); Государственным комитетом по экологии и охране окружающей среды (мониторинг окружающей среды и охрана водных ресурсов, национальный координатор достижения целей устойчивого развития – 2030) [Салохиддинов, Соколов, 2020].

Крупнейший потребитель воды в республике – сельское хозяйство. На его долю приходится в среднем 90–91% используемой в республике воды. В условиях аридного климата базой для развития сельского хозяйства является водное орошение. Общая площадь орошаемых земель в Узбекистане составляет 4,3 млн га, или около 18% территории республики. К ней относятся Ферганский, Чирчик-Ангарский, Зеравшанский, Кашкадарьинский, Сурхандарьинский оазисы и низовья Амударьи [Концепция развития водного хозяйства, 2020].

За последние годы годовой объём используемых Узбекистаном водных ресурсов составляет в среднем 51–53 куб. м/год, что указывает на сокращение на 20% водозабора [Концепция развития водного хозяйства, 2020]. Это обусловлено уменьшением водности рек и водных источников под воздействием изменения климата, а также проблемами трансграничного водопользования. Свою роль в этом сыграли и внедрение водосберегающих технологий, и совершенствование мелиоративных мероприятий. В результате широкомасштабных реформ в сельском хозяйстве и водном секторе часть полномочий по управлению водными ресурсами передана общественным организациям (следовательно, самим потребителям). Для создания водных запасов и гарантированного обеспечения водой посевных площадей был со-

здан ряд водохранилищ. Например, водохранилище Сардоба обеспечивает водой более 395 тыс. га посевных площадей Джизакской и Сырдарьинской областей, водохранилище Жийдалисай – 4,7 тыс. га посевных площадей Наманганской области, водохранилище Куксарай – 1,1 тыс. га орошаемых земель Навоийской области.

Принимаемые меры по развитию водного и сельского хозяйства гарантируют их устойчивое функционирование, несмотря на колебания водности источников и нарастающее влияние изменения климата – роста температуры воздуха, увеличения повторяемости экстремальных явлений.

Гидроэнергетика страны: состояние и законодательство

Состояние водных ресурсов в стране влияет на развитие гидроэнергетики. Она является важнейшей сферой экономики, влияющей как на жизнеобеспечение населения и сельское хозяйство республики, так и на развитие промышленности. Более 80% электроэнергетического комплекса страны работает на газе, тогда как гидроэнергетика занимает чуть более 20%.

Потенциал гидроэнергоресурсов Узбекистана оценивается в 27,5 млрд кВт·ч в год, но страна использует лишь около 30% возможностей. В стране работает 37 ГЭС, которые обеспечивают около 10% выработки электроэнергии. Гидроэлектростанции общей мощностью 1854 МВт генерируют около 6,5 млрд кВт·ч электроэнергии в зависимости от водности года [Концепция развития гидроэнергетической отрасли РУ, 2018].

Власти республики активно работают над развитием и модернизацией гидроэнергетики республики.

В ноябре 2015 г. утверждена Программа развития гидроэнергетики на 2016–2020 гг. В мае 2017 г. она была дополнена новыми мерами. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев одобрил Программу мер по дальнейшему развитию возобновляемой энергетики, повышению энергоэффективности в отраслях экономики и социальной сфере на 2017–2021 гг. [Постановление Президента, 2017]. Эта программа имеет целью перестройку сферы энергетики. Одна из важнейших задач – обеспечить энергетическую безопасность страны. В ней говорится о необходимости модернизации старых ГЭС и строительства новых.

Правительство республики намерено направить до 2021 г. около 4,3 млрд долл. на развитие гидроэнергетики⁴ – на строительство 42 новых ГЭС, преимущественно малых и средних, и ремонт 32 существующих станций. Это позволит, согласно государственной программе развития гидроэнергетики,

⁴ Узбекистан выделяет 4,3 млрд долл. на гидроэнергетику // <http://www.stanradar.com/news/full/25447-uzbekistan-vydeljaet-43-mlrd-na-gidroenergetiku.html>, дата обращения 15.10.2020.

увеличить её долю в энергобалансе страны с 12,7 до 15,8% [Внедрение малой гидроэнергетики в Узбекистане, 2017].

Одним из основных направлений принятой программы является строительство малых и микроГЭС. Это обосновано несколькими причинами.

Во-первых, как мы уже писали, в стране много мелких и маловодных рек, потенциал которых не задействован. Как показывает мировой опыт, на таких реках можно строить подобные ГЭС. Так, только в Андижанской области уже найдено 32 точки для установки микроГЭС общей мощностью 18,5 МВт, что позволит покрыть 10% дефицита энергии в год для области [Кузьмина, 2018: 204].

Во-вторых, такие ГЭС можно устанавливать в отдалённых уголках, куда сложно и дорого тянуть линии электропередачи. Что особенно важно для фермерских хозяйств, а также для повышения качества жизни людей в отдалённых районах. Однако строительство и реконструкция малых ГЭС достаточно дорогостоящи, поэтому в Узбекистане этим в основном занимается государство, которое не только само финансирует проекты, но и привлекает для этих целей иностранный капитал (в большей степени китайский и российский).

Для решения поставленных задач в мае 2017 г. по указу президента Ш. Мирзиёева создано АО «Узбекгидроэнерго» на базе активов ранее функционировавших АО «Узбекэнерго» и объединения «Узводэнерго» Министерства сельского и водного хозяйства республики. Компания осуществляет единую координацию вопросов оперативно-диспетчерского управления и 100-процентную закупку электроэнергии, производимой предприятиями АО «Узбекгидроэнерго» [Постановление Президента РУ № ПП-2972, 2017].

В 2020 г. компания согласно бизнес-плану должна была модернизировать каскад Кадырьинской ГЭС, построить ГЭС «Камолот», Нижнечаткальскую ГЭС и Пскемскую ГЭС в Ташкентской области, канал в Бухарской области и ряд других объектов [Бизнес-план, 2020]. Старейшая в республике Кадырьинская ГЭС уже запущена в июле 2020 г. [Новиков, 2020]. Все указанные строящиеся ГЭС Ташкентской области – это малые электростанции. Следует отметить, что некоторые станции предполагалось построить ещё в первом десятилетии XXI в. Сегодня с привлечением иностранного капитала эти проекты стали осуществляться.

К 2025 г. АО «Узбекгидроэнерго» планирует построить 4 ГЭС мощностью более 30 МВт, 16 новых малых и провести модернизацию 21 действующей ГЭС. В целях обеспечения одновременного строительства крупных и малых гидроэлектростанций и модернизации действующих ГЭС финансирование проектов предусматривается осуществлять в соотношении 69, 19 и 12% соответственно. В результате будет обеспечено увеличение ежегодной выработки электроэнергии на 2826 млн кВт·ч, при этом в структуре АО «Узбекгидроэнерго» общее количество станций достигнет 57 ГЭС с сум-

марной выработкой электроэнергии 9343 млн кВт·ч [Концепция развития гидроэнергетической отрасли РУ на 2020–2024 гг., 2018].

Узбекистан сотрудничает с рядом стран в модернизации и развитии гидроэнергетики страны. Российская Федерация также имеет значимые вложения в отрасль. Так, по данным министерства энергетики республики, в гидроэнергетике в настоящее время в сотрудничестве с Россией реализуется 5 проектов общей стоимостью 297,5 млн евро, из которых кредитные средства «ВЭБ.РФ» составляют 146,5 млн евро⁵. В сентябре 2020 г. стороны обсудили новые совместные проекты – модернизацию на Туполангской ГЭС, строительство УП Фархадской ГЭС и Нижне-Чаткальской ГЭС.

Отношения с сопредельными странами в вопросах водопользования и гидроэнергетики

В среднем 80% (около 41 куб. м/год) [Концепция развития водного хозяйства на 2020–2030 гг., 2020] общего объёма потребляемых Узбекистаном водных ресурсов приходится на долю трансграничных рек, которые формируются на территории соседних стран, о чём говорилось ранее.

В 2007 г. Узбекистан присоединился к международным конвенциям ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр [Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр, 1992] и о праве несудоходных видов использования международных водотоков [Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997], что говорит о приверженности республики принципам международного водного законодательства. Это важный аспект для решения водных проблем в регионе.

В 2017 г. на 72-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Президент Ш. Мирзиёев сказал, что проблема общих водных ресурсов является ключевой для безопасности и стабильности в Центральной Азии. А решение вопросов совместного водопользования в регионе стало одним из приоритетов внешней политики Узбекистана, т. к. только 9,6% от общего стока трансграничных рек в бассейне Аральского моря формируется в пределах республики [Салохиддинов, Соколов, 2020].

Таким образом, одной из острейших проблем региона стало расширение взаимодействия между сопредельными странами в вопросах водопользования в связи с изменением за годы независимости системы гидроэнергетических отношений центральноазиатских стран.

В советский период в регионе работала объединённая энергосистема Средней Азии, объединявшая энергосистемы Таджикистана, Киргизии,

⁵ Корпорация «ВЭБ.РФ» модернизирует каскады ГЭС в Узбекистане // <https://russaprimavera.ru/news/2fc196f2>, дата обращения 12.10.2020.

Туркмении, Узбекистана и Южного Казахстана, а её диспетчерское управление располагалось в Ташкенте исходя из фактора наибольшей экономической выгоды его центрального месторасположения в регионе. В состав системы входили 83 электростанции, объединённые линиями мощностью 220 и 550 кВт.

Эта система перестала существовать в 2003 г., когда из неё вышла Туркмения, а в 2009 г. — Узбекистан. Казахстан создал свою объединённую государственную энергосистему. Это привело к серьёзным экономическим последствиям. Странам пришлось самостоятельно заниматься модернизацией национальных энергосистем, формировать новые направления энергоперетоков, что означало строительство новых линий электропередач, малых ГЭС. Но, главное, это привело к нарушению регионального гидро- и энергоданса. Страны низовий стали продавать газ и электричество соседям по рыночным ценам, а за долги прекращали поставки. Таджикистан и Киргизия столкнулись с дефицитом энергии в зимний период, не имея достаточного количества крупных ГЭС и своих запасов углеводородов. Они вынуждены в зимний период накапливать воду в водохранилищах своих ГЭС, чтобы поставлять её летом находящимся ниже по течению Узбекистану, Казахстану и Туркмении для ирригации. А зимой, когда потребность в тепле и свете возрастает, им не хватает электричества, которое могут поставлять соседние страны, лежащие ниже по течению и вырабатывающие его на теплоэлектростанциях.

Поэтому Таджикистан и Киргизия озаботились вопросами обеспечения собственной энергетической безопасности, эксплуатируя круглогодично свои ГЭС и намереваясь построить новые крупные гидроэнергетические объекты: Рогунскую (на реке Вахш) и Даштиджумскую (на реке Пяндж) ГЭС в Таджикистане и две Камбаратинские ГЭС (на реке Нарын) в Киргизии. Кроме того, эти страны регулярно поднимают вопрос о необходимости платы за воду, так же как осуществляется плата за газ и другие природные ресурсы. Фактически ставится вопрос о переводе воды из категории природного ресурса в категорию товара, против чего выступает Узбекистан как крупнейший потребитель воды в регионе при молчаливой поддержке Казахстана и Туркмении.

В результате усугубился разрыв энергетических связей и нарастали водные противоречия, что негативно влияло на региональные экономики и вело к дезинтеграции государств. По данным ООН, из-за несогласованности решений в сфере координации трансграничных водных проблем Центральная Азия ежегодно теряет 1,75 млрд долл. [*Бухару-заде*, 2015]. Ситуация обостряется и из-за быстрого роста населения региона и, соответственно, увеличения потребности в воде, нерационального водопотребления вследствие использования устаревших ирригационных и дренажных систем в странах региона.

Решить эти проблемы невозможно силами отдельных государств. Были определённые попытки решения этих вопросов в рамках действовавших здесь региональных организаций – ЦАС, ОЦАС, – но результата они не дали [Дадабаева, Кузьмина, 2014: 10–11; 26–27].

Сегодня единственным совместным региональным органом, решающим вопросы управления трансграничными реками бассейна Аральского моря, является Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК). Она состоит из руководителей водохозяйственных ведомств пяти государств, оценивает водность рек и решает, сколько воды должна забирать каждая из республик. Но режимы работы гидроузлов бассейна Аральского моря разрабатываются без участия энергетиков, которые реализуют эти режимы без участия представителей водного хозяйства. Кроме того, органы МКВК располагаются в Ташкенте, сформированы на 100% национальными кадрами Узбекистана и, соответственно, в большей степени учитывают его водные интересы. Но комиссия – это рекомендательный орган по вододелению и водопользованию, не имеющий права решать вопросы взаиморасчётов по воде.

Камнем преткновения для решения общерегиональных водных проблем долгое время была жёсткая негативная позиция первого президента Узбекистана И. Каримова по строительству новых крупных ГЭС в Таджикистане и Киргизии, что могло привести, по его мнению, к сокращению объёмов воды, поступающей в страну, и плохо отразиться на узбекской экономике.

С приходом на президентский пост Ш. Мирзиёева ситуация стала меняться. Главным приоритетом республики в международных отношениях стало укрепление связей с сопредельными странами. Это сразу же отразилось и на водной проблеме как одной из самых острых в регионе.

В мае 2017 г. в Астане (сейчас – Нур-Султан) на встрече руководителей энергетических ведомств пяти государств Центральной Азии был согласован проект резолюции по восстановлению объединённой энергосистемы региона. Правда, проект так и не был подписан из-за несогласованности тарифов на транзит и поставку электроэнергии.

Летом 2019 г. в рамках второй Центральноазиатской конференции по реформам в энергетике в Стамбуле страны ЦА подписали совместную декларацию по региональному сотрудничеству в сфере энергетических реформ и созданию единого рынка электроэнергии.

По словам министра энергетики Узбекистана Ш. Ходжаева, Узбекистан, Казахстан и Киргизия уже восстановили энергокольцо. Сейчас идёт работа по подключению Таджикистана, наиболее пострадавшего от распада единой региональной энергосистемы. Завершить её планируется в 2021 г.

Началась и деятельность технических групп по налаживанию работы в параллельном режиме электроэнергетики Туркмении⁶.

Узбекистану важно не только сохранить необходимые экономике республики поставки воды и электроэнергии, но и оставить за собой роль диспетчерского центра общерегиональной энергосистемы.

Изменились и двусторонние отношения в вопросах водопользования и гидроэнергетики.

Так, о сотрудничестве в энергетической сфере Ташкент и Душанбе договорились в марте 2018 г. В совместном заявлении по итогам переговоров говорилось о «комплексном использовании водно-энергетических ресурсов с учётом интересов всех государств региона» и обоюдной заинтересованности в их рациональном использовании. Также Узбекистан выразил готовность рассмотреть возможность участия в строительстве гидроузлов на территории Таджикистана, в том числе Рогунской ГЭС. При этом в документе указывались два условия этого:

- строительство будет происходить с учётом соблюдения международных норм и стандартов по строительству подобных объектов;
- необходимость совершенствования правовых механизмов по комплексному и эффективному использованию трансграничных водных ресурсов⁷.

В августе 2018 г. стороны договорились проработать вопрос о совместном строительстве двух ГЭС общей мощностью 320 МВт на реке Зеравшан на территории Таджикистана, а также было решено изучить вопрос использования Сарезского озера для питьевых нужд обеих стран. Пока вопросы строительства не урегулированы, вероятнее всего, из-за нерешённости вопроса финансирования проекта и долей его участников.

Началось улучшение отношений Узбекистана и с Киргизией по водным вопросам. В ходе визита президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Бишкек в сентябре 2017 г. были обсуждены региональные водно-энергетические проблемы. Президенты пришли к принципиальному согласию о возможном участии Узбекистана в строительстве новых ГЭС в соседней республике. Хотя пока нет никаких официальных документов о размораживании строительства каскада Камбаратинских ГЭС. Причины такой ситуации аналогичны указанным в отношении совместного строительства ГЭС в Таджикистане. В ходе этого визита также было подписано соглашение о со-

⁶ Узбекистан намерен запустить полноценную работу энергокольца в ЦА за счёт подключения Таджикистана и Туркмении // <https://www.podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-nameren-zapustit-polnotsennuyu-rabotu-energokoltsa-v-tsa-za-schet-podklyucheniya-tadzhiki/>, дата обращения 12.10.2020.

⁷ Узбекистан – Таджикистан: кто даст денег на ГЭС? // <https://stanradar.com/news/full/33981-uzbekistan-tadjikistan-kto-dast-deneg-na-ges.html>, дата обращения 15.10.2020.

вместном использовании Орто-Токойского (Касансайского) водохранилища в Джалал-Абадской области Киргизии⁸.

Выводы

Республика, не имея достаточных водных ресурсов на своей территории, потребляет самый большой процент воды в регионе и также имеет критическую зависимость от трансграничных водных ресурсов региона. Перед Узбекистаном как страной с малым запасом водных ресурсов и засушливым климатом, с самым большим населением в Центральном-Азиатском регионе стоят задачи по обеспечению нормальной жизнедеятельности своих граждан и сохранению продовольственной безопасности.

Основными актуальными вопросами государственной политики являются вопросы модернизации существующей гидроэнергетической базы и строительства новых ГЭС, в первую очередь малых и средних, для увеличения выработки электроэнергии. Вместе с этим перед правительством стоит важнейшая задача энергосбережения. Другим актуальным вопросом водообеспечения сельского хозяйства республики остаётся модернизация ирригационных и других мелиорационных систем.

Для этих целей была проведена реструктуризация ведомств, занимающихся вопросами гидроэнергетики. В республике значительно усовершенствована законодательная база, регламентирующая водные вопросы: водопользование простыми жителями и отдельными отраслями национальной экономики, водосбережение, использование трансграничных и подземных вод. Отдельный блок законов и подзаконных актов посвящён развитию и модернизации гидроэнергетики, а также ирригационных и мелиоративных систем. И эта работа продолжается.

Наиболее значимыми отраслями экономики в сфере водозабора и использования водных ресурсов в республике являются сельское хозяйство, связанное в первую очередь с орошаемым земледелием, и гидроэнергетика. Программы развития этих отраслей нацелены не только на увеличение использования имеющегося водного потенциала, но и на модернизацию производственных мощностей с целью энерго- и ресурсосбережения. Это вопрос стоит особо остро в связи с нарастающими экологическими проблемами в регионе и процессом изменения климата на планете.

Республика целенаправленно решает благодаря выполнению этих программ вопросы продовольственной и водной безопасности страны.

⁸ «Узбекгидроэнерго» примет участие в строительстве ГЭС в Киргизии // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/26731-uzbekgidroenergo-primet-uchastie-v-stroitelstve-ges-v-kyrgyzstane.html>, дата обращения 15.10.2020.

Узбекистан в последние годы сумел наладить прагматичные отношения с сопредельными странами в вопросах водопользования. Президент ведёт активную деятельность в водных вопросах на двустороннем уровне и в их переходе на иной качественный уровень. Пока планы на совместные проекты в строительстве ГЭС в Киргизии и Таджикистане остаются декларацией из-за отсутствия необходимого финансирования. Но эффективно идёт работа по восстановлению единой энергосистемы Центральной Азии. Ташкент имеет особый интерес в её восстановлении. Однако параллельно необходимо решение вопросов цен на электроэнергию и её транзита по узбекской территории. Нормализация отношений при совместном водопользовании не только снизила конфликтный потенциал в регионе, но способствует укреплению позиции Узбекистана как регулятора регионального гидроэнергетического баланса.

Список литературы

Постановление Президента Республики Узбекистан «О программе мер по дальнейшему развитию возобновляемой энергетики, повышению энергоэффективности в отраслях экономики и социальной сфере на 2017–2021 гг.», 2017 // <https://lex.uz/docs/3221897>, дата обращения 25.10.2020.

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2972 «О мерах по организации деятельности акционерного общества „Узбекгидроэнерго“». 2017. Сборник законодательства Республики Узбекистан, № 25. Ст. 549. С. 603–606.

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2954 «О мерах по упорядочению контроля и учёта рационального использования запасов подземных вод на 2017–2021 гг.», 2017. Сборник законодательства Республики Узбекистан, № 19. Ст. 336, С. 171–199.

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4486 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления водными ресурсами», 2019 // <https://lex.uz/docs/4545906>, дата обращения 25.10.2020.

Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», 1993 // <https://lex.uz/docs/93202>, дата обращения 24.10.2020.

Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр. 1992 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml, дата обращения 24.10.2020.

Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml, дата обращения 24.10.2020.

Концепция развития водного хозяйства на 2020–2030 гг., 2020 // <http://www.water.gov.uz/ru/posts/1545735855/396>, дата обращения 17.10.2020.

Концепция развития гидроэнергетической отрасли Республики Узбекистан на 2020–2024 годы, 2018 // <https://regulation.gov.uz/ru/document/1343>, дата обращения 16.10.2020.

ВВП Узбекистана по видам экономической деятельности // [web.stat.uz/open_data/ru/3.2.1 GDP_IFUT2_hajmi_ru.pdf](http://web.stat.uz/open_data/ru/3.2.1_GDP_IFUT2_hajmi_ru.pdf), дата обращения 10.10.2020.

Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демография Узбекистана // <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>, дата обращения 10.10.2020.

Бизнес-план АО «Узбекгидроэнергоқурилиш» на 2020 год // http://uzbekgidroenergoqurilish.uz/images/biznesplan/biznes_plan-28.05.2020.pdf, дата обращения 16.10.2020.

Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М., 2014. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.

Kuzmina E., 2018. Impact of Water and Energy Problems on the Economic Development of Uzbekistan. The Handbook of Environmental Chemistry. Springer. Т. 85. Р. 201–214 // http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/698_2017_221

Мироненков А., Сарсембеков Т., 2005. Освоение гидроэнергетических ресурсов Центральной Азии. Промышленный еженедельник. № 18. С. 12.

Бухари-заде Н., 2015. Водные ресурсы в Центральной Азии: зависимая независимость // <http://www.fergananews.com/articles/8589>, дата обращения 12.10.2020.

Каттаходжаев Ш., Османова Д., Сулайманова С., Тулякова Р., 2017. Внедрение малой гидроэнергетики в Узбекистане. Современность и перспективы // <https://anhor.uz/ekologiya/vnedrenie-maloy-gidroenergetiki-v-uzbekistane.-sovremennosty-i-perspektivi>, дата обращения 15.10.2020.

Новиков В., 2020. Вновь перезапущена старейшая в Узбекистане Кадырынская ГЭС // <https://nuz.uz/sobytiya/1161736-vnov-perezapushhena-starejshaya-v-uzbekistane-kadyrinskaya-ges.html>, дата обращения 16.10.2020.

Салохиддинов А., Соколов В., 2020. Проблемы водных ресурсов, стабильности и безопасности: как они взаимосвязаны // <https://pv.uz/ru/newspapers/problemy-vodnyh-resursov-stabilnosti-i-bezopasnosti-kak-oni-vzaimosvjazany>, дата обращения 20.10.2020.

Более половины пресных подземных вод в Узбекистане под угрозой безвозвратной потери // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/bolee-poloviny-presnykh-podzemnykh-vod-v-uzbekistane-pod-ugrozoj-bezvozvratnoy-poteri/>, дата обращения 13.10.2020.

Корпорация «ВЭБ.РФ» модернизирует каскады ГЭС в Узбекистане // <https://rossaprimavera.ru/news/2fc196f2>, дата обращения 12.10.2020.

«Узбекгидроэнерго» примет участие в строительстве ГЭС в Киргизии // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/26731-uzbekgidroenergo-primet-uchastie-v-stroitelstve-ges-v-kyrgyzstane.html>, дата обращения 15.10.2020.

Узбекистан – Таджикистан: кто даст денег на ГЭС? // <https://stanradar.com/news/full/33981-uzbekistan-tadzhikistan-kto-dast-deneg-na-ges.html>, дата обращения 15.10.2020.

Узбекистан выделяет 4,3 млрд долл. на гидроэнергетику // <http://www.stanradar.com/news/full/25447-uzbekistan-vydeljaet-43-mlrd-na-gidroenergetiku.html>, дата обращения 15.10.2020.

Узбекистан намерен запустить полноценную работу энергокольца в ЦА за счёт подключения Таджикистана и Туркмении // <https://www.podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-nameren-zapustit-polnotsennuyu-rabotu-energokoltsa-v-tsa-za-schet-podklyucheniya-tadzhiki/>, дата обращения 12.10.2020.

ELENA M. KUZMINA,

candidate of political science, head of the sector of Belarus, Moldova and Ukraine IMEMO RAS.

Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

SPIN-code: 1307-5256

WATER PROBLEMS AND RISKS OF HYDROPOWER IN UZBEKISTAN

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_6

Received: 30.10.2020.

For citation: *Kuzmina E., 2020. Water Problems and Risks of Hydropower in Uzbekistan. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (12). P. 6–24.*

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, hydropower potential, river flow, transboundary waters, groundwater, irrigated agriculture, water use, hydropower development programs, water legislation.

Abstract

By virtue of Uzbekistan's hot and arid climate water is very important for its economy and satisfaction of the population's basic needs in general. The article addresses Uzbekistan's water and hydropower potential. The most important economy sectors in the field of water intake and use of water resources are irrigated agriculture and hydropower. The development programs of these industries are aimed not only at increasing the use of the water potential, but also at modernizing capacities for energy and resource conservation. Special emphasis in hydropower is placed on the construction of new hydroelectric power stations, primarily small and medium-sized ones. This will improve the situation in remote and inaccessible areas of the state. To this end, hydropower agencies have been restructured. Modernization of irrigation and other reclamation systems remains a pressing issue in the water supply of agriculture.

An analysis of changes in the legislative framework on water issues and hydropower in 2017–2020 was made. The legislative framework regulating water issues has been significantly improved in the Republic: water use by population and the national economy, water conservation, the use of transboundary and groundwater. Water and hydropower programs have been adopted and are in operation.

Uzbekistan does not have sufficient water resources on its territory but consumes the largest amount of water in the region. It is critically dependent on the transboundary water resources. The article also analyzes Uzbekistan's interaction with the countries of Central Asia in the transboundary rivers and reservoirs use, reconstruction of the unified region energy system. In recent years, it has managed to establish pragmatic relations with neighboring countries in the sphere of water resources. Intensive work is underway to restore a single regional energy system. Nevertheless, plans for joint projects in the construction of hydroelectric power stations are only planned. These actions by Uzbekistan's government have already reduced the conflict potential in the region. They help strengthen Uzbekistan's position as a regulator of the regional hydropower balance.

References

Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan «On the program of measures for the further development of renewable energy, energy efficiency in economic and social sectors for 2017–2021», 2017 // <https://lex.uz/docs/3221897>, accessed 25.10.2020. (In Russ.)

Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan no. PP-2972 «On measures to organize the activities of Uzbekgidroenergo joint-stock company», 2017. Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan. № 25. Article 549. Pp. 603–606. (In Russ.)

Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-2954 «On measures to streamline the control and accounting of rational use of groundwater reserves for 2017–2021», 2017. Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan, № 19. Article 336. P. 171–199. (In Russ.)

Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan no. PP-4486 «On measures for further improvement of the water resources management system», 2019 // <https://lex.uz/docs/4545906>, accessed 25.10.2020. (In Russ.)

Law of the Republic of Uzbekistan «On water and water use», 1993 // <https://lex.uz/docs/93202>, accessed 24.10.2020. (In Russ.)

Convention on the protection and use of transboundary watercourses and international lakes, 1992 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml, accessed 24.10.2020. (In Russ.)

Convention on the law of the non-navigational uses of international watercourses, 1997 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml, accessed 24.10.2020. (In Russ.)

The concept of development of water resources in 2020–2030, 2020 // <http://www.water.gov.uz/ru/posts/1545735855/396>, accessed 17.10.2020. (In Russ.)

Concept of development of the hydroelectric industry of the Republic of Uzbekistan for 2020–2024, 2018 // <https://regulation.gov.uz/ru/document/1343>, accessed 16.10.2020. (In Russ.)

Uzbekistan's GDP by type of economic activity // web.stat.uz/open_data/ru/3.2.1_GDP_IFUT2_hajmi_ru.pdf, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

State statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Demographics of Uzbekistan // <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

Business plan of JSC Uzbekhydroenergokurilish for 2020 // http://uzbekgidroenergoqurilish.uz/images/biznesplan/biznes_plan-28.05.2020.pdf, accessed 16.10.2020. (In Russ.)

Dadabaeva Z. A., Kuzmina E. M., 2014. Regionalization processes in Central Asia: problems and contradictions: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Kuzmina E., 2018. Impact of Water and Energy Problems on the Economic Development of Uzbekistan. The Handbook of Environmental Chemistry. Springer. Т. 85. P. 201–214. // http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/698_2017_221 (In Eng.)

Mironenkov A., Sarsembekov T., 2005. Development of hydroelectric resources in Central Asia-Industrial weekly. № 18. P. 12. (In Russ.)

Bukhari-zade N., 2015. Water resources in Central Asia: dependent independence // <http://www.fergananews.com/articles/8589>, accessed 12.10.2020. (In Russ.)

Kattakhodjaev Sh., Osmanova D., Sulaymanova S., Tulyakova R., 2017. Introduction of small hydropower in Uzbekistan. Present state and future prospects. // <https://anhor.uz/ekologiya/vnedrenie-maloy-gidroenergetiki-v-uzbekistane.-sovremennosty-i-perspektivi>, accessed 15.10.2020. (In Russ.)

Novikov V., 2020. Kadyrinskaya HPP, the oldest in Uzbekistan, has been restarted again // <https://nuz.uz/sobytiya/1161736-vnov-perezapushhena-starejshaya-v-uzbekistane-kadyrinskaya-ges.html>, accessed 16.10.2020. (In Russ.)

Salokhiddinov A., Sokolov V., 2020. Problems of water resources, stability and security: how they are related // <https://pv.uz/ru/newspapers/problemy-vodnyh-resursov-stabilnosti-i-bezopasnosti-kak-oni-vzaimosvjazany>, accessed 20.10.2020. (In Russ.)

More than half of fresh ground water in Uzbekistan is under threat of irretrievable loss // <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/bolee-poloviny-presnykh-podzemnykh-vod-v-uzbekistane-pod-ugrozoy-bezvozvratnoy-poteri/>, accessed 13.10.2020. (In Russ.)

Corporation WEB.Russia modernizes HPP cascades in Uzbekistan // <https://rossaprimavera.ru/news/2fc196f2>, accessed 12.10.2020. (In Russ.)

Uzbekgidroenergo will participate in the construction of hydroelectric power plants in Kyrgyzstan // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/26731-uzbekgidroenergo-primet-uchastie-v-stroitelstve-ges-v-kyrgyzstane.html>, accessed 15.10.2020. (In Russ.)

Uzbekistan – Tajikistan: who will give money for the hydroelectric power station? // <https://stanradar.com/news/full/33981-uzbekistan-tadzhikistan-kto-dast-deneg-na-ges.html> and address date 15.10.2020. (In Russ.)

Uzbekistan allocates 4.3 billion doll. for hydropower // <http://www.stanradar.com/news/full/25447-uzbekistan-vydeljaet-43-mlrd-na-gidroenergetiku.html>, accessed 15.10.2020. (In Russ.)

Uzbekistan intends to launch a full-fledged operation of the power ring in Central Asia by connecting Tajikistan and Turkmenistan // <https://www.podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-nameren-zapustit-polnotsennuyu-rabotu-energokoltsa-v-tsa-za-schet-podklyucheniya-tadzhiki/>, accessed 12.10.2020. (In Russ.)

Сергей ЖИЛЬЦОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИТОГИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Дата поступления в редакцию: 12.12.2020.

Для цитирования: Жильцов С. С., 2020. Энергетическая политика прикаспийских государств: итоги и новые выводы. – Геоэкономика энергетики. № 4 (12). С. 25–39.

После распада СССР страны Каспийского региона стали формировать свою энергетическую политику. Основные усилия были направлены на снижение зависимости от России в сфере экспорта углеводородных ресурсов и создания альтернативных маршрутов доставки нефти и газа на внешние рынки. В свою очередь, Россия стремилась сохранить влияние в Каспийском регионе, в том числе за счёт контроля над экспортом углеводородных ресурсов, которые прикаспийские страны планировали добывать в перспективе. Итогом усилий новых прикаспийских стран стало создание альтернативных маршрутов экспорта углеводородных ресурсов при сохранении сотрудничества с Россией. В то же время в силу различных причин прикаспийские страны, ослабив влияние России, оказались в орбите интересов внерегиональных государств. Особая ситуация сложилась в отношении Ирана, который оказался практически исключён из формирования новой трубопроводной архитектуры в Каспийском регионе. В итоге у прикаспийских стран сформировались подходы к реализации энергетической политики, которые они будут реализовывать в ближайшие годы.

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119021, ул. Остоженка, д. 53/2. E-mail: sergej-z71@yandex.ru. SPIN-код: 4297-7880. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4898-2627>.

Ключевые слова: Каспийский регион, энергетическая политика, прикаспийские государства, трубопроводы, нефть, газ, внерегиональные государства.

Введение

После распада СССР на берегах Каспия образовались новые прикаспийские государства – Азербайджан, Казахстан и Туркмения. В результате Россия и Иран (Персия) должны были учитывать интересы новых государств, которые имели собственные интересы на Каспии [Зонн, 2008: 23–67].

Ещё до распада СССР Казахстан и Азербайджан стремились привлечь к разработке углеводородных ресурсов ведущие западные нефтегазовые компании. С их помощью новые независимые государства рассчитывали увеличить объёмы добычи на своих месторождениях нефти и газа. Помимо развития собственной добычи, прикаспийские страны были заинтересованы в реализации трубопроводных проектов, которые снизили бы их зависимость от России. Казахстан и Туркмения рассматривали восточное и западное направление (через Азербайджан) в качестве приоритетных для создания новых трубопроводных маршрутов, притом что эти страны сохранили сильную зависимость от поставок своих ресурсов в Россию. Азербайджан рассматривал западное (в сторону Турции) и северное (через Россию) направления экспорта своих углеводородных ресурсов.

В 1990-х гг. острые дискуссии относительно выбора направления экспорта и конкретных проектов трубопроводов завершились. Для Туркмении и Казахстана основным направлением стали российское (северное) и восточное (в Китай) направления. Азербайджан, опираясь на политическую поддержку западных стран, приступил к созданию трубопроводной инфраструктуры в сторону Турции.

Россия была заинтересована в том, чтобы потоки нефти и газа (как имеющиеся, так и будущие) направлялись через российскую территорию. В целом российская политика была направлена на сохранение контроля над экспортными потоками. Каспийские нефть и газ имели исключительно важное значение, поскольку определяли экономическое развитие стран региона [Старченков, 2001: 45–89]. Россия стремилась сохранить контроль над энергетической политикой прикаспийских государств, что создавало предпосылки для сохранения доминирующего положения в регионе [Каспийская трубопроводная геополитика... 2011: 52–63]. Частично эта задача была выполнена. Казахстан и Туркмения сохраняли ориентацию на Россию, одновременно развивая новые направления экспорта. Азербайджан переориентировал свою политику на Турцию, которая стала основным партнёром Баку в вопросах экспорта азербайджанского газа и нефти.

С середины 90-х гг. XX в. под давлением США Иран был исключён из обсуждения и отстранён от участия в реализации трубопроводных проектов. Энергетическое сотрудничество Ирана было ограничено Туркменией. Строительство двух ниток трубопроводов для экспорта туркменского газа в Иран отвечало интересам Туркмении, которая получила возможность

диверсифицировать поставки своего газа. В свою очередь, Иран решал вопросы газоснабжения северных провинций и впоследствии отказался от закупок туркменского газа.

Энергетическая политика Казахстана

Казахстан изначально находился в сложной ситуации. Зависимость от поставок в российском направлении и отсутствие экспортных трубопроводов в других географических направлениях значительно ослабляли позиции казахской стороны. Удалённость Казахстана от основных рынков сбыта также создавала Казахстану значительные препятствия для реализации проектов по строительству экспортных трубопроводов.

Маршрутом, которому в Казахстане уделяли большое внимание, стал проект нефтепровода Тенгиз – Новороссийск. Он должен был соединить Тенгизское месторождение с терминалом в Южной Озереевке на Чёрном море. Этот маршрут давал Казахстану новые возможности, чтобы обеспечить экспорт углеводородных ресурсов на внешний рынок [Фёдоров, 1996: 138]. По итогам обсуждения в июле 1992 г. было подписано соглашение о создании Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Общая протяжённость трубопровода должна была составить 1511 км, максимальная пропускная способность – 67 млн т нефти в год. Оператором нефтепровода была определена российская компания «Транснефть». Для России маршрут имел важное значение. Его реализация создавала условия для поставок казахстанской нефти через российскую территорию.

В марте 2001 г. началась подача нефти в трубопровод. Первый танкер с нефтью КТК (с терминала в Южной Озереевке на Чёрном море) был загружен в октябре того же года.

Строительство нефтепровода Тенгиз – Новороссийск отвечало интересам России, которая получила мощный инструмент влияния на Казахстан. Строительство трубопровода позволило России затормозить или отложить реализацию Казахстаном альтернативных направлений экспорта углеводородных ресурсов.

Казахстан последовательно проводил политику, направленную на увеличение поставок нефти через КТК. В 2004 г. объёмы поставок нефти через трубопровод возросли до 30 млн т в год. В тот же период началось обсуждение вариантов увеличения возможностей трубопровода. В последние годы объём прокачки достиг 67 млн т нефти с перспективой увеличения до 80 млн т до 2024 г. Реализация данных планов связана с ростом добычи нефти в Казахстане, в основном на месторождениях Тенгиз, Карачаганак и Кашаган.

Помимо КТК Казахстан уделял большое внимание другим экспортным направлениям транспортировки нефти. Одним из таких направлений стал нефтепровод Атырау – Самара, протяжённостью 1000 км и диаметром

трубы 700 мм. В июне 2002 г. Россия и Казахстан подписали долгосрочное межправительственное соглашение. Согласно документу Казахстан получил возможность экспортировать нефть по данному маршруту в объёме не менее 15 млн т в год.

В 2013 г. по трубопроводу было прокачано 15,4 млн т нефти. На основании прогнозных данных о росте добычи нефти в Казахстане и исходя из намерений казахстанских нефтяных компаний использовать самарское направление для экспорта было подсчитано, что потенциал трубопровода позволяет произвести увеличение его пропускной способности до 20–25 млн т нефти в год, а на участке Узень – Атырау – до 40 млн т нефти в год [Быстрова, 209: 14]. Однако в последующие годы прогнозы не подтвердились. В 2019 г. по нефтепроводу было прокачано 13,3 млн т казахстанской нефти¹.

Энергетическая политика Азербайджана

После распада СССР Азербайджан, на территории которого с XIX в. добывали нефть в промышленных масштабах, был заинтересован получить для своих ресурсов доступ на внешний рынок. Начавшиеся ещё до распада СССР переговоры с западными нефтегазовыми компаниями завершились в первой половине 90-х гг. XX в. подписанием ряда соглашений. Они дали импульс разработке месторождений углеводородных ресурсов в Азербайджане и способствовали продвижению трубопроводных проектов нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум.

В то же время Азербайджан имел возможность поставок нефти через действующий нефтепровод Баку – Новороссийск. В его работе была заинтересована Россия, поскольку «труба» укрепляла российские позиции в Каспийском регионе. Азербайджан также мог получить выгоду от экспорта нефти через российское направление, не дожидаясь строительства альтернативных трубопроводных проектов. Для транспортировки нефти по трубопроводу «Баку – Новороссийск» необходимо было провести ряд строительных работ и модернизацию существующей инфраструктуры [Roberts, 1996: 23–45].

В 1996 г. Россия, Азербайджан, нефтяные компании «Транснефть», АМОК и ГНКАР подписали межгосударственные и межведомственные российско-азербайджанские соглашения о транспортировке азербайджанской нефти через трубопроводную систему России. В соответствии с документами Азербайджан должен был ежегодно поставлять 5 млн т нефти. Уже в октябре 1997 г. по трубопроводу Баку – Грозный – Новороссийск пошла

¹ Участки нефтепровода Узень – Атырау – Самара введены в эксплуатацию после реконструкции // <https://kaztransoil.kz/ru/press-centre/press-releases/2687-uchastki-nefteprovoda-uzen-atyrau-samara-vvedeny-v-ekspluatatsiyu-posle-rekonstrukcii>, дата обращения 05.12.2020.

азербайджанская нефть. По данному трубопроводу в основном поставлялась нефть азербайджанской компании «ГНКАР» (*SOCAR*), а также нефть, которая добывалась на месторождениях Азери – Чираг – Гюнешли.

Однако соперничество трубопроводных маршрутов привело к тому, что в качестве основного нефтепровода был выбран проект нефтепровода Баку – Джейхан. В итоге российское направление уже не рассматривалось Азербайджаном в качестве перспективного маршрута экспорта. Это привело к тому, что в мае 2013 г. премьер-министр РФ Д. А. Медведев подписал распоряжение о прекращении действия российско-азербайджанского договора о прокачке нефти по трубопроводу Баку – Новороссийск с февраля 2014 г. Решение российского правительства было обусловлено незначительными объёмами поставок азербайджанской нефти. В 2011–2012 гг. объёмы прокачки нефти составили 2 млн т в год, а в 2013 г. – 1,75 млн т.

Начиная с XXI в. Азербайджан, опираясь на поддержку Турции, развивал экспорт газа. Азербайджано-турецкий тандем сыграл важную роль в экспорте каспийского газа на внешний рынок. В 2013 г. консорциум по разработке азербайджанского газоконденсатного месторождения Шах-Дениз принял решение о выборе Трансадриатического газопровода (*TAP*) в качестве основного маршрута для поставки газа в Европу. В 2016 г. Еврокомиссия одобрила его строительство, что открыло азербайджанскому газу путь на европейский рынок. Кроме того, большое значение имел проект Трансанатолийского газопровода (*TANAP*). В результате азербайджанский газ с месторождения Шах-Дениз получил выход не только в Турцию, но и далее, в страны Южной Европы: Грецию, Италию. Ожидалось, что после реализации проектов объёмы поставок газа составят около 16 млрд куб. м, а в перспективе возрастут до 30 млрд куб. м газа.

Таким образом, Азербайджан создал надёжный маршрут транспортировки своей нефти и газа в Турцию, которая, в свою очередь, превратилась в газовый хаб. Баку имел все предпосылки, чтобы закрепить за собой ведущую роль в качестве основного экспортёра каспийских углеводородных ресурсов на европейский рынок. Завершение строительства и выход на полную мощность трубопроводов *TANAP* и *TAP* позволит Азербайджану в перспективе укрепить свои позиции в качестве ключевого игрока в поставках углеводородного сырья в страны Южной Европы. В то же время, Баку попал в зависимость от политики Турции, которая получила возможность усилить влияние на энергетическую политику Азербайджана.

Энергетическая политика Туркмении

После распада СССР Туркмения имела единственную возможность для поставок своего газа на внешний рынок – через российскую территорию. Это было связано с географическим положением Туркмении, а также

с имеющейся в наличии инфраструктурой для транспортировки природного газа, доставшейся от бывшего СССР. По этой причине Ашхабад активно включился в обсуждение новых трубопроводных проектов, которые давали бы ему возможность самостоятельно поставлять газ на внешний рынок.

Контроль со стороны коммерческого конкурента — «Газпрома» — позволял маневрировать ценами и объёмом прокачиваемого сырья, а также распоряжаться квотами. До 1994 г. Туркмения имела квоту 11% (11 млрд куб. м газа в год) в общем объёме экспорта российского газа.

В 1995 г. Россия пошла на изменение энергетической политики в рамках постсоветского пространства. Заинтересованная в увеличении объёмов поставок газа на внешние рынки и валютных поступлений, она отказала Туркмении в прокачке его газа через свою территорию. В результате с 1991 по 1998 г. производство газа в Туркмении сократилось почти в семь раз.

Трубопроводная изоляция заставила Туркмению разработать новую стратегию развития нефтегазового комплекса, а также искать дополнительные возможности для экспорта ресурсов. Туркмения стала проводить политику, направленную на привлечение иностранных инвесторов в нефтегазовую отрасль страны. Одновременно Туркмения включилась в игру, которая должна была привлекать к туркменским месторождениям повышенное внимание западных стран и нефтегазовых компаний. Для этого Ашхабад завышал данные по запасам месторождений, а также прогнозы относительно уровня их добычи. В итоге в начале 2000-х гг. Туркмения заключила соглашение с Китаем о строительстве туркменско-китайского газопровода.

Наряду с китайским направлением экспорта своего газа Туркмения рассматривала варианты доставки своего газа в Иран и Азербайджан, рассчитывая на строительство Транскаспийского газопровода. Несмотря на прокладку двух веток газопровода в направлении Ирана (1997, 2010 г.) общей пропускной способностью 20 млрд куб. м газа в год, они были загружены не более чем на 8 млрд куб. м газа в год. Например, в 2014 г. Иран импортировал лишь 6,5 млрд куб. м газа. При этом в начале 2016 г. иранские власти заявили, что в ближайшее время намерены полностью отказаться от импорта туркменского газа. Изменение политики Ирана в отношении Туркмении в газовой сфере было связано с тем, что к этому времени Тегеран завершил строительство собственных новых трубопроводов для поставок природного газа, добываемого на месторождениях в южных регионах страны для потребителей в северных провинциях [Аминжонов, 2016: 27–32].

Иранское направление позволило Туркмении диверсифицировать поставки газа, однако в силу ограниченной мощности трубопроводов не позволило рассчитывать на него в качестве альтернативы. Проект строительства Транскаспийского газопровода встретил негативную реакцию России и Ирана, имел высокую стоимость и не имел источников направления.

В итоге Туркмения стала ориентироваться на китайское направление поставок.

Реализация Транскаспийского газопровода преподносилась Западом в качестве диверсификации прикаспийскими странами маршрутов экспорта углеводородных ресурсов. Идею пытались реализовать через проект газопровода *Nabucco*, который должен был пройти из Азербайджана в Австрию и далее в Германию. В качестве потенциального источника ресурсов для трубопровода рассматривался туркменский газ, который к тому времени оказался в сфере долгосрочных интересов Китая.

Несмотря на отсутствие предпосылок для строительства Транскаспийского газопровода, в последние годы он находился в фокусе внимания Запада. ЕС и США инициировали его обсуждение. Туркмения, а вместе с ней и Казахстан были заинтересованы в диверсификации маршрутов поставок своего газа на внешние рынки и проявляли к проекту большой интерес [Лаумулин, 2020: 230–245].

В итоге Туркмения стала ориентироваться на экспорт газа в китайском направлении. В 2009 г. был построен газопровод Туркмения – Китай. Однако темпы и объёмы экспорта в Китай не соответствовали ожиданиям Ашхабада. В 2016–2019 гг. Ашхабад смог поставить лишь 35 млрд куб. м газа, что поставило под сомнение целесообразность запуска четвёртой ветки газопровода Туркмения – Китай, пропускная способность которой должна была составить 30 млрд куб. м газа в год, доведя общую мощность экспортного трубопровода до 85 млрд куб. м газа в год. Тем не менее для Туркмении поставки газа в Китай имеют принципиальное значение, поскольку Пекин является основным потребителем туркменских углеводородов. В последние годы туркменская сторона поставляла Пекину чуть более 30 млрд куб. м газа, что составляет около 10% от потребности китайской экономики.

Существуют различные прогнозы относительно того, сколько газа в будущем потребуется Пекину и сколько сможет добывать Туркмения. Пока Ашхабад добывает относительно небольшое количество газа, особенно на фоне данных о наличии огромных запасов углеводородных ресурсов. Китай также не торопится расширять существующие мощности трубопроводной системы, идущие из Центральной Азии. Пекину пока хватает трёх ниток, по которым газ из Центральной Азии поступает в страну.

После получения доступа к туркменскому газу Пекин проявил интерес к расширению взаимодействия с Казахстаном, который также обладал значительными запасами нефти и газа. Тем более что газопровод Туркмения – Китай, проходящий также по территории Казахстана, был рассчитан и на закупку казахстанского сырья. Реализация данного проекта фактически гарантировала Китаю поставку газовых ресурсов, расположенных на восточном побережье Каспийского моря, тем самым снижая вероятность участия прикаспийских государств в западно ориентированных проектах

трубопроводов. Прежде всего это касалось проекта газопровода *Nabucco* и Транскаспийского газопровода, которые по-прежнему лоббировались западными странами, «растаскивающими» регион [Геополитические особенности Центральной Евразии, 2018: 170–171]. В свою очередь, Казахстан был заинтересован в диверсификации маршрутов поставок углеводородного сырья. Китайская сторона стремилась получить доступ к нефтегазовым ресурсам Казахстана, для которого увеличение добычи и экспорта углеводородных ресурсов являлось первоочередной задачей. Казахстан стремился извлечь выгоды от сотрудничества с Китаем, поскольку увеличение добычи и экспорта углеводородных ресурсов являлось первоочередной задачей. Сотрудничество с Китаем рассматривалось в Казахстане в качестве возможности получить технологии и знания для последующего развития собственной нефтехимии и нефтепереработки [Тумашова, 2015: 4].

Российская энергетическая политика на Каспии

Российская энергетическая политика в Каспийском регионе с начала 90-х гг. прошла эволюцию от стремления сохранить доминирующее влияние на прикаспийские страны, их внешнюю политику до поиска компромиссных вариантов сотрудничества. Россия была вынуждена учитывать устремления прикаспийских государств, которые реализовывались в сфере трубопроводного транспорта.

Азербайджан в первые годы независимости делал ставку исключительно на сближение с ЕС и США. Ключевую роль в формировании энергетической политики Азербайджана играли государственные структуры США. Наличие значительных запасов нефти, а впоследствии и открытие газовых месторождений, выгодное географическое положение сохраняли интерес к Азербайджану со стороны ведущих нефтегазовых компаний мира. Они поддержали формирование новой трубопроводной инфраструктуры [Zhiltsov, 2016: 85–94].

В начале 90-х гг. XX в. в России шли острые дискуссии относительно того, какой должна быть каспийская политика. В отличие от российских нефтегазовых компаний, стремящихся принять участие в разработке углеводородных месторождений на шельфе Каспия, большинство государственных структур поддерживали жёсткий внешнеполитический курс, направленный на блокирование разработки месторождений на Каспии и ограничение участия западных стран в региональных делах. Одновременно с этим в федеральных органах власти и прикаспийских субъектах РФ признавали выгодность совместного экономического сотрудничества, направления которого в тот период времени ещё только формировались.

В 2014–2015 гг. изменился характер энергетической политики России с отдельными прикаспийскими государствами, которые в значительной

степени снизили зависимость от России в сфере ТЭК [Каспийский регион на энергетической карте мира, 2014: 13]. Россия снижала или полностью прекратила закупки углеводородных ресурсов из ряда прикаспийских государств. Так, в этот период начался новый этап в развитии отношений России с Азербайджаном в энергетической сфере. Ещё в 2013 г. Правительство России приняло решение расторгнуть договор с Азербайджаном и прекратить прокачку нефти по трубопроводу Баку – Новороссийск. Однако уже в 2014 г. отношения двух стран в энергетической сфере возобновились и по трубопроводу было прокачано 0,93 млн т нефти, а в 2015 г. – 1,27 млн т.

В отличие от экспорта азербайджанской нефти, которая в небольших количествах поставлялась в российский направлении, иная ситуация складывалась в газовой сфере. Азербайджан разрабатывал собственные месторождения газа, и у него постепенно снижалась потребность в импорте российского газа. В 2013 г. поставки составили 1,3 млрд куб. м, в 2014 г. снизились до 0,21 млрд куб. м, а в 2015 г. экспорт азербайджанского газа в направлении России не осуществлялся.

Кардинальные изменения происходили в российско-туркменских отношениях. В 2014 г. Россия сохраняла закупки туркменского газа на уровне 10 млрд куб. м. В 2015 г. поставки туркменского газа сократились до 4 млрд куб. м. С января 2016 г. Россия прекратила закупки туркменского газа, поскольку наращивала собственную добычу. В конце 2018 г. Россия и Туркмения возобновили переговоры о сотрудничестве в газовой сфере, которое фактически было прекращено в начале 2016 г. Речь шла о возобновлении закупок туркменского газа с 2019 г. Для Туркмении, которая фактически оказалась в зависимости от Китая (в 2018 г. Туркмения продала Китаю 36 млрд куб. м газа), поставляя свой газ только в китайском направлении, диверсификация маршрутов экспорта являлась ключевой задачей. В итоге в апреле 2019 г. «Газпром» возобновил закупки туркменского газа. По краткосрочному контракту, который действовал с 15 апреля по 30 июня 2019 г., объём поставок составил 1,2 млрд куб. м. Затем, 1 июля 2019 г., «Газпром» заключил контракт на закупку природного газа у «Туркменгаза» сроком на пять лет. Ежегодно российская компания должна будет закупать до 5,5 млрд куб. м газа в год. В первую половину 2020 г. «Газпром» нарастил закупки до 1,7 млрд куб. м туркменского газа².

Россия, возобновляя закупки туркменского газа, усиливала сотрудничество с Ашхабадом, одновременно снижая вероятность переориентации поставок туркменского газа в западном направлении³. Тем более что к этому Туркмению активно подталкивали ЕС и США, оказывая политическую

² «Газпром» увеличил закупки природного газа в Туркмении // <https://www.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/833/gazprom-uvlichil-zakupki-prirodnogo-gaza-v-turkmenistane>, дата обращения 10.12.2020.

³ Там же.

поддержку проекту Транскаспийского газопровода. В результате переговоров в апреле 2019 г. «Газпром» возобновил закупки туркменского газа. По краткосрочному контракту, который действовал с 15 апреля по 30 июня 2019 г., объём поставок составил 1,2 млрд куб. м. Затем, 1 июля 2019 г., «Газпром» заключил контракт на закупку природного газа у «Туркменгаза» сроком на пять лет. Ежегодно российская компания должна будет закупать до 5,5 млрд куб. м газа в год.

Политика России на Каспии была направлена на дальнейшую реализацию проектов по освоению нефтяных месторождений, расположенных на Каспии. Ключевую роль в этом вопросе играла компания «Лукойл», которая планировала увеличить инвестиции в месторождение им. Филановского и построить новые платформы, предназначенные для добычи нефти. С 2015 г. основное внимание российская компания уделяла развитию нефтяной добычи, которая становилась более рентабельной по сравнению с газодобычей. По этой причине компания стала проявлять повышенный интерес к нефтяному месторождению Ракушечное, которое планируется ввести в строй в 2021 г. Тем не менее до 2025 г. добыча углеводородных ресурсов на Каспии российскими компаниями вряд ли превысит 10 млн т нефти и 14 млрд куб. м газа [Кравец, 2015: 18–27].

В конце 2017 г. компания «Лукойл» начала бурить на месторождении им. Филановского первую добывающую скважину со второй ледостойкой стационарной платформы. Всего в 2017 г. на месторождении было добыто 4,6 млн т нефти.

Российская политика была направлена на увеличение добычи на Каспии. В 2019 г. компания «Лукойл» продолжала обустройство месторождений им. В. Филановского, им. Ю. Корчагина, Ракушечное. В 2018 г. добыча нефти на месторождении имени В. Филановского составила 6 млн т. Планировалось довести добычу до 7,2 млн т нефти в год и сохранять этот уровень до 2023 г.⁴

Одновременно проводились подготовительные работы на месторождении Ракушечное. Промышленная добыча на нём должна начаться в 2023 г. и составить 1,2 млн т. Компания «Лукойл» намерена ввести в эксплуатацию месторождение Ракушечное на год раньше запланированного срока. Это должно произойти в 2021 г.

Россия расширяла взаимодействие с Казахстаном, который является одним из ключевых партнёров на Каспии. В ходе официального визита президента Казахстана К.-Ж. К. Токаева в Россию в апреле 2019 г. обсуждалась каспийская проблематика. В заявлении по итогам переговоров В. В. Путин

⁴ Месторождение Филановского выходит на полку суточной добычи // <https://oilcapital.ru/news/upstream/21-05-2018/mestorozhdenie-filanovskogo-vyhodit-na-polku-sutochnoy-dobychi>, дата обращения 26.11.2020.

отметил, что «через Россию идёт основной транзит казахстанской нефти на внешние рынки, а важным компонентом топливно-энергетического сотрудничества является совместное освоение трансграничных месторождений» [Заявления для прессы... 2019]⁵. Кроме того, Россия была заинтересована, чтобы добываемые в прикаспийских странах нефть и газ поставлялись на экспорт через систему российских трубопроводов.

Санкции, введённые западными странами в 2014 г., повысили для России значение Каспийского региона, который превратился в испытательный полигон для отработки технологий добычи углеводородных ресурсов в сложных геологических и природных условиях. На тот момент в повестку дня была включена задача разработки принципиально новых технологий добычи, которые могли использоваться на российском континентальном шельфе [Томас, 2011: 76–78].

Большое внимание Россия уделяла решению спорных вопросов, касающихся разработки углеводородных месторождений, расположенных в центральной части Каспия. В октябре 2015 г. в рамках визита Президента России в Казахстан был подписан Протокол о внесении изменений в Протокол Соглашения между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря от 6 июля 1998 г. Подписанный протокол определил условия совместного освоения нефтегазовой структуры «Центральная». Как подчеркнул В. В. Путин, «у нас (России и Казахстана. — Авт.) большие планы по совместной нефтедобыче на Каспии» [Лис, 2015: 2]. Протокол позволял российскому правительству выдать лицензию на геологоразведку и добычу нефти и газа на месторождении Центральная на шельфе Каспийского моря, открытом в мае 2008 г. Запасы нефтегазового месторождения оценивались в 169,1 млн т условного топлива [Сергеев, 2015: 4].

Энергетическая политика Ирана

В отличие от других прикаспийских государств энергетическая политика Ирана на Каспии не отличалась активностью. Из-за давления США с середины 1990-х гг. Иран был исключён из обсуждения, и тем более реализации трубопроводных проектов. Участие иранской стороны ограничилось строительством газопроводов из Туркмении.

Пассивность Ирана на Каспии объяснялась низкой заинтересованностью в разработке каспийских месторождений, поскольку основная разработка углеводородных ресурсов осуществлялась на юге страны. Кроме того, «сказывалось отсутствие решения по правовому статусу Каспийского моря,

⁵ Заявления для прессы по итогам российско-казахстанских переговоров, 2019 // www.kremlin.ru/events/president/news/60218, дата обращения 07.12.2020.

а также угроза введения американских санкций. Это отпугнуло крупные иностранные инвестиции» [Сейд, 2017: 101–112].

В последнее десятилетие Иран разведал несколько новых месторождений в Каспийском море. Однако пока не приступил к их разработке и в ближайшие годы вряд ли начнёт добычу углеводородных ресурсов на Каспии.

Заключение

В последние десятилетия энергетическая политика каждого из прикаспийских государств была направлена на диверсификацию маршрутов поставок углеводородных ресурсов на внешний рынок. Особенно активно в этом направлении действовали Азербайджан, Казахстан и Туркмения, рассчитывая ослабить влияние России и проводить независимую политику. Однако, решив задачу по снижению зависимости от России, эти государства оказались в орбите влияния внерегиональных государств. Турция усилила влияние на Азербайджан, Китай выступает основным потребителем туркменских углеводородов. Казахстан осуществляет поставки своей нефти через российское направление. Сложившаяся ситуация имеет предпосылки сохраниться в ближайшие годы.

Россия добилась определённых успехов в реализации новых проектов по добыче и экспорту углеводородных ресурсов. Ставка была сделана на развитие нефтедобычи на Северном Каспии. В то же время усилия России, направленные на сохранение лидирующих позиций в экспорте нефти и газа, добываемых на месторождениях Каспийского региона, потерпели неудачу. При этом Россия по-прежнему выступает против прокладки транскаспийских трубопроводов, опираясь на Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря 2018 г.

Список литературы

Аминжонов Ф., 2016. Подходит ли газовая торговля между Ираном и Туркменией к концу? – *AsyaAvrupa*. № 2. С. 27–32.

Быстрова А., 2009. Проблемы транспортной инфраструктуры и экологии в Каспийском регионе (добыча и экспортные перевозки углеводородов). М.: ИМЭМО РАН. 96 с.

Зонн И. С., Жильцов С. С., 2008. Новый Каспий. География, экономика, политика. М.: Восток-Запад. 544 с.

Каспийский регион на энергетической карте мира, 2014. – Энергетический бюллетень. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. № 16. С. 13.

Кравец В., 2015. Освоение российского шельфа в условиях санкций: нас бьют, а мы крепчаем? – Russian Oil & Gas Technologies. № 40. С. 18–27.

Лаумулин М. Т., 2020. Центральная Азия в эпоху трансформации. – Нур-Султан: Казахский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 464 с.

Лис И., 2015. Эффект интеграции. – Деловой Казахстан. 23 октября. С. 2.

Семенова Н. К., 2012. Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии. – Восточная аналитика. № 3. С. 144–160.

Сергеев М., 2015. Путин и Назарбаев согласовали условия геологоразведки на Каспии. – Независимая газета. 16 октября. С. 4.

Сейед Х. Х., 2017. Каспийский ресурс и интересы Ирана в этом регионе. Теории и проблемы политических исследований. Том 6. № 4 А. С. 101–112.

Суюнбаев М. Н., Узбеков Д. С., 2018. Геополитические особенности Центральной Евразии. Бишкек.: Сарыбаев Т. Т. 300 с.

Томас М., 2011. Российский шельф: раскрывая потенциал. Russian Oil & Gas Technologies. № 24. С. 76–78.

Тумашова Е., 2015. Зачем Китай предлагает РК нефтяной союз? Капитал. 1 октября. С. 4.

Федоров Ю. Е., 1996. Каспийская нефть и международная безопасность. М.: МГИМО. С. 4–17.

Roberts J., 1996. Caspian Pipelines. London. The Royal Institute of International Affairs. P. 23–45.

Zhiltsov S. S., 2016. Russia's Policy towards the Pipeline Transport in the Caspian region: Results and Prospects. – The Handbook of Environmental Chemistry. Vol. 51. P. 85–94.

«Газпром» увеличил закупки природного газа в Туркменинии // <https://www.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/833/gazprom-velichil-zakupki-prirodnogo-gaza-v-turkmenistane>, дата обращения 10.12.2020.

Заявления для прессы по итогам российско-казахстанских переговоров, 2019 // www.kremlin.ru/events/president/news/60218, дата обращения 07.12.2020.

Месторождение Филановского выходит на полку суточной добычи // <https://oilcapital.ru/news/upstream/21-05-2018/mestorozhdenie-filanovskogo-vyhodit-na-polku-sutochnoy-dobychi>, дата обращения 26.11.2020.

Участки нефтепровода «Узень – Атырау – Самара» введены в эксплуатацию после реконструкции // <https://kaztransoil.kz/ru/press-centre/press-releases/2687-uchastki-nefteprovoda-uzen-atyrau-samara-vvedeny-v-ekspluatatsiyu-posle-rekonstrukcii>, дата обращения 05.12.2020.

SERGEY S. ZHILTSOV,

PhD (Political Sciences), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

E-mail: sergej-z71@yandex.ru

Address: 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russian Federation.

SPIN-code: 4297-7880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4898-2627>

CASPIAN STATES AND THEIR ENERGY POLICY: RESULTS AND NEW CHALLENGES

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_25

Received: 12.12.2020

For citation: Zhiltsov S., 2020. Caspian States and their Energy Policy: Results and New Challenges. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 25–39.

Key words: Caspian region, energy policy, Caspian states, pipelines, oil, gas, non-regional states.

Abstract

After the collapse of the USSR, the Caspian region countries began to form their own energy policies. The main efforts were aimed at reducing dependence on the Russian hydrocarbon resources and creating alternative routes for oil and gas delivery to foreign markets. In turn, Russia sought to maintain influence in the Caspian region, including control over the export of hydrocarbon resources, which the Caspian countries planned to extract in the future. These efforts resulted in creation of alternative routes for the export of hydrocarbon resources while maintaining cooperation with Russia. But at the same time and for different reasons, having weakened the Russian influence, the Caspian countries found themselves within the non-regional states orbit. A special situation faced by Iran, practically excluded it from the formation of a new pipeline architecture in the Caspian region. As a result, the Caspian countries have developed new approaches to the implementation of energy policy, which they are to pursue in the coming years.

References

Aminzhonov F., 2016. Iran – Turkmenistan Gas Trade coming to an End? – *AsyaAvrupa*. № 2. Pp. 27–32. (In Russ.)

Bystrova A. K., 2009. Transport Infrastructure and Ecology Issues in the Caspian Region. M.: IMEMO. 2009. P. 14. (In Russ.)

- Fedorov Yu. E.*, 1996. Caspian Oil and International Security. M.: MGIMO. P. 4–17. (In Russ.)
- Kravec V.*, 2015. Development of the Russian Shelf under Sanctions: Beating us, We Getting Stronger? – Russian Oil & Gas Technologies. № 40. P. 18–27. (In Russ.)
- Laumulin M. T.*, 2020. Central Asia in the Era of Transformation. Nur-Sultan: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan. 464 p. (In Russ.)
- Lis I.*, 2015. Effect of Integration.— Business Kazakhstan. 23 October. P. 2. (In Russ.)
- Roberts J.*, 1996. Caspian Pipelines. London. The Royal Institute of International Affairs. P. 23–45.
- Seyed H. H.*, 2017. Caspian Resource and Iran's Interests in the Region.— Theories and Problems of Political Research. Vol. 6. № 4. P. 101–112. (In Russ.)
- Semenova N. K.*, 2012. Chinese Energy Vector: the SCO Importance and Security in Central Asia.— Eastern Analytics. № 3. P. 144–160. (In Russ.)
- Sergeev M.*, 2015. Putin and Nazarbayev Agree on the Terms of Geological Exploration in the Caspian.— Nezavisimaya Gazeta. 16 October. (In Russ.)
- Suyunbaev M. N., Uzbekov D. S.*, 2018. Geopolitical Specifics of Central Eurasia. Bishkek: Sarybaev T. T. 300 p. (In Russ.)
- The Caspian Region on the Energy Map of the World. 2014. Energy Bulletin. M.: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. № 16. P. 13. (In Russ.)
- Thomas M.*, 2011. Russian Shelf: Revealing Potential.— Russian Oil & Gas Technologies. № 24. P. 76–78. (In Russ.)
- Tumashova E.*, 2015. Why China Offers the RK an Oil Union? – Capital. 1 October. P. 4. (In Russ.)
- Zhiltsov S. S.*, 2016. Russia's Policy Towards the Pipeline Transport in the Caspian Region: Results and Prospects.— The Handbook of Environmental Chemistry. Vol. 51. P. 85–94. (In Eng.)
- Gazprom increased purchases of natural gas in Turkmenistan // <https://www.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/833/gazprom-uvlichil-zakupki-prirodnogo-gaza-v-turkmenistane>, accessed 10.12.2020. (In Russ.)
- Press statements on the results of the Russian-Kazakh negotiations, 2019 // www.kremlin.ru/events/president/news/60218, accessed 07.12.2020. (In Russ.)
- The Filanovskoye field enters the shelf of daily production // <https://oilcapital.ru/news/upstream/21-05-2018/mestorozhdenie-filanovskogo-vyhodit-na-polku-sutochnoy-dobychi>, accessed 26.11.2020. (In Russ.)
- Sections of the Uzen – Atyrau – Samara oil pipeline were put into operation after reconstruction // <https://kaztransoil.kz/ru/press-centre/press-releases/2687-uchastki-nefteprovoda-uzen-atyrau-samara-vvedeny-v-ekspluatatsiyu-posle-rekonstrukcii>, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

Евгения ШАВИНА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дата поступления в редакцию: 25.12.2020.

Для цитирования: Шавина Е. В., 2020. Тенденции развития мировой газовой отрасли в современных условиях. – Геоэкономика энергетики. № 4. С. 40–58.

На фоне глобализации мирового хозяйства происходит усиление конкуренции на мировых энергетических рынках, что приводит к количественным и качественным изменениям в их структуре, развитию биржевой торговли и либерализации моделей ценообразования.

На основе результатов исследований российских и зарубежных авторов, а также отчётов энергетических организаций выделены следующие тенденции трансформации энергетических рынков в целом и газовой отрасли в частности: увеличение доли газа в мировом энергобалансе, рост мировой торговли природным газом, развитие СПГ и вытеснение им трубопроводных поставок, демонополизация региональных газовых рынков и изменение механизмов ценообразования на газ.

Из всех энергоносителей, существующих в мире, потребление природного газа в последние десятилетия росло наиболее высокими темпами. В связи с чем эксперты прогнозировали значительный рост спроса на газ, который будет превосходить рост спроса на другие источники энергии. Однако пандемия коронавируса внесла свои коррективы в прогнозы развития мирового рынка газа.

В статье представлена характеристика мировой газовой отрасли в допандемийный период, дана оценка влияния на неё кризиса, вызванного распространением по всему миру *COVID-19*, и обозначены основные факторы будущего спроса и предложения на газ до 2025 г.

ШАВИНА Евгения Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. E-mail: evgeniyashavina@gmail.com. SPIN: 7310-5921. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0043-5974>.

Ключевые слова: энергетика, газовая отрасль, мировой рынок газа, газовая промышленность, природный газ, СПГ, пандемия коронавируса, COVID-19, кризис, макроэкономический шок.

Столкнувшись с беспрецедентным потрясением, рынки природного газа переживают сильную корректировку спроса и предложения, что приводит к низким спотовым ценам и высокой волатильности. Ожидается, что в 2021 г. спрос на природный газ будет постепенно восстанавливаться, однако кризис может иметь более длительные последствия для газовой отрасли в связи с высокой неопределённостью. Касаемо перспектив российского газа автор подчёркивает, что в силу высокой концентрации природных запасов, конкурентоспособных цен и запущенных до пандемии экспортноориентированных проектов, таких как «Арктик СПГ-2», «Сила Сибири» и др., Россия сможет укрепить свои позиции в мире как основного импортёра природного газа.

В мировой энергетической отрасли произошла существенная трансформация, связанная с ориентацией ряда крупнейших импортёров на энергетическое самообеспечение. Ещё до пандемии коронавируса конкуренция на ключевых энергетических рынках существенно нарастала за счёт появления новых игроков, развития ВИЭ и усиления роли нетрадиционных ресурсов углеводородов.

На основе исследований российских [Дмитриев, 2020; Евтюшкина, 2019; Масленников, 2020; Мельников А. С., Мельникова Е. А., Брагина З. В., 2019; Метелев, Фисенко, 2017; Носков, 2020 и др.] и зарубежных [Hashimoto, 2018; Ledesma, Fulwood, 2019] авторов, а также данных аналитических отчётов национальных и международных энергетических ассоциаций, агентств и организаций [Энергетический бюллетень, 2020; BP Statistical Review of World Energy 2020; IEA Gas 2020; Global Energy Review 2020; Shell LNG Outlook 2020] можно выделить следующие тенденции, характеризующие изменения последних десятилетий в развитии энергетических рынков в целом и газовой отрасли в частности.

1. Увеличение доли газа в мировом энергобалансе

В 1970-х гг. доля газа в мировом энергобалансе составляла порядка 18%, в 2018 г. возросла уже до 23%. Рост спроса на энергию продолжится по мере развития мировой экономики. Это связано прежде всего с тем, что природный газ является уникальным энергоносителем, способствующим достижению целей устойчивого развития. Мировые запасы газа позволяют обеспечить экономику энергией на многие десятилетия вперёд, постоянное развитие газотранспортной инфраструктуры усиливает стабильность энергоснабжения, а высокие экологические характеристики способствуют снижению объёмов вредных выбросов [Аксютин, 2020].

Доля газа в глобальном энергобалансе к 2035 г. достигнет 26%. При этом наибольший рост доли газа будет в Китае (с 7,4 до 14,7% к 2035 г.) и Северной Америке (с 31 до 42,7% к 2035 г.)¹. Прогнозируется, что его потребле-

¹ Авторская колонка Александра Новака для журнала «Энергетическая политика» // <https://minenergo.gov.ru/node/16999>, дата обращения 05.10.2020.

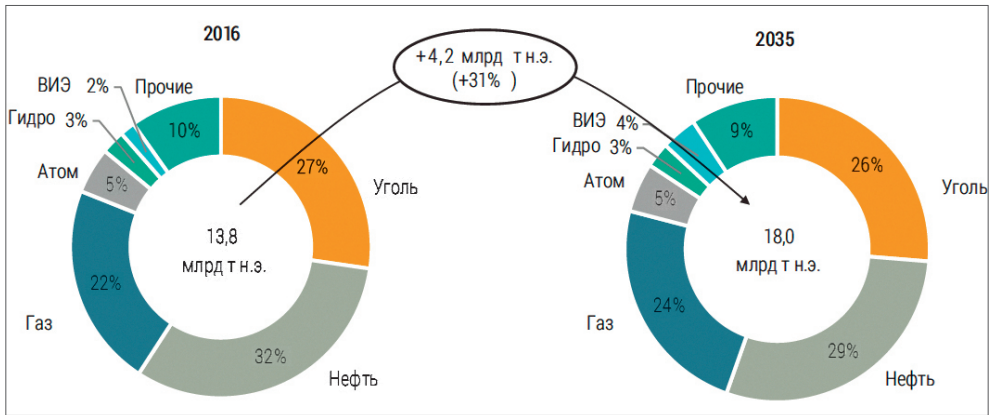


Рис. 1. Доля газа в мировом энергобалансе, 2016 и 2035 гг.

Источник: аналитический центр ТЭК Минэнерго РФ

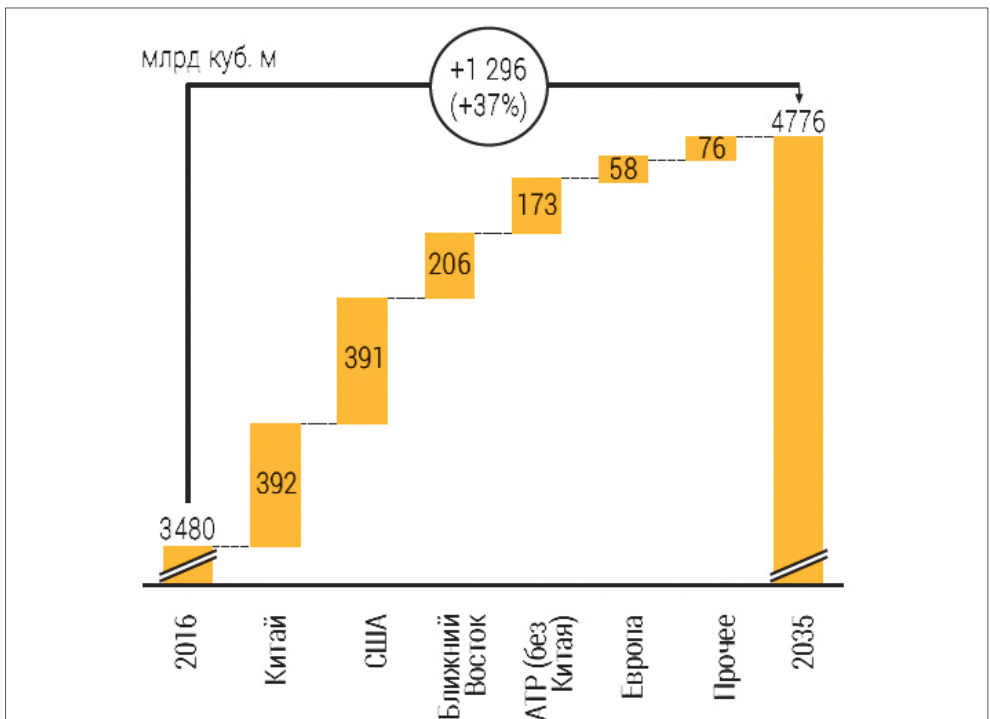


Рис. 2. Динамика прироста потребления газа по регионам к 2035 г., млрд куб. м

Источник: аналитический центр ТЭК Минэнерго РФ

ние вырастет с 3,5 трлн куб. м в 2016 г. до 4,8 трлн куб. м в 2035 г. (то есть на 1,3 трлн куб. м, или на 37%); среднегодовые темпы расширения спроса на газ составят около 1,8%, а динамика торговли этим энергоресурсом — 2,6% в год. Это намного более быстрый рост, чем у остальных видов углеводородного топлива (рис. 1).

2. Рост мировой торговли природным газом

Собственная добыча газа в основных странах-потребителях не сможет покрыть весь прирост спроса на него. Это, в свою очередь, приведёт к развитию мировой торговли газом: к 2035 г. она должна вырасти более чем на 600 млрд куб. м в год, или на 60%. В региональном разрезе основными потребителями и, соответственно, импортёрами газа останутся Китай и США, чуть меньший прирост потребления ожидается в странах Ближнего Востока и АТР (рис. 2).

3. Природный газ уступает своё место СПГ, который «отвоёвывает» долю газопроводных поставок

Доля СПГ в международной торговле может возрасти с 34% (357 млрд куб. м) в 2016 г. до 47% (787 млрд куб. м) к 2035 г. [Энергетический бюллетень, № 87, 2020]. О преобладании этой тенденции свидетельствуют и данные отчёта *Shell LNG Outlook* за 2019 г. [*Shell LNG Outlook*, 2020]. Мировой спрос на СПГ вырос на 12,5%, до 359 млн тонн в 2019 г., что является значительным увеличением, которое поддерживает растущую роль СПГ в переходе к энергетической системе с низким содержанием углерода.

4. Демонополизация региональных газовых рынков и изменение механизмов ценообразования на газ

Мировой рынок природного газа охватывает всё большее количество новых игроков. Так, всё более существенную роль в экспорте природного газа начинают играть «нетрадиционные» развивающиеся рынки — Азия, Африка, Ближний Восток. Их доля в общем объёме торговли газом постоянно растёт: в 2019 г. на долю Азии и Африки приходилось около 30%, Ближнего Востока — 14%, при этом доля традиционных газовых рынков, за исключением США, России и СНГ, снижается в пользу развивающихся (см. табл.).

Исторически сложившаяся обособленность ключевых регионов предопределила возникновение «разновекторности» на этапах развития мировой газовой отрасли. Таким образом, в настоящий момент отсутствует единый подход к формированию справедливой цены на газ. Модели ценообразования различаются на региональных рынках в зависимости от ряда

Торговля газом по регионам, млрд куб. м

| Регион | По годам | | | |
|-----------------------------|----------|-------|-------|-------|
| | 2009 | 2012 | 2015 | 2019 |
| Северная Америка | 119,0 | 126,9 | 119,5 | 196,2 |
| Южная и Центральная Америка | 27,1 | 33,4 | 32,6 | 28,7 |
| Европа | 3,4 | 8,1 | 11 | 8,6 |
| Россия и СНГ | 248,0 | 285,5 | 281,4 | 337,9 |
| Ближний Восток | 77,3 | 139,3 | 133,5 | 136,6 |
| Африка | 98 | 93,5 | 78,6 | 89,5 |
| Азия | 97,4 | 98,6 | 125,6 | 186,6 |

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2020

факторов, таких как степень либерализации, государственная политика и географические особенности. Тем не менее уже сейчас можно утверждать, что процесс интернационализации газовой торговли, открытие новых рынков и появление большего числа участников предопределяют общий тренд на демонополизацию газовой отрасли и на формирование более рыночных механизмов ценообразования по примеру нефтяной промышленности [Дмитриев, 2019].

В последние годы ускорилась трансформация системы ценообразования на газ, что связано с превышением предложения газа над спросом на него, опережающим продвижением СПГ, развитием биржевой торговли. Она идёт по нескольким направлениям:

- усиление роли портфельных игроков* на рынке СПГ, которые повышают гибкость и эффективность рынка СПГ за счёт арбитражных операций и технологического управления портфелями контрактов в зависимости от меняющихся рыночной конъюнктуры и условий логистики [Масленников, 2020];
- рынки газа всё в большей степени стали определяться спотовыми ценами/ценами в хабах, что отражает краткосрочные рыночные условия, хотя большая часть международной торговли (за пределами США и Великобритании) по-прежнему ведётся на базе долгосрочных контрактов, которые часто содержат пункты о сложном ценообразовании.

Таким образом, рост торговли природным газом и его возросшая доля в мировом энергобалансе, равно как институциональные преобразования

* Компании, обладающие портфелем контрактов как на покупку, так и на продажу СПГ.

на локальных газовых рынках, характеризующиеся увеличением числа производителей и потребителей, а также либерализацией ключевых торговых площадок, способствуют трансформационным процессам и глубокой интернационализации газовой отрасли.

Характеристика мирового газового рынка и процессы его трансформации в допандемийный период

Природный газ является наиболее экологически чистым энергоресурсом, и его использование расширяется. На фоне глобализации мирового хозяйства происходит постепенная демонополизация газового рынка, в результате чего проявляются количественные и качественные изменения в структуре физического рынка и международной торговли газом.

Можно выделить две группы факторов, способствующих глобальному развитию газового рынка в последние десятилетия:

1) рыночные, к которым относится растущий спрос на голубое топливо во всём мире, конкурентоспособность этого энергоресурса, а также возникновение активной биржевой торговли природным газом, создавшей возможность управления рисками колебания цен;

2) технологические, проявляющиеся в интенсивном развитии технологий транспортировки в виде СПГ, изменяющих характер и направления товарных потоков газа на мировом рынке.

Охарактеризуем развитие мирового газового рынка в допандемийный период.

После двух лет значительного прироста в потреблении природного газа в 2019 г. произошло его замедление и составило 70 млрд куб. м, или 1,8%, что соответствует средним темпам роста за период с 2010 по 2017 г. Этот результат отражает влияние, *во-первых*, переключения топлива на газ, а *во-вторых*, замедления экономического роста и умеренных температур.

США и Китай оставались двумя основными потребителями газа в 2019 г., хотя обе страны вернулись к однозначным темпам роста, вместе они обеспечили более двух третей прироста мирового потребления природного газа. По оценкам МВФ, темпы экономического роста Китая упали до 6,1%, что является самым низким годовым приростом с 1990 г. Спрос на природный газ продолжал расти, но вернулся к однозначным темпам в 8,6% (менее половины роста на 18,1% в 2018 г.). Распределение городского газа и промышленность оставались основными факторами роста потребления в 2019 г. Остальная часть АТР сыграла важную роль в расширении рынка природного газа в 2019 г.

Рост в Южной Азии был в основном обусловлен увеличением поставок СПГ, особенно в Индию и Бангладеш, в то время как импорт Пакистана

практически не изменился. Потребление природного газа также увеличилось на большинстве рынков Юго-Восточной Азии.

За пределами АТР наибольший рост пришёлся на регионы добычи природного газа. Так, в США спрос в первую очередь определялся производством электроэнергии и собственным потреблением энергетической отрасли для поддержки расширения внутренней добычи природного газа. Потребление природного газа продолжало расти на Ближнем Востоке и в Северной Африке из-за сочетания более высокого спроса на электроэнергию и расширения сети поставок для бытовых потребителей в Алжире и Иране. Однако рост потребления в Египте замедлился после двух лет сильного роста.

Переход с угля на природный газ стал крупнейшим фактором роста потребления в 2019 г., на который пришлось более 55 млрд куб. м дополнительного спроса. Низкие спотовые цены привели к переходу на другие виды топлива при производстве электроэнергии, в то время как политика в отношении чистого воздуха оставалась основным фактором конверсии топлива в Китае. В США объём производства электроэнергии, работающей на газе, достиг нового рекордного максимума 38% от общего объёма выработки. В 2019 г. он увеличился на 8%, или на 123 кВт·ч, на фоне резкого снижения по углю (–181 кВт·ч). Производство газовых электростанций в Европе увеличилось примерно на 11%, или почти на 70 кВт·ч, по сравнению с резким падением по углю (снижение на 24%). Испания внесла наибольший вклад в увеличение сжигания газа с ежегодным увеличением почти на 50%, что составило около 40% роста спроса на газ в Европейском союзе. В Китае программа конверсии угля в газ (запущенная в 2017 г. для борьбы с загрязнением воздуха) помогла ещё больше увеличить долю природного газа в промышленном и жилом секторах в 2019 г. На замену топлива в промышленности и распределение городского газа для жилищного и коммерческого использования приходится более половины от общего прироста потребления природного газа.

В Японии и в Корее за счёт восстановления производства ядерной энергии произошло снижение потребления газа для электроэнергии, которое оценивается на 12 и 2% соответственно. В Турции был зафиксирован рекордный объём производства гидроэлектростанций, что сильно повлияло на потребности в газе для выработки электроэнергии. В Иране также наблюдался всплеск производства гидроэлектростанций, и ему пришлось вернуться к использованию нефтепродуктов для выработки электроэнергии из-за ограничений с поставками газа.

Европа поглотила большую часть роста предложения в 2019 г., поскольку СПГ по конкурентоспособным ценам способствовал переходу с угля на газ в энергетическом секторе и заменил падающую внутреннюю добычу газа и импорт газа по трубопроводам. Импорт в Азию в 2019 г. незначительно вырос по сравнению с предыдущими двумя годами в результате мягкой погоды и роста производства электроэнергии посредством ядерной энер-

гетики в Японии и Южной Корее, двух из трёх крупнейших мировых импортеров.

Согласно прогнозам, долгосрочный спрос, как ожидалось, должен был удвоиться до 700 млн тонн к 2040 г., что вселяло уверенность в роли газа в формировании низкоуглеродной энергетической системы.

Однако пандемия коронавируса внесла существенные корректировки в функционирование не только газовой отрасли, но и всей энергетики. Рецессия в 2020 г. изменила многие параметры развития мировой и российской экономики, но особенно — производство и продажу энергоносителей. Сокращение ВВП стран ЕС вызвало сжатие физического спроса на природный газ. Одновременно сильно упали цены на газ и происходило переполнение газохранилищ в Европе. СПГ с более гибкими контрактами несколько потеснил трубопроводные поставки газа [Энергетический бюллетень, 2020].

Влияние глобальной рецессии, вызванной COVID-19, на мировую газовую отрасль

Пандемия коронавируса вызвала беспрецедентный макроэкономический шок. Правительства по всему миру реагировали на ситуацию, вводя различные ограничения на большую часть социальной и экономической деятельности. В результате усилий по сдерживанию распространения вируса 4,2 млрд человек, или 54% населения мира (почти 60% мирового ВВП), подверглись полной или частичной изоляции. Ограничения представляли собой сложную комбинацию макроэкономических шоков как со стороны предложения, так и со стороны спроса. Например, шок предложения возник в результате преднамеренных ограничений экономической активности: закрытия ресторанов, торговых центров и, в некоторых странах, целых предприятий как меры предотвращения распространения вируса, что привело к исторически беспрецедентному всплеску безработицы во всех странах. Шок со стороны спроса возник из-за воздействия на мобильность, а также на располагаемый доход потребителей и инвестиционную активность компаний. В целом оценки показывают, что страны могут ожидать снижения объемов производства на 20–40% во время локдаунов в зависимости от доли наиболее пострадавших секторов и строгости мер. На глобальном уровне это означает снижение ожидаемого годового ВВП на 2% за каждый месяц мер сдерживания.

Безусловно, это не могло не отразиться на мировой газовой отрасли. В отчёте *Global Energy Review* за 2020 г. представлен базовый сценарий, который количественно оценивает влияние на спрос на природный газ широкомасштабной глобальной рецессии, вызванной многомесячными ограничениями мобильности и социально-экономической деятельности [*Global Energy Review* 2020]. Этот базовый сценарий, при котором постепенное восстановление будет сопровождаться постоянной потерей экономической

активности, в целом соответствует пессимистическому сценарию обновлённого апрельского отчёта МВФ «Перспективы развития мировой экономики» за 2020 г., в котором мир борется с затянувшимся периодом первой вспышки пандемии, ведущим к сокращению глобального ВВП на 6%.

Масштабы воздействия *COVID-19* на мировую газовую отрасль остаются беспрецедентными: это будет крупнейшее зарегистрированное ежегодное снижение потребления со второй половины XX в., которое вдвое больше, чем последний спад в 2009 г., когда спрос на природный газ упал на 2%.

Однако стоит отметить, что спрос на газ по-разному отреагировал на кризис в различных секторах:

- сократился в промышленности и коммерческом секторах из-за ухода части потребителей на карантин;
- вслед за электропотреблением сократился в секторе электроэнергетики (хотя здесь очень многое зависело от особенностей национального регулирования и структуры установленной мощности);
- вырос в домохозяйствах вслед за переходом людей на удалённый режим работы и учёбы – в первую очередь на нужды отопления и приготовления пищи [Коронакризис: влияние *COVID-19* на ТЭК, 2020].

Но в целом в 2020 г. отмечается сокращение потребления природного газа практически во всех секторах и регионах. И в основном это снижение приходится на зрелые рынки и производство электроэнергии.

Географически основной спад потребления пришёлся на зрелые рынки Европы, Северной Америки, Евразии и Азии, что в совокупности составило 75% общих потерь спроса в 2020 г. Эти рынки концентрируют большую часть потерь в бытовом и коммерческом потреблении в результате совместного влияния более низких потребностей в отоплении помещений в первые месяцы 2020 г. с последующим введением взвешенных ограничений по потреблению в коммерческом секторе.

Газовая генерация особенно сильно пострадала в Европе, зажатая между снижением спроса на электроэнергию и ростом производства возобновляемых источников. Объёмный удар оказался менее сильным на развивающихся рынках из-за более низкой доли природного газа в производстве электроэнергии (за исключением Ближнего Востока) и его незначительной роли в отоплении помещений.

В отраслевом разрезе потребление электроэнергии на производство электроэнергии сократилось примерно на 5%, что составляет половину снижения мирового спроса. Использование газа в жилищном и коммерческом секторах в мире падает почти на 4% (в основном на вышеупомянутых зрелых рынках) и составляет 20% от общих потерь потребления. На промышленный сектор также приходится около 20% глобального спада, снижение составило примерно 4% в годовом исчислении в 2020 г. Помимо прямого воздействия снижения активности во время локдауна спрос на природ-

ный газ со стороны промышленности ещё больше сдерживается замедлением темпов роста потребительских расходов на промышленные товары, что влияет на использование газа в экспортоориентированных экономиках (особенно в Азии). На сам сектор энергетики приходится около 10% падения мирового спроса на газ, снижение составило 4%. Это отражает общее сокращение мировых поставок, что снижает потребности в газе для операций по добыче, а также для преобразования (переработки) и транспортировки энергии (сжатие газа, поставляемого по трубопроводам).

Значительное сокращение спроса на газовых рынках весьма незначительно отразилось на предложении. Так, внутренняя добыча газа в США и мировые поставки СПГ по-прежнему увеличиваются по сравнению с 2019 г., в то время как производство в России и европейский импорт демонстрируют некоторое снижение. Добыча природного газа в США увеличилась в среднем на 5,3% в период с января по конец мая, несмотря на снижение внутреннего потребления, которое упало на 2,8% за тот же период из-за совместного воздействия более высоких, чем в среднем, температур и введения ограничений. Эта относительная устойчивость внутреннего производства была нивелирована корректировками торгового баланса США по газу: чистый трубопроводный импорт из Канады снизился на 11,1% с января по май, тогда как трубопроводный экспорт в Мексику вырос на 6,6%, а экспорт СПГ почти удвоился.

За первые пять месяцев 2020 г. добыча газа в России упала более чем на 9% (или на 30 млрд куб. м). Это связано со снижением объёмов экспорта по трубопроводам в Европу и снижением внутреннего потребления в период особенно мягкой зимы. Объёмы торговли СПГ оставались высокими, увеличившись на 8,5% в первые пять месяцев 2020 г.

Европа продолжает играть роль уравнивающего рынка в контексте ослабления предложения, на неё с начала года приходится две трети прироста импорта СПГ в условиях низкого спроса.

Азиатский импорт упал в апреле почти до значения 2019 г., поскольку резкое падение индийского импорта, вызванное локдауном в странах региона, ещё больше усугубило традиционное снижение спроса со стороны Японии и Кореи в конце отопительного сезона — это частично компенсируется ростом импорта Китая.

Несмотря на резкое падение спроса на газ, импорт СПГ в Европу увеличился более чем на 20% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, за первые пять месяцев 2020 г. — до 60 млрд куб. м благодаря большим регазификационным мощностям и гибким трубопроводным источникам поставок. США стали крупнейшим источником поставок СПГ в Европу, обогнав Катар и Россию, и на них приходится более 25% импорта СПГ в Европу. Приток СПГ в Европу в первую очередь повлиял на импортные потоки традиционных поставщиков трубопроводов: импорт из России и Северной Аф-

рики снизился примерно на 25%, а потоки из Норвегии упали на 4%. В целом потоки природного газа в Европу (включая как СПГ, так и трубопроводный газ, особенно потоки по трубопроводам из Норвегии) упали на 9%.

Новый формат мирового газового рынка: восстановление спроса, перспективы развития и место России

Ожидается, что после падения на 4% в 2020 г. спрос на природный газ будет постепенно восстанавливаться в 2021 г., поскольку потребление на развитых рынках вернётся к докризисному уровню, а развивающиеся рынки выиграют от восстановления экономики и снижения цен на природный газ. Однако влияние кризиса 2020 г. может отразиться на среднесрочном потенциале роста, что приведёт к снижению темпов роста примерно на 75 млрд куб. м за период с 2019 по 2025 г. (рис. 3). Этот прогноз предполагает средние темпы роста – 1,5% в год в этот период [IEA Gas 2020].

На АТР в ближайшие годы будет приходиться более половины прироста мирового потребления газа, главным образом за счёт разработки газа в Китае и Индии. Хотя перспективы природного газа для этих двух рынков остаются хорошими, они во многом зависят от будущего направления политики Китая и Индии и пути восстановления в посткризисных условиях.

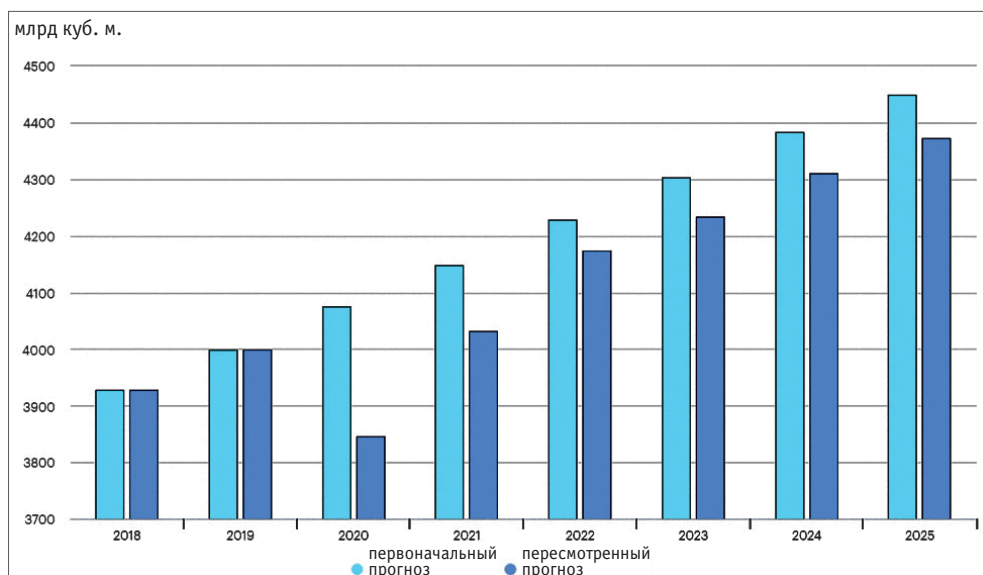


Рис. 3. Мировой спрос на газ на период с 2019 по 2025 г. в первоначальных и уточнённых прогнозах, млрд куб. м

Источник: International Energy Agency

Несмотря на текущие экономические затруднения и неопределённость, природный газ по-прежнему пользуется сильной политической поддержкой в обеих странах с продолжающимися реформами, направленными на повышение роли газа в структуре энергетики. Тем не менее будущий рост промышленного сектора, который является основным фактором увеличения спроса на газ в обеих странах, будет во многом зависеть от темпов восстановления экономики как на внутреннем, так и на экспортных рынках промышленных товаров.

Что касается предложения на рынке газа, то тут, если все регионы внесут свой вклад в рост добычи природного газа в следующие пять лет, половина чистого увеличения предложения будет приходиться на Северную Америку и Ближний Восток. Сланцевая промышленность США, являющаяся основным драйвером роста мировой добычи газа в последние годы, особенно уязвима в контексте текущего кризиса: согласно отчёту МЭА *World Energy Investment 2020*, расходы на добычу сланцевой нефти и газа сократятся на 50% в 2020 г. Способность сектора восстановиться в посткризисных условиях будет иметь решающее значение для обеспечения дополнительной добычи газа, необходимой рынку США для замещения сокращающейся добычи традиционного газа и обеспечения дополнительных разрабатываемых экспортных мощностей СПГ. Рост добычи на Ближнем Востоке обусловлен активизацией крупных проектов в области традиционных технологий в Саудовской Аравии, Иране, Израиле, Ираке и Катаре, для которых падение цен на нефть и неопределённость представляют собой существенный риск ухудшения ситуации в первые годы действия прогноза. Добыча газа в России, которая является ещё одним крупным источником дополнительных поставок, почти полностью обеспечивается экспортноориентированными проектами; хотя большая часть дополнительной добычи ожидается во второй половине прогноза, краткосрочная неопределённость в отношении роста спроса может негативно повлиять на график его разработки.

Можно отметить, что СПГ остаётся основным двигателем международной торговли газом, поскольку волна инвестиций в проекты по сжижению газа в 2018–2019 гг. открывает дополнительные экспортные возможности в Северной Америке, Африке и России. Однако более медленный рост спроса на газ после 2020 г. приведёт к увеличению объёмов сжижения, опережающему прирост импорта СПГ до 2025 г., что ограничивает риск дефицита на рынке СПГ в прогнозируемом периоде. На Китай, Индию и развивающиеся азиатские рынки приходится большая часть роста будущего импорта СПГ, в то время как Европа должна вернуться к уровням до 2019 г. после достижения рекордных уровней в качестве балансирующего рынка. Дополнительная трубопроводная торговля происходит в основном за счёт постепенного наращивания экспортной инфраструктуры из Евразии (*TANAP* и *TAP* в Европу, «Сила Сибири» в Китай).

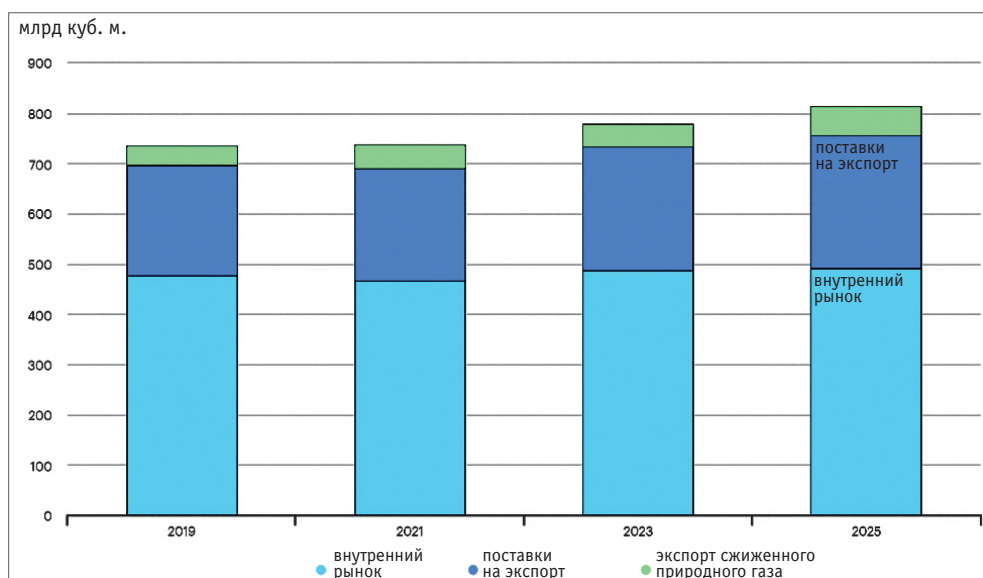


Рис. 4. Прогноз добычи газа в России по направлениям на 2019–2025 гг., млрд куб. м

Источник: International Energy Agency

Значимость российского газа на мировом рынке очевидна в силу высокой концентрации природных запасов на территории государства. В связи с этим можно говорить о стратегической значимости газовой отрасли как для экономики страны, так и для мирового энергетического комплекса.

Если говорить о перспективах российской газовой отрасли, то Россия может стать вторым по величине источником дополнительных поставок газа после США до 2025 г. [IEA Gas 2020]. На её долю будет приходиться чуть более одной пятой глобального роста в период с 2019 по 2025 г. Рост добычи со ставкой 1,7% в год (рис. 4) почти полностью обеспечивается за счёт проектов, ориентированных на экспорт, что ещё больше укрепляет позиции России как крупнейшего в мире экспортёра природного газа. Это сопровождается продолжающейся диверсификацией в сторону от традиционного российского газодобывающего региона Надым – Пур – Тазовский, что вызвано его созревающими и постепенно истощающимися месторождениями.

В Западной Сибири «Газпром» продолжает разработку Ямальского добывающего центра: ожидается, что Бованенковское месторождение выйдет на проектную мощность 115 млрд куб. м в год к 2022 г., а с вводом в эксплуатацию Харасавэйского месторождения в 2023 г. добыча достигнет 32 млрд куб. м к 2026 г. Поставки по коридору нефтепровода Бованенково – Ухта будут обеспечены как внутренним потребителям, так и европейскому экс-

портному рынку. По проекту «Арктик СПГ-2» в сентябре 2019 г. было принято окончательное инвестиционное решение. Ожидается, что первые две линии будут введены в эксплуатацию в 2023 и 2024 гг. и будут снабжаться газом с месторождения Утреннее, расположенного в северной части Гыданского полуострова. В Восточной Сибири трубопроводная система «Сила Сибири» начала коммерческие поставки в Китай в декабре 2019 г. и должна выйти на полную контрактную мощность 38 млрд кубометров в год в 2025 г. Планируется, что поставки газа будут осуществляться за счёт Чаяндинского и Ковыктинского месторождений, расположенных в Восточной Сибири, которые выйдут на проектную мощность 25 млрд куб. м в год к 2024 и 2025 гг. соответственно.

* * *

Глобальная энергетика в последние десятилетия характеризуется усилением конкуренции на рынках и существенными изменениями в структуре мирового энергобаланса. Расширение использования газа и рост спроса на энергию происходят параллельно с поступательным снижением доли других источников энергии, за исключением возобновляемых. Однако наряду с ВИЭ большинство стран уже оценили преимущества газа как одного из наиболее экологичных видов топлива. Это особенно важно в свете декарбонизации мировой экономики и действия Парижского соглашения [Новак, 2020].

Важно отметить, что на фоне глобализации мирового хозяйства происходит постепенная демонополизация газовой отрасли, в результате чего проявляются количественные и качественные изменения в структуре физического рынка и международной торговли газом, СПГ вытесняет трубопроводный газ, изменяются механизмы газового ценообразования.

Анализ мирового рынка газа в допандемийный период показал, что замена топлива на газ, замедление экономического роста и умеренные температуры привели к снижению прироста потребления природного газа в 2019 г. В региональном разрезе ключевыми игроками на мировом рынке газа оставались США, Китай, Россия и страны АТР. Сокращение спроса на газовых рынках весьма незначительно отразилось на предложении. Так, внутренняя добыча газа в США и мировые поставки СПГ по-прежнему увеличиваются по сравнению с 2019 г., в то время как производство в России и европейский импорт демонстрируют некоторое снижение.

В 2020 г. был зафиксирован сильнейший шок спроса в истории мировых рынков природного газа. Пандемия *Covid-19* ударила по и без того сокращающемуся спросу на газ из-за исторически низких температур в первые месяцы года. Сокращение потребления газа к концу 2020 г. составило около 4% в результате последовательного воздействия снижения спроса на отопление из-за тёплой зимы, введения карантинных мер почти во всех странах

и территориях для замедления распространения вируса и более низкого уровня активности, вызванного макроэкономическим кризисом вследствие *Covid-19*. Все эти факторы привели к обрушению котировок газа, обозначив разную привлекательность отдельных видов ценовой индексации в контрактах для потребителей и производителей газа, что ускорило процесс трансформации механизма газового ценообразования [Масленников, 2020].

Однако рецессия, вызванная пандемией коронавируса, незначительно отразилась на поставках сжиженного газа. СПГ остаётся основным двигателем международной торговли газом, поскольку волна инвестиций в проекты по сжижению газа в 2018—2019 гг. открывает дополнительные экспортные возможности в Северной Америке, Африке и России. Более медленный рост спроса на газ после 2020 г., вероятно, приведёт к увеличению объёмов сжижения, опережающим прирост импорта СПГ до 2025 г. По оценкам совета директоров ПАО «Газпром», в более долгосрочной перспективе спрос на природный газ будет расти. Ожидается, что к 2040 г. потребление газа в мире возрастет на 1,3 трлн куб. м и составит более 5,3 трлн куб. м [Алифинова, 2020].

Говоря о перспективах российского газа на мировом рынке, можно отметить, что Россия может стать вторым по величине источником дополнительных поставок газа после США до 2025 г., в первую очередь за счёт реализации экспортоориентированных проектов («Арктик СПГ-2», «Сила Сибири», «Северный поток – 2» и др.), запущенных ещё до пандемии коронавируса. Это ещё больше укрепит позиции государства как крупнейшего в мире экспортёра природного газа.

Список литературы

Аксютин О., 2020. Перспективный газ // <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2020/promising-gas/>, дата обращения 05.10.2020.

Алифинова Е., 2020. Глобальный спрос на газ, СПГ, газификация. Совет директоров Газпрома рассмотрел ряд стратегических вопросов // <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/656421-globalnyy-spros-na-gaz-spg-gazifikatsiya-sovet-direktorov-gazproma-rassmotrel-ryad-strategicheskikh-/>, дата обращения 05.12.2020.

Дмитриев Д. В., 2020. Перспективы глобализации региональных рынков природного газа. — Мировое и национальное хозяйство. № 1 (40). С. 7.

Масленников А., 2020. Мировой и региональный рынки природного газа после COVID-19. Мировая экономика и международные отношения. Том 64. № 10. С. 74—83.

Мельников А. С., Мельникова Е. А., Брагина З. В., 2019. Мировой опыт торговли газом: уроки для российской газовой промышленности. Вестник Ивановского государственного университета. № 1/2 (39/40). С. 31—42.

Метелев П. С., Фисенко А. Г., 2017. Специфика развития газовой отрасли России в контексте мирового газового рынка. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 2 (104). С. 37–43.

Митрова Т., Грушевенко Е., Капитонов С., Мельников Ю., Пердеро А., Добро-славский Н., 2020. Коронакризис: влияние COVID-19 на ТЭК в мире и в России // https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_COVID19_and_Energy_sector_RU.pdf, дата обращения 05.10.2020.

Новак А., 2018. Окно возможностей для России. Нефтегазовая вертикаль. № 1 (425). С 22–26.

Новак А., 2020. Авторская колонка Александра Новака для журнала «Энергетическая политика» // <https://minenergo.gov.ru/node/16999>, дата обращения 05.10.2020.

Никифоров О., 2020. Энергетическое будущее России определяют итоги мировой борьбы с пандемией коронавируса // https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/energy/2020-05-18/9_7863_strategy.html, дата обращения 05.12.2020.

Перспективы развития газовой отрасли России с учётом трансформации глобальных рынков // <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/513967-perspektivy-razvitiya-gazovoy-otrasli-rossii-s-uchetom-transformatsii-globalnykh-rynkov/>, дата обращения 05.10.2020.

Энергетический бюллетень. Выпуск № 87, 2020. Туманные перспективы газового рынка // https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_87.pdf, дата обращения 05.12.2020.

Энергетический бюллетень. Выпуск № 90, 2020. Энергетические прогнозы на фоне кризиса // https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/energo_november_2020.pdf, дата обращения 05.12.2020.

BP Statistical Review of World Energy 2020 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>, дата обращения 05.12.2020.

IEA Gas 2020. Analysing the impact of the COVID-19 pandemic on global natural gas markets // <https://www.iea.org/reports/gas-2020>, дата обращения 05.12.2020.

Global Energy Review 2020. The impacts of the Covid-19 crisis on global energy demand and CO2 emissions // <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020>, дата обращения 05.12.2020.

Ledesma D., Fulwood M., 2019. New players, New Models. Oxford Institute for Energy Studies // <https://www.oxfordenergy.org/publications/new-players-new-models/>, дата обращения 05.12.2020.

Shell LNG Outlook 2020 // <https://www.shell.com/energy-and-innovation/natural-gas/liquefied-natural-gas-lng/lng-outlook-2020.html#iframe=L3dIYmFwcHMvTE5HX29ldGxvb2sv>, дата обращения 05.12.2020.

EUGENIA V. SHAVINA,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History, Plekhanov Russian University of Economics.

E-mail: evgeniyashavina@gmail.com

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

SPIN-code: 7310-5921

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0043-5974>

WORLD GAS INDUSTRY DEVELOPMENT TRENDS IN MODERN CONDITIONS

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_40

Received: 25.12.2020

For citation: *Shavina E.*, 2020. World Gas Industry Development Trends in Modern Conditions. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 40–58.

Keywords: energy, gas industry, global gas market, gas industry, natural gas, LNG, coronavirus pandemic, COVID-19, crisis, macroeconomic shock.

Abstract

Globalization of the world economy leads to an increase of competition in the world energy markets, which results in quantitative and qualitative changes in their structure, the development of exchange trading and the liberalization of pricing models.

Based on the results of research by Russian and foreign authors, as well as reports from energy organizations, the following trends in the transformation of energy markets in general and the gas industry in particular are highlighted: an increase in the share of gas in the global energy balance, growth in world trade in natural gas, the development of LNG and its displacement of pipeline supplies, demonopolization of regional gas markets and changes in gas pricing mechanisms.

Natural gas consumption has grown at the fastest pace in recent decades of all the world's energy carriers. As the result, experts predicted a significant increase in gas demand, which will exceed the growth in demand for other energy sources. However, the coronavirus pandemic has resulted in significant adjustments to the forecasts for the development of the global gas market.

The article describes the characteristics of the global gas industry in the pre-pandemic period, assesses the impact on it of the crisis caused by the worldwide spread of COVID-19, and outlines the main factors of future gas demand and supply until 2025.

Faced with an unprecedented shock, natural gas markets are undergoing a strong supply and demand adjustment, resulting in low spot prices and high volatility. Demand for natural gas is expected to gradually recover in 2021, but the crisis could have a longer lasting impact on the gas industry due to high uncertainty. With regard to the prospects for Russian gas, the author emphasizes that due to the high concentration

of natural reserves, competitive prices and export-oriented projects launched before the pandemic, such as Arctic LNG-2, Power of Siberia, etc., Russia will be able to strengthen its position in the world as the main importer of natural gas.

References

Aksyutin O., 2020 Promising gas // <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2020/promising-gas/>, accessed 05.10.2020. (In Russ.)

Alifirova E., 2020. Global demand for gas, LNG, gasification. The Gazprom Board of Directors considered a number of strategic issues // <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/656421-globalnyy-spros-na-gaz-spg-gazifikatsiya-sovet-direktorov-gazproma-rassmotrel-ryad-strategicheskikh-/>, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

Dmitriev D. V., 2020. Prospects for the Globalization of Regional Natural Gas Markets. World and national economy. № 1 (40). P. 7. (In Russ.)

Maslennikov A., 2020. Global and Regional Natural Gas Markets after COVID-19. World economy and international relations. Volume 64. № 10. Pp. 74–83. (In Russ.)

Melnikov A. S., Melnikova E. A., Bragina Z. V., 2019. Global Gas Trading Experience: Lessons for the Russian Gas Industry. Bulletin of Ivanovo State University. № 1/2 (39/40). Pp.31–42. (In Russ.)

Metelev P. S., Fisenko A. G., 2017. The specifics of the development of the Russian gas industry in the context of the world gas market. Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. № 2 (104). Pp. 37–43. (In Russ.)

Mitrova T., Grushevenko E., Kapitonov S., Melnikov Y., Perdero A., Dobroslavskiy N., 2020. Corona crisis: the impact of COVID-19 on the fuel and energy complex in the world and in Russia // https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_COVID19_and_Energy_sector_RU.pdf?, accessed 05.10.2020. (In Russ.)

Novak A., 2018. Window of Opportunity for Russia. Oil and gas vertical. № 1 (425). Pp. 22–26. (In Russ.)

Novak A., 2020. Author's column by Alexander Novak for the magazine «Energy Policy» // <https://minenergo.gov.ru/node/16999>, accessed 05.10.2020. (In Russ.)

Nikiforov O., 2020. The energy future of Russia will determine the results of the global fight against the coronavirus pandemic // https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/energy/2020-05-18/9_7863_strategy.html, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

Prospects for the development of the Russian gas industry, taking into account the transformation of global markets // <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/513967-perspektivy-razvitiya-gazovoy-otrasli-rossii-s-uchetom-transformatsii-globalnykh-rynkov/>, accessed 05.10.2020. (In Russ.)

Energy Bulletin. Issue № 87, 2020. Foggy prospects of the gas market // <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%>

D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_87.pdf, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

Energy Bulletin. Issue № 90, 2020. Energy forecasts against the backdrop of the crisis // https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/energo_november_2020.pdf, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

BP Statistical Review of World Energy 2020 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>, accessed 05.12.2020. (In Russ.)

IEA Gas 2020. Analysing the impact of the COVID-19 pandemic on global natural gas markets // <https://www.iea.org/reports/gas-2020>, accessed 05.12.2020 (InEng.)

Global Energy Review 2020. The impacts of the COVID-19 crisis on global energy demand and CO2 emissions // <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020>, accessed 05.12.2020. (In Eng.)

Ledesma D., Fulwood M., 2019. New players, New Models. Oxford Institute for Energy Studies // <https://www.oxfordenergy.org/publications/new-players-new-models>, accessed 05.12.2020. (In Eng.)

Shell LNG Outlook 2020. Available at: <https://www.shell.com/energy-and-innovation/natural-gas/liquefied-natural-gas-lng/lng-outlook-2020.html#iframe=L3dLYmFwcHMvTE5HX29ldGxvb2sv>, accessed 05.12.2020. (In Eng.)

Александр МАРКАРОВ
Ваге ДАВТЯН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АРМЕНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ВЛИЯНИЕ КАРАНТИННЫХ МЕР НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР

Дата поступления в редакцию: 29.10.2020.

Для цитирования: *Маркаров А. А., Давтян В. С., 2020. Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор. – Геоэкономика энергетики. № 4 (12). С. 59–76.*

В статье представлены основные характеристики социально-экономического положения Армении, выявлены основные проблемы, риски и вызовы, стоящие перед республикой. Показана динамика распространения *COVID-19* в Армении. Даны оценки реализованным правительством программ по нейтрализации социально-экономических последствий введённых карантинных мер. Отдельное внимание в статье уделено финансовой, материальной и консультационной поддержке, оказанной Армении в борьбе с *COVID-19* со стороны ряда международных организаций и стран-партнёров. Установлено, что режим чрезвычайного положения оказал негативное влияние на экономику страны, существенно ограничив уровень экономической активности. Показано постепенное проседание сектора услуг, что преимущественно обусловлено сокращением туризма и авиаперевозок. Выявлено влияние пандемии на сокращение рабочих мест. Представлен энергетический баланс Армении, структура и основные

МАРКАРОВ Александр Александрович, доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета, директор Ереванского филиала Института СНГ. *E-mail:* amarkarov@ysu.am. *Адрес:* Республика Армения, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1. *SPIN-код:* 9302-0149.

ДАВТЯН Ваге Самвелович, доктор политических наук, доцент Российско-Армянского университета, президент НКО «Институт энергетической безопасности». *E-mail:* vahedavtyan@yandex.ru. *Адрес:* Республика Армения, г. Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина, д. 123. *SPIN-код:* 7094-6199.

Ключевые слова: Армения, COVID-19, экономика, энергетика, безопасность, инфраструктуры.

показатели энергетического комплекса Армении. Исследованы перспективы развития атомной, тепло-, гидро- и возобновляемой энергетики. Изучены основные риски и угрозы энергетической безопасности Армении в условиях пандемии. В частности, отдельное внимание уделено производственным показателям, а также тарифной политике, действующей на энергетических рынках Армении. Установлено, что распространение *COVID-19* отразилось на темпах реализации отдельных инфраструктурных программ (Ереванская ТЭС, Армянская АЭС, ЛЭП Иран – Армения).

Армения в условиях пандемии COVID-19

Вспыхнувшая в декабре 2019 г. в китайском городе Ухань эпидемия коронавируса быстрыми темпами начала распространяться по всему миру, в результате чего уже 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) заявила о пандемическом характере вируса [*COVID-19* в Европейском регионе, 2020].

Первый случай заражения *COVID-19* в Республике Армения (РА) был зафиксирован 1 марта 2020 г. у прибывшего из Ирана гражданина РА. Последний сам обратился за врачебной помощью. Примечательно, что в последующие недели прибывающие из Ирана граждане не подвергались карантинной изоляции. Более того, после обнаружения первых случаев заражения в стране не были установлены ограничения на экономическую деятельность, были запрещены лишь массовые мероприятия, в результате чего были отменены также проводимая властями кампания «Айо» («Да»), направленная на внесение поправок в Конституцию по части статуса и модели управления Конституционного суда. Правительство призвало население отказаться от поездок в Италию, а находившихся там туристов – как можно скорее вернуться в Армению. Вместе с тем были ограничены транспортные коммуникации с Ираном, а также приостановлены пассажирские перевозки с Китаем. До введения в стране режима чрезвычайного положения власти также приняли решение приостановить пассажирские перевозки с Россией сроком на 2 недели.

16 марта 2020 г. в Армении был объявлен режим чрезвычайного положения, которым устанавливались следующие ограничения:

- 1) прохождение карантина лицами, прибывшими из стран – эпицентров коронавируса;
- 2) приостановка работы детских садов, общеобразовательных школ и вузов;
- 3) ограничение деятельности СМИ с целью нераспространения не соответствующих официальной информации новостей;
- 4) ограничение на въезд в страну лиц, не являющихся гражданами Армении, из Китая, Ирана, Южной Кореи, Японии, Италии, Испании, Франции, Германии, Швейцарии, Дании, Австрии, Бельгии, Норвегии, Швеции, Нидер-

ландов, Великобритании. Установление обязательного прохождения 14-дневного карантина для граждан Армении, прибывающих из указанных стран;

5) ограничение работы торговых центров (за исключением точек питания и продажи алкоголя и табачных изделий), баров, ночных клубов, игровых домов, букмекерских офисов и кинотеатров.

Спустя неделю, начиная с 24 марта, правительством был утверждён дополнительный, расширенный пакет ограничений, согласно которым, в частности, на всей территории Армении был введён запрет на экономическую деятельность, за исключением отдельных случаев. Также было принято решение о приостановке работы городского и межгородского общественного транспорта и пр. [Mkrtychyan, 2020].

Учитывая крайне опасные экономические последствия введённых мер, начиная с мая власти Армении пошли по пути смягчения режима чрезвычайного положения, в результате чего уже 18 мая была возобновлена работа общественного транспорта (с ограничениями), были открыты детские сады, торговые центры, спортзалы. Вместе с тем 25 мая стало обязательным ношение масок, при этом не только в закрытом пространстве. Были восстановлены регулярные авиарейсы с Россией, позже – с Бельгией [Mkrtychyan, 2020].

На момент введения режима чрезвычайного положения в Армении уже было подтверждено 45 случаев заражения коронавирусом. Несмотря на некоторое снижение количества заражённых в Армении в июле – сентябре, с октября месяца очевиден резкий рост зафиксированных случаев: уже по состоянию на 22 октября количество заражённых составило порядка 2500 чел., что, с учётом демографических показателей Армении, является кризисным показателем¹.

В рамках борьбы с *COVID-19* Армения пользуется активной поддержкой как ВОЗ, так и ряда международных партнёров – как организаций, так и отдельных стран. Так, в мае Армения получила 2000 *PCR*-тестов от ВОЗ², а в начале июля организация поставила в республику ещё 10 тыс. тестов, приобретённых на средства, выделенные Евросоюзом. Также ВОЗ продолжает оказывать Правительству Армении консультационные услуги.

24 июня премьер-министр Армении Н. Пашинян встретился со специальным советником главы ВОЗ в Европейском регионе Мишелем Тиереном. Тиерен рассказал о посещении медицинских центров Армении, отметив, что впечатлён борьбой с коронавирусом и условиями, которые созданы для лечения больных. Также он обратил внимание на то, что в Армении нет больных, которые находились бы в тяжёлом состоянии, но их не госпитализи-

¹ Статистика развития пандемии *COVID-19* в Армении // <https://coronavirus-monitor.info/country/armenia/>, дата обращения 02.10.2020.

² Armenia received 2 000 PCR tests from WHO // <https://armenpress.am/eng/news/1016000.html>, дата обращения 02.10.2020.

зировали из-за отсутствия мест. Ранее представители ВОЗ не раз выражали готовность поддержать Армению в борьбе с коронавирусом всеми возможными инструментами, которыми располагает организация.

Обращаясь к поддержке, оказываемой Армении со стороны ЕС, отметим, что она прежде всего имеет финансовый характер. Как стало известно 15 апреля, ЕС принял решение о предоставлении финансовой помощи Армении в объёме 92 млн евро с целью борьбы с коронавирусом, а также преодоления экономического кризиса в стране. Средства были направлены на поставки медоборудования и принадлежностей, переподготовку медперсонала и сотрудников лабораторий, поддержку малого и среднего бизнеса, а также оказание социальной и гуманитарной помощи пострадавшим в результате вспышки коронавируса.

Важно подчеркнуть, что в период пандемии ЕС продолжает поддерживать также сельскохозяйственный комплекс Армении. С целью преодоления социально-экономических последствий в период пандемии ЕС предоставил армянским фермерам 30 мотоблоков. В общей же сложности в период пандемии лишь на поддержку сельского хозяйства в Армении ЕС выделил более 450 тыс. евро.

Поддержка последовала также из Китая, откуда в Армению было направлено 1000 наборов для диагностики вируса, а также 2,5 тонны инновационных дезинфицирующих средств.

В рамках борьбы с коронавирусом Армения получила гуманитарную помощь также из России в виде 20 тыс. тест-систем и 33,5 тыс. реагентов. Также из России в Армению были направлены более 50 врачей для борьбы с вирусом, из Франции – 10. Финансовая, материальная, профессиональная и иная помощь последовала из США, Италии, Швейцарии, Сербии, Нидерландов, Литвы, Польши, Эстонии, Японии, ОАЭ и других стран.

Социально-экономические последствия COVID-19

Ещё до распространения *COVID-19* ряд международных институтов (например, МВФ) прогнозировали неизбежное замедление глобального экономического роста, обусловленное ростом геополитической напряжённости, ухудшением отношений между США и Ираном и формированием очагов геоэкономических войн в разных регионах мира. После заявления главы ВОЗ о пандемическом характере распространения вируса данные прогнозы были подкорректированы, став более пессимистическими. В частности, ожидается, что негативные последствия пандемии приведут к ещё большему спаду мировой экономики, чем во время кризиса 2008–2009 гг.

Введённый в Армении режим чрезвычайного положения оказал негативное влияние также на экономику страны, существенно ограничив уровень экономической активности, понижение которого лишь в апреле составило 17% (самое сильное понижение в месячном разрезе с 2011 г.), то-

гда как за первые 4 месяца 2020 г. — 1,7%³. Согласно данным Статкомитета Армении, в 1-м полугодии ВВП республики сократился на 7,1% годовых (8% — рост в 2019 г.), составив 2,5 трлн драмов (5,3 млрд долл.). При этом во втором квартале понижение ВВП составило 13,7%⁴.

Важно обратиться также к налоговым поступлениям в государственный бюджет Армении в период пандемии. Согласно данным Комитета по доходам Армении, за первые 9 месяцев 2020 г. объём налоговых поступлений, несмотря на влияние коронавируса, увеличился. Поступления в госбюджет составили 1 трлн 16,8 млрд драмов. При этом, согласно установленным законом программным показателям на 9 месяцев 2020 г., было предусмотрено поступление 999,1 млрд драмов. Важно отметить, что только по линии налоговых органов налоговые поступления составили 916,7 млрд драмов против 901,6 млрд драмов за аналогичный период 2019 г. Вместе с тем заметно сокращение поступления по линии таможенных органов, которые составили 199 млрд драмов против 266,8 млрд драмов за аналогичный период 2019 г.⁵.

В период с января по июль 2020 г. в Армении по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 3,4% увеличился объём грузоперевозок, составив 7745 тыс. тонн. Обращаясь к структуре грузоперевозок, отметим, что 61,6% приходится на автомобильные перевозки. При этом железнодорожные перевозки за отчётный период возросли на 12,2%, составив 1910,7 тыс. тонн. Характерно, что вместе с тем значительно сократились авиаперевозки — на 19,4% — до 10,3 тыс. тонн. По магистральному трубопроводу было поставлено 1051,7 тыс. тонн природного газа, что на 3,6% больше показателя того же периода прошлого года.

Наиболее чувствительной к введённым ограничительным мерам оказалась сфера пассажирских перевозок, продемонстрировавших существенный спад. Согласно статистическим данным, в январе — июле объём пассажирских перевозок в Армении сократился на 57,7% (против 4,2%-го роста в 2019 г.), составив, таким образом, 46 842,1 тыс. чел. Сокращение железнодорожных пассажироперевозок составило 26,6% (168,6 тыс. чел.), воздушных — 67% (645,4 тыс. чел.), автомобильных — 59% (38 754,4 тыс. чел.). Сокращение пассажирооборота составило 60,3%⁶.

³ Спад экономической активности в Армении в январе — апреле составил 1,7% // http://arka.am/ru/news/economy/spad_ekonomicheskoy_aktivnosti_v_armenii_v_yanvare_aprele_sostavil_1_7/, дата обращения 06.10.2020.

⁴ Падение ВВП во II квартале на 13,7% не диагноз: что ждёт экономику Армении // <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20200824/24212509/Padenie-VVP-vo-II-kvartale-na-137-ne-diagnoz-chto-zhdet-ekonomiku-Armenii.html>, дата обращения 06.10.2020.

⁵ Налоговые поступления в госбюджет Армении за 9 месяцев 2020 г. составили 1 трлн 16,8 млрд драмов // http://arka.am/ru/news/economy/nalogovye_postupleniya_v_gosbyudzheta_armenii_za_9_mesyatsev_2020_goda_sostavili_1_trln_16_8_mlrdr_dra/, дата обращения 06.10.2020.

⁶ Пассажироперевозки сокращаются при росте грузоперевозок // https://finport.am/full_news.php?id=42923&lang=2, дата обращения 10.10.2020.

В кризисной зоне оказался также внешнеторговый оборот Армении: в январе – августе 2020 г. его спад составил 10,2%, что объясняется ухудшением динамики экспорта (с 4,6%-го роста до 6%-го спада), а также импорта (с 0,7%-го роста до 12,4%-го спада). Таким образом, в указанный период внешнеторговый оборот Армении в денежном выражении составил 4,4 млрд долл.: экспорт – 1,6 млрд долл., импорт – 2,8 млрд долл. Дефицит внешней торговли составил 1,2 млрд долл.⁷.

Наибольший спад в условиях пандемии в Армении зарегистрирован в строительном секторе – на 23%. Что касается промышленности, то здесь в целом сохраняется рост, обусловленный прежде всего ростом в сфере добывающей промышленности на 20%. Также наблюдается рост в сфере металлургии и производства металлических изделий, что также в целом обусловлено ростом добывающей промышленности⁸.

В отличие от отраслей, восстанавливающихся после апрельского шока, сектор услуг продолжает проседать, что преимущественно объясняется сокращением туризма и авиаперевозок [Товмасян, 2020]. Впрочем, важно подчеркнуть, что для платёжного баланса Армении туризм не играет системообразующей роли, поскольку граждане республики тратят на выездном туризме столько же, сколько приезжие туристы – в Армении. Однако это вовсе не снижает значимость данной отрасли при долгосрочном планировании экономического развития страны. В течение последних лет туризм в Армении демонстрировал высокие темпы развития. Так, в 2011 г. на территорию Армении прибыло 757 тыс. туристов, а к 2019 г. эта цифра достигла уже 1894 тыс. [Министерство экономики РА, 2020].

Начиная с марта 2020 г. туризм в Армении оказался в состоянии глубокого кризиса, что, впрочем, является общемировой тенденцией. Всего за январь – август сокращение отрасли составило 60,8%⁹.

Введение чрезвычайного положения сказалось в целом на сфере услуг, которая в январе – июле сократилась на 9,3% – до 968,7 млрд драмов (2 млрд долл.) – против 15,2%-го роста в 2019 г. При этом наиболее существенный спад зарегистрирован в сфере общественного питания и гостиничного бизнеса – на 46,7% (против роста на 34% в 2019 г.)¹⁰.

В сложившейся ситуации экономисты прогнозировали резкую девальвацию национальной армянской валюты – драма, что должно было быть

⁷ Дефицит внешней торговли Армении за август 2020 г. возрос на 13% // https://finport.am/full_news.php?id=43072&lang=2, дата обращения 10.10.2020.

⁸ Экономика Армении на фоне глобального кризиса // <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/44844>, дата обращения 10.10.2020.

⁹ Экономика Армении на фоне глобального кризиса // <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/44844>, дата обращения 10.10.2020.

¹⁰ В условиях COVID-19 в весомом спаде оказалась сфера общепита // https://finport.am/full_news.php?id=42935&lang=2, дата обращения 12.10.2020.

вызвано сокращением притока валюты. Ещё в январе обменный курс в Армении составлял 478 драмов к доллару, в марте – 503 драма, сегодня же курс колеблется в пределах 488–495 драмов. В целом в период пандемии армянский драм обесценился всего на 1,5% [Архив обменного курса ЦБ Армении, 2020].

В условиях пандемии в Армении продолжал расти государственный долг. В январе – июле 2020 г. он повысился на 8,4% (против роста на 0,9% в 2019 г.), перешагнув таким образом за планку в 7,9 млрд долл. Согласно данным Статкомитета Армении, в январе – июле рост внешнего долга был весьма умеренным – 4,7% – на фоне скачка внутреннего долга на 22,6%. Таким образом, к августу 2020 г. внешний долг пересёк отметку 6 млрд долл., внутренний же долг достиг 1,9 млрд долл.¹¹

Пандемия коронавируса повлияла также на сокращение рабочих мест. Согласно специальному докладу ООН, кризис, вызванный пандемией, лишь во II квартале 2020 г. привёл к сокращению рабочих мест в мире для 195 млн чел. По прогнозам Центрального банка Армении, по итогам 2020 г. уровень безработицы в республике повысился до 20,2% (с 18,9% в 2019 г.). При этом ожидается, что в 2021 г. уровень безработицы повысится до 21,2%, что будет обусловлено сокращением мероприятий по ликвидации последствий для экономики, вызванных пандемией [Мкртчян, 2020].

В целом, согласно оценкам ЦБ Армении, по итогам 2020 г. экономический спад в республике составит 7,2% вместо прогнозируемых ранее 4%. Снижение преимущественно будет обусловлено спадом в сельском хозяйстве (спад 1,1% вместо прогнозируемых ранее 0,4%), строительстве (спад 18,7% вместо прогнозируемых ранее 11,2%)¹².

С целью нейтрализации экономических и социальных рисков в результате введённых ограничительных мер властями Армении были разработаны две группы мероприятий в сфере экономического и социального регулирования в условиях кризиса. В общей сложности правительством было утверждено 22 мероприятия [Решение Правительства, 2020], преследующих такие цели, как:

- поддержка малых и средних предприятий, в том числе посредством субсидирования;
- поддержка микропредприятий;
- поддержка сельскохозяйственной отрасли, в том числе посредством софинансирования;
- сохранение рабочих мест;

¹¹ Госдолг Армении вырос к августу на 14% годовых и вплотную подошёл к 8 млрд долл. // https://finport.am/full_news.php?id=42787&lang=2, дата обращения 12.10.2020.

¹² Центробанк прогнозирует экономический спад в Армении на 2020 год на уровне 7,2% // https://finport.am/full_news.php?id=43178&lang=2, дата обращения 15.10.2020.

- выделение грантовых средств предприятиям, задействованным в сфере высоких технологий;
- помощь в реализации конкурентоспособных бизнес-проектов посредством содействия в реализации предпринимательских идей, имеющих стремление к созданию бизнеса с нуля;
- создание временных рабочих мест в сельскохозяйственной сфере посредством решения экологических проблем и пр. [Мероприятия по нейтрализации экономических последствий, 2020].

Также в рамках утверждённых мероприятий была оказана поддержка социальному сектору, бенефициарами которой были определены следующие группы:

- семья с ребёнком до 14 лет, в которой родители или один из родителей потерял зарегистрированную работу в период 13–25 марта, а по состоянию на 25 марта ни один из родителей не имел работы;
- лицо, освободившееся с работы в период 13–30 марта;
- беременная женщина, которая по состоянию на 30 марта не имеет работы, а её супруг освобождён от работы в период 13–30 марта, или она не имеет супруга;
- семья с детьми в возрасте 0–18 лет, в которой оба родителя не имели зарегистрированной работы;
- социально необеспеченные семьи;
- являющиеся гражданами Республики Армения студенты высших учебных заведений и послевузовских учреждений (клиническая ординатура) Республики Армения;
- абоненты, подписавшие договор о поставках природного газа, электроэнергии и водоснабжения и пр. [Мероприятия по нейтрализации социальных последствий, 2020].

В целом можно констатировать, что осуществлённые группы программ позволили избежать глубинного социально-экономического кризиса в Армении, хотя имеющиеся сегодня основные макроэкономические показатели в республике, как было показано выше, являются тревожными и содержат в себе высокую вероятность развития кризисного сценария в 2021 г. [Arustamyan, 2020]. Следовательно, консолидация профессионального сообщества, располагающего богатым ресурсом кризисного управления и аналитико-прогнозными инструментами с целью выработки модели экономического развития страны в условиях мирового структурного кризиса, должна стать приоритетным направлением деятельности правительства Армении.

Энергетический сектор Армении: структура и основные показатели

В последние годы наибольшая доля генерируемой в республике электроэнергии приходится на теплоэлектростанции (Ереванская и Разданская

ГЭС) — около 40%, гидроэнергостанции (включая малые ГЭС) — около 30%, атомную станцию — 30%. При этом Армения располагает избытком генерирующих мощностей: из установленной мощности 3555 МВт сегодня используется лишь 2320 МВт, что свидетельствует о большом экспортном потенциале страны [Концепция обеспечения энергетической безопасности, 2011].

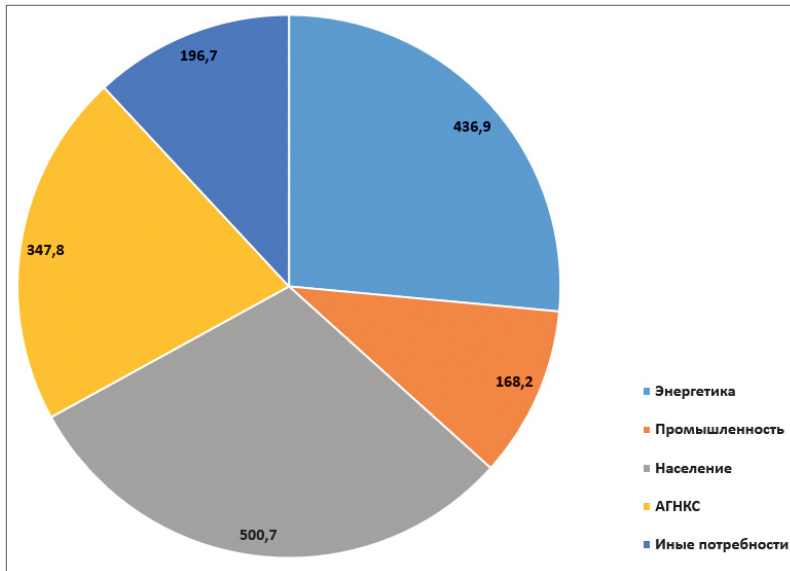
Ежегодное производство электроэнергии в Армении составляет порядка 7,5–7,7 млрд кВт·ч. Основными направлениями экспорта генерируемой в Армении электроэнергии являются Иран и Грузия. По итогам 2019 г. поставки электроэнергии из Армении в Иран составили порядка 1,5 млрд кВт·ч (в рамках бартерной сделки «газ в обмен на электроэнергию»). Что касается Грузии, то экспорт электроэнергии в данном направлении в последние годы сокращается. Так, в 2018 г. экспорт армянской электроэнергии в Грузию составил 7,8 млн кВт·ч, импорт — 82,3 млн кВт·ч [Энергетический баланс, 2018]. При этом в 2019 г. импорт составил 59,3 млн кВт·ч, экспорт — 0 кВт·ч.

Энергетический комплекс Армении в условиях пандемии

В условиях пандемии коронавируса в Армении зафиксирован рост производства электроэнергии. В январе — сентябре 2020 г. выработка электроэнергии составила 5737,0 млн кВт·ч, увеличившись в годовом разрезе на 1,5%. При этом данный показатель в сентябре по сравнению с августом уменьшился на 3,7%, а в сентябре 2020 г. к сентябрю 2019 г. — на 1,7% [Основные предварительные макроэкономические показатели, 2020].

За январь — сентябрь 2020 г. импорт природного газа в республику составил 1718,5 млн куб. м. За тот же период было реализовано 1650,3 млн куб. м природного газа. За отчётный период по сравнению с аналогичным периодом прошлого года объёмы потребления природного газа увеличились на 13% в энергетическом и на 25,3% в промышленном секторах (436,9 и 168,2 млн куб. м соответственно). Объёмы потребления природного газа населением увеличились на 8,7%, составив 500,7 млн куб. м. Примечательно, что в рассматриваемый период объёмы потребления со стороны автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС) сократились на 18,8%, что преимущественно обусловлено введёнными в рамках режима чрезвычайного положения ограничениями в транспортной сфере (отметим, что более 90% автомобилей в Армении эксплуатируются на газе) (см. рис.).

Тарифы на природный газ традиционно продолжают оставаться одним из самых чувствительных вопросов в Армении, что обусловлено как социально-экономическим положением республики, так и активными попытками перевести вопрос в политическую плоскость. И в этом смысле вовсе не случайно, что представленная в апреле 2020 г. компанией «Газпром Армения» в Комиссию по регулированию общественных услуг (КРОУ) заявка



Объёмы реализации природного газа в Армении (млн куб. м)
за январь – сентябрь 2020 г.¹³

об увеличении тарифов на природный газ вызвала бурную реакцию среди населения. Этому в значительной степени способствовало также пребывание страны в состоянии чрезвычайного положения и, как следствие, резкий спад экономической активности. В рамках заявки компания предлагала понизить тарифы на 2,3% для населения, потребляющего меньше 10 тыс. куб. м, иными словами – для основной части населения. При этом основной удар новой тарифной политики должна была взять на себя та часть населения, которая пользуется социальными и семейными пособиями, – необеспеченная часть населения: предлагалось отменить действующие скидки для данного сегмента. Вместе с тем предлагалось на 17% повысить тариф для сегмента, потребляющего более 10 тыс. куб. м (с 242 до 283 долл. за 1 тыс. куб. м), т. е. для хозяйствующих субъектов. В свою очередь, для обрабатывающих организаций и тепличного хозяйства предлагалось поднять тариф на 36%, что неизбежно повлекло бы за собой рост цен на продовольствие и, как следствие, углубление бедности (согласно данным 2018 г., уровень бедности в Армении составляет 23,5%).

¹³ За девять месяцев 2020 г. ЗАО «Газпром Армения» импортировало 1718,5 млн куб. м природного газа // <https://armenia.gazprom.ru/press/news/2020/10/1407/>, дата обращения 17.10.2020.

19 июня КРОУ Армении утвердила новую тарифную политику, согласно которой остался в силе конечный тариф для физических лиц в размере 139 драмов за 1 куб. м против 135,9 драма, которые предлагал «Газпром Армения». Также был сохранён тариф для социально необеспеченных слоёв населения – 100 драмов за 1 куб. м. Вместе с тем был увеличен тариф для тепличных хозяйств и предприятий переработки сельхозпродукции – 224 долл. вместо ранее действующих 212 долл. Что касается сегмента, потребляющего более 10 тыс. куб. м в месяц, то для него был установлен тариф 255 долл. за 1000 куб. м. Новая тарифная политика вступила в силу 19 июля 2020 г.

Весьма чувствительными к пандемии *COVID-19* оказались цены на бензин, чему в значительной степени поспособствовал также выход России из сделки ОПЕК+ в начале марта 2020 г., обрушивший мировые котировки на нефть, что неизбежно повлияло также на цены на нефтепродукты.

Более 80% бензина и дизтоплива в Армению экспортируется из России, где, как известно, в 2018 г. был запущен компенсационный механизм – демпфер, позволяющий сохранять стабильность цен на нефтепродукты на внутреннем рынке при падении цены на нефть примерно до 40 долл. Таким образом, падение цены на нефтепродукты в России было незначительным, что в течение марта отражалось также на армянском рынке. Однако резкое падение цен на нефть вплоть до отрицательных значений всё же заставило Россию пересмотреть свою экспортную стратегию, особенно в направлении стран, в которых цены на нефтепродукты продолжали демонстрировать серьёзный спад. Таким образом, экспорт нефтепродуктов из России начал осуществляться в соответствии с мировыми рыночными тенденциями, в результате чего в Армении также в течение апреля – июня наблюдалось падение цен (с допандемических 400–420 драмов до 280–300 драмов за товарный литр). Однако заключение в апреле сделки ОПЕК+, вступившей в силу в июне 2020 г., подкорректировало ситуацию: цены на нефть на мировом рынке начали постепенно переходить в стабильную фазу, дойдя в августе – сентябре до уровня 38–42 долл. за баррель¹⁴. Эта тенденция нашла своё отражение также на рынке нефтепродуктов, в результате чего начиная с августа цены на бензин в Армении начали демонстрировать рост, дойдя по состоянию на октябрь до уровня 360 драмов.

Падение цен привело к росту спроса на нефтепродукты в Армении. Так, в 1-м полугодии 2020 г. импорт нефтепродуктов в Армению возрос на 53,3% годовых – до 246,2 тыс. тонн (против роста на 4,1% годом ранее). При этом таможенная стоимость повысилась на 5,8% – до 128,4 млн долл. За указанный период импорт нефтепродуктов в основном осуществлялся из России

¹⁴ График цены нефти *Brent* // <https://www.profinance.ru/chart/brent/>, дата обращения 18.10.2020.

(80,5%) и Ирана (12,8%), а также Турции (2,7%), Румынии (1,6%), Греции (1,2%) и Грузии (0,4%)¹⁵.

Пандемическая ситуация отразилась также на темпах реализации отдельных инфраструктурных энергопроектов, понизив уровень вовлечённости иностранных специалистов ввиду ограничений, введённых в сфере международных пассажирских перевозок. Так, в течение долгого времени в Армению не могли приехать иранские специалисты (60 человек) для участия в строительстве третьей высоковольтной ЛЭП Иран – Армения. Согласно официальным заявлениям армянской стороны, в результате этого отклонение от графика строительных работ составило около трёх месяцев. Иранские специалисты из компании *Sanir* смогли подключиться к процессу лишь к середине июня. Отметим, что в настоящее время Иран и Армению связывают две ЛЭП (220 кВ). Ожидается, что ввод в эксплуатацию третьей линии (400 кВ) позволит утроить пропускную способность энергокоридора, увеличив таким образом объёмы поставок электроэнергии из Армении в Иран. Работы по строительству ЛЭП начались в 2017 г. Стоимость проекта составляет около 108 млн евро. Работы профинансирует иранская сторона: 77% объёма выделит Банк развития экспорта Ирана, 23% – главный подрядчик строительства *Sanir*. Ожидается, что строительные работы завершатся к концу 2020 – началу 2021 г. Отметим, что данный участок рассматривается в качестве составной части международного электроэнергетического коридора «Север – Юг» (Иран – Армения – Грузия – Россия), призванного обеспечить взаимные перетоки между странами.

Также из-за *COVID-19* были перенесены ремонтные работы на Армянской АЭС и Ереванской ТЭС, поскольку специалисты из России и других стран не могли вовремя приехать в Армению для участия в плановых работах. В частности, работы на Ереванской ТЭС были перенесены с апреля на октябрь. Что касается Армянской АЭС, ожидалось подключение российских специалистов к модернизационным работам в конце мая. Ввиду транспортных ограничений начало работ было перенесено на июль, окончание – на сентябрь.

Впрочем, сложившаяся картина не помешала существенно увеличить производительность Армянской АЭС. Как ожидается по итогам 2020 г., в результате проведённых модернизационных работ станция выработает значительно больше электроэнергии, чем в 2019 г. Это стало возможным благодаря замене старых генераторов на новые, вследствие чего в 2020 г. планируется выработка 2,5 млрд кВт·ч электроэнергии вместо 2 млрд кВт·ч в 2019 г.

¹⁵ Импорт нефтепродуктов в Армению в I полугодии 2020 г. вырос на 53,3% при росте таможенной стоимости на 5,8% // https://finport.am/full_news.php?id=42877, дата обращения 18.10.2020.

В целом, можно констатировать, что влияние *COVID-19* не привело к кризису в энергосистеме Армении. Экспортно-импортные операции, равно как и запланированные строительные работы, в период пандемии были реализованы в полном объёме.

Заключение

Введённый в Армении режим чрезвычайного положения оказал негативное влияние на экономику страны, существенно ограничив уровень экономической активности. Согласно оценкам ЦБ Армении, по итогам 2020 г. экономический спад в республике составит 7,2% вместо прогнозируемых ранее 4%.

При этом осуществлённые правительством Армении группы программ позволили избежать глубинного социально-экономического кризиса, хотя имеющиеся сегодня основные макроэкономические показатели являются тревожными и содержат высокую вероятность развития кризисного сценария в 2021 г.

В условиях пандемии коронавируса (январь – сентябрь) в Армении был зафиксирован рост производства электроэнергии на 1,5%, а также увеличено потребление природного газа. За тот же период по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. объёмы потребления природного газа увеличились на 13% в энергетическом и на 25,3% в промышленном секторах. Объёмы потребления природного газа населением выросли на 8,7%.

Чувствительными к пандемии *COVID-19* оказались цены на нефтепродукты, чему в значительной степени поспособствовал выход России из сделки ОПЕК+ в начале марта 2020 г., обрушивший мировые котировки на нефть. В результате в период с апреля по июль 2020 г. в Армении цены на нефтепродукты демонстрировали спад, однако начиная с июля заметен рост цен, продолжающийся в настоящее время.

COVID-19 отразился также на темпах реализации отдельных инфраструктурных проектов, снизив уровень вовлечённости иностранных специалистов ввиду ограничений, введённых в сфере международных пассажирских перевозок. Речь, в частности, идёт об отставании от графика проведения работ на Ереванской ТЭС, Армянской АЭС и третьей высоковольтной ЛЭП Иран – Армения.

В целом влияние *COVID-19* не привело к кризису в армянской энергосистеме: экспортно-импортные операции, а также запланированные строительные работы в период пандемии были реализованы в полном объёме.

Список литературы

Концепция обеспечения энергетической безопасности Армении. Приложение к решению правительства РА № 50 от 22 декабря 2011 г. // https://www.e-gov.am/u_files/file/decrees/arc_voroshum/12/MAR50-14_1.pdf, дата обращения 15.10.2020.

Министерство экономики Республики Армения // <https://www.mineconomy.am/ru>, дата обращения 12.10.2020.

Основные предварительные макроэкономические показатели, полученные по текущим оперативным сводкам, характеризующие социально-экономическое положение РА // <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

Решение правительства РА об утверждении 22-й программы нейтрализации экономических последствий коронавируса (№ 1038-L, принято 25 июня 2020 г.) // <http://surl.li/kkfq>, дата обращения 07.10.2020.

Энергетический баланс Республики Армения за 2018 г.: итоговый отчет министерства территориального управления и инфраструктур // http://www.mtad.am/u_files/file/energy/Balance2018%20ARM%E2%80%949424,01,2020.pdf, дата обращения 17.10.2020.

Мкртчян Т., 2020. На пути преодоления «большого локдауна»: восстановление или новый спад? Вестник Армянского государственного экономического университета. № 4. С. 42–61.

Товмасын Г., 2020. Как восстановить туризм в условиях COVID-19? Амберд. № 4 (5). С. 57–66.

Arustamyan T., 2020. COVID-19 in Armenia: measures to offset the economic consequences. Амберд. № 1 (2). Р. 81–87.

Mkrtchyan S., 2020. Performances of Armenia and Georgia in The Fight Against COVID-19 // <https://uic.am/wp-content/uploads/2020/06/coronavirus-eng-1.pdf>, дата обращения 10.10.2020.

Архив обменного курса ЦБ Армении // <https://www.cba.am/RU/SitePages/ExchangeArchive.aspx>, дата обращения 12.10.2020.

Мероприятия по нейтрализации социальных последствий коронавируса (официальный сайт Правительства РА) // <https://www.gov.am/ru/covid-19-cragrer./>, дата обращения 14.10.2020.

Мероприятия по нейтрализации экономических последствий коронавируса // <https://www.gov.am/ru/covid19./>, дата обращения 14.10.2020.

Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ // <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d>, дата обращения 15.10.2020.

В условиях COVID-19 в весомом спаде оказалась сфера общепита // https://finport.am/full_news.php?id=42935&lang=2, дата обращения 12.10.2020.

Госдолг Армении вырос к августу на 14% годовых и вплотную подошёл к 8 млрд долл. // https://finport.am/full_news.php?id=42787&lang=2, дата обращения 12.10.2020.

График цены нефти Brent // <https://www.profinance.ru/chart/brent/>, дата обращения 18.10.2020.

Дефицит внешней торговли Армении за август 2020 г. возрос на 13% // https://finport.am/full_news.php?id=43072&lang=2, дата обращения 10.10.2020.

За девять месяцев 2020 года ЗАО «Газпром Армения» импортировало 1718,5 млн куб. м природного газа // <https://armenia.gazprom.ru/press/news/2020/10/1407/>, дата обращения 17.10.2020.

Импорт нефтепродуктов в Армению в 1-м полугодии 2020 г. вырос на 53,3% при росте таможенной стоимости на 5,8% // https://finport.am/full_news.php?id=42877, дата обращения 18.10.2020.

Налоговые поступления в госбюджет Армении за 9 месяцев 2020 г. составили 1 трлн 16,8 млрд драмов // http://arka.am/ru/news/economy/nalogovye_postupleniya_v_gosbyudzhet_armenii_za_9_mesyatsev_2020_goda_sostavili_1_trln_16_8_mlrdr_dra/, дата обращения 06.10.2020.

Падение ВВП во 2-м квартале на 13,7% не диагноз: что ждёт экономику Армении // <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20200824/24212509/Padenie-VVP-vo-II-kvartale-na-137-ne-diagnoz-cto-zhdet-ekonomiku-Armenii.html>, дата обращения 06.10.2020.

Пассажиropеревозки сокращаются при росте грузоперевозок // https://finport.am/full_news.php?id=42923&lang=2, дата обращения 10.10.2020.

Спад экономической активности в Армении в январе – апреле составил 1,7% // http://arka.am/ru/news/economy/spad_ekonomicheskoy_aktivnosti_v_armenii_v_yanvare_aprele_sostavil_1_7/, дата обращения 06.10.2020.

Статистика развития пандемии COVID-19 в Армении // <https://coronavirus-monitor.info/country/armenia/>, дата обращения 02.10.2020.

Центробанк прогнозирует экономический спад в Армении на 2020 г. на уровне 7,2% // https://finport.am/full_news.php?id=43178&lang=2, дата обращения 15.10.2020.

Экономика Армении на фоне глобального кризиса // <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/44844>, дата обращения 10.10.2020.

Armenia received 2000 PCR tests from WHO // <https://armenpress.am/eng/news/1016000.html>, дата обращения 02.10.2020.

ALEXANDER A. MARKAROV,

D. Sc. (Politics), Prof. at YSU, Director of the Armenian branch of the Institute of CIS countries.

Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia.

E-mail: amarkarov@ysu.am

SPIN-code: 9302-0149

VAHE S. DAVTYAN,

D. Sc. (Politics), Associate Professor at Russian-Armenian University, President at the Institute for Energy Security.

Address: 123, Hovsep Emin str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia.

E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

SPIN-code: 7094-6199

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN ARMENIA DURING COVID-19 PANDEMIC: IMPACT OF QUARANTINE MEASURES ON THE ENERGY SECTOR

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_59

Received: 29.10.2020

For citation: *Markarov A., Davtyan V., 2020. Socio-economic Situation in Armenia During COVID-19 Pandemic: Impact of Quarantine Measures on the Energy Sector. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (12). P. 59–76.*

Keywords: Armenia, COVID-19, economics, energy, security, infrastructure.

Abstract

The article presents the main characteristics of the socio-economic situation in Armenia as well as identifies the main problems, risks and challenges facing the republic. The authors show the dynamics of the spread of the COVID-19 coronavirus in Armenia. Another important part of the article is the assessment of the programs implemented by the government to neutralize the socio-economic consequences of the introduced quarantine measures. Special attention is paid to the financial, material and consulting support provided to Armenia for the fight against COVID-19 from a number of international organizations and Armenia's partner countries. The authors reveal that the state of emergency had a negative impact on the country's economy, significantly limiting the level of economic activity. A gradual sagging of the service sector is shown, which is mainly due to a decrease in tourism and air travel. The impact of the pandemic on job cuts is revealed. The article presents the energy balance of

Armenia, as well as the structure and main indicators of the energy complex. It also identifies the prospects for the development of nuclear, heat, hydro and renewable energy. The authors study the main risks and threats to the energy security of Armenia in the context of a pandemic. In particular, special attention is paid to production indicators, as well as the tariff policy in the energy markets of Armenia. As the result, the authors revealed that the spread of the COVID-19 coronavirus also affected the pace of implementation of certain infrastructure programs (Yerevan TPP, Armenian NPP, Iran-Armenia power transmission line).

References

The concept of ensuring Armenia's energy security. Appendix to the Decision of the Government of the Republic of Armenia № 50 of December 22, 2011 // https://www.e-gov.am/u_files/file/decrees/arc_voroshum/12/MAR50-14_1.pdf, accessed 15.10.2020. (In Arm.)

Ministry of Economy of the Republic of Armenia // <https://www.mineconomy.am/ru>, accessed 12.10.2020. (In Arm.)

The main preliminary macroeconomic indicators obtained from the current operational reports that characterize the socio-economic situation of the Republic of Armenia // <https://www.armstat.am/file/doc/99520603.pdf>, accessed 15.10.2020. (In Arm.)

The decision of the Government of the Republic of Armenia on the approval of the 22nd program for neutralizing the economic consequences of coronavirus (№ 1038-L, adopted on June 25, 2020) // <http://surl.li/kkfq>, accessed 07.10.2020. (In Arm.)

Energy Balance of the Republic of Armenia for 2018: Final Report of the Ministry of Territorial Administration and Infrastructures // http://www.mtad.am/u_files/file/energy/Balance2018%20ARM%E2%80%949424,01, 2020. Pdf, accessed 17.10.2020. (In Arm.)

Mkrтчayan T., 2020. On the way of the overcome of «great lockdown»: recovery or new downturn?. Messenger of ASUE. № 4. P. 42–61. (In Arm.)

Tovmasyan G., 2020. How to restore tourism under covid-19 conditions? – Amberd. № 4 (5). P. 57–66. (In Arm.)

Arustamyan T., 2020. COVID-19 in Armenia: measures to offset the economic consequences. Amberd. № 1 (2). P. 81–87. (In Eng.)

Mkrтчyan S., 2020. Performances of Armenia and Georgia in The Fight Against COVID-19 // <https://uic.am/wp-content/uploads/2020/06/coronavirus-eng-1.pdf>, accessed 10.10.2020. (In Eng.)

Archive of the exchange rate of the Central Bank of Armenia // <https://www.cba.am/RU/SitePages/ExchangeArchive.aspx>, accessed 12.10.2020. (In Arm.)

Programs to address the social impact of COVID-19 (official website of the Government of the Republic of Armenia) // <https://www.gov.am/ru/covid-19-cragrer./>, accessed 14.10.2020. (In Arm.)

Programs to address the economic impact of COVID-19 // <https://www.gov.am/ru/covid19/>, accessed 14.10.2020. (In Arm.)

The situation with COVID-19 in the WHO European Region // <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d>, accessed 15.10.2020. (In Russ.)

In the conditions of COVID-19, the catering sector was in a significant decline // https://finport.am/full_news.php?id=42935&lang=2, accessed 12.10.2020. (In Russ.)

Armenia's national debt grew by 14% per annum by August and came close to 8 billion. doll. // https://finport.am/full_news.php?id=42787&lang=2, accessed 12.10.2020. (In Russ.)

Brent oil price Chart // <https://www.profinance.ru/chart/brent/>, accessed 18.10.2020. (In Russ.)

Armenia's foreign trade deficit increased by 13% in August 2020 // https://finport.am/full_news.php?id=43072&lang=2, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

For the first nine months of 2020, Gazprom Armenia CJSC imported 1 718, 5 million cubic meters of natural gas. <https://armenia.gazprom.ru/press/news/2020/10/1407/>, accessed 17.10.2020. (In Russ.)

The import of petroleum products to Armenia in the first half of 2020 increased by 53.3%, while the customs value increased by 5.8% // https://finport.am/full_news.php?id=42877, accessed 18.10.2020. (In Russ.)

Tax revenues to the state budget of Armenia for 9 months of 2020 amounted to 1 trillion rubles. AMD 16.8 billion // http://arka.am/ru/news/economy/nalogovye_postupleniya_v_gosbyudzhet_armenii_za_9_mesyatsev_2020_goda_sostavili_1_trln_16_8_mlrdr_dra/, accessed 06.10.2020. (In Russ.)

The fall in GDP in the 2nd quarter by 13.7% is not a diagnosis: what awaits the Armenian economy // <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20200824/24212509/Padenie-VVP-vo-II-kvartale-na-137-ne-diagnoz-chno-zhdet-ekonomiku-Armenii.html>, accessed 06.10.2020. (In Russ.)

Passenger traffic decreases with the growth of cargo transportation // https://finport.am/full_news.php?id=42923&lang=2, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

The decline in economic activity in Armenia in January-April amounted to 1.7% // http://arka.am/ru/news/economy/spad_ekonomicheskoy_aktivnosti_v_armenii_v_yanvare_aprele_sostavil_1_7/, accessed 06.10.2020. (In Russ.)

Statistics on the development of the Covid-19 pandemic in Armenia // <https://coronavirus-monitor.info/country/armenia/>, accessed 02.10.2020. (In Russ.)

The Central Bank predicts an economic downturn in Armenia for 2020 at the level of 7.2% // https://finport.am/full_news.php?id=43178&lang=2, accessed 15.10.2020. (In Russ.)

Armenia's Economy against the background of the Global crisis // <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/44844>, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

Armenia received 2,000 PCR tests from WHO // <https://armenpress.am/eng/news/1016000.html>, accessed 02.10.2020. (In Eng.)

Дарья ДИНЕЦ
Пётр ПРОКОПЬЕВ

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИССЛЕДОВАНИЕ СИММЕТРИЧНОСТИ ШОКОВ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2020.

Для цитирования: *Динец Д. А., Прокопьев П. С., 2020. Финансовые рынки ССАГПЗ: исследование симметричности шоков. – Геоэкономика энергетики. № 4. С. 77–89.*

В статье рассматриваются особенности экономического развития стран Ближнего Востока в контексте финансовой интеграции Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Последовательно описываются этапы экономической интеграции в регионе и акцентируется внимание на преимуществах (интересах) для финансовых рынков стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Авторами работы проведён анализ актуальной литературы как по финансово-экономической интеграции в целом, так и по исследованиям в рамках теории оптимальных валютных зон (ОВЗ) на экономическом пространстве стран Персидского залива. Особое внимание уделяется специфике экономической структуры стран ССАГПЗ с учётом доминирования энергетического сектора в экономике.

Была проведена эконометрическая оценка волатильности и анализируется степень схожести реакции финансовых рынков на глобальные экономические

ДИНЕЦ Дарья Александровна, к. э. н., доцент, зав. кафедрой экономики и управления на железнодорожном транспорте ФГБОУ ВО ИргУПС. *Адрес:* Российская Федерация, г. Иркутск, 664074, ул. Чернышевского, д. 15. *E-mail:* dardinets@gmail.com. SPIN: 2607-3650. *ORCID:* <https://orcid.org/0000-0001-8734-8998>.

ПРОКОПЬЕВ Пётр Сергеевич, магистрант факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский просп., д. 49. *E-mail:* prokopiev2012@gmail.com. SPIN: 1468-7741. *ORCID:* <https://orcid.org/0000-0001-6305-4135>.

Ключевые слова: ССАГПЗ, финансовые рынки, пандемия, финансовая интеграция, финансовые шоки.

шоки в виде пандемии и обвалов на американских фондовых рынках, а также последствия отсутствия договорённостей в рамках сделки ОПЕК. Основой эконометрического моделирования выступает модель *GARCH*, позволяющая исследовать волатильность временных рядов и выявить существующие в них тренды.

Далее в работе произведена оценка волатильности индексов курса доллара, цены нефти, цены золота и ключевого финансового индекса Китая как основного потребителя энергоресурсов. Авторами отмечается, что поддерживающие возврат золотого стандарта государства, в частности при посредстве китайского юаня, нацелены на сокращение власти нефти на геополитической арене мира. Следовательно, без структурно развитого промышленного производства переход на золотой стандарт в рамках исследуемой группы стран приведёт к изъятию золота, росту спекулятивной составляющей в ценообразовании данного металла, а также сокращению роли нефти как актива, поддерживающего курс валюты. Такие геополитические перспективы кардинального изменения роли энергоресурсов представляются весьма проблематичными для стран ССАГПЗ.

Введение

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ, *GCC*, ССЗ) был создан на основе особых отношений его членов и общих черт, таких как общие социальные, культурные, политические и экономические характеристики. Шесть государств – Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) и Оман – находятся в стадии глубоких перемен, как финансово-экономических, так и социально-политических. Общая цель *GCC* – добиться координации, сотрудничества и интеграции во всех областях (Хартия ССЗ 1981 г.). Члены *GCC* решили скоординировать свою политику и обеспечить взаимную интеграцию, начиная с регионального соглашения о свободной торговле в 2008 году, с целью достижения соглашения о создании валютного союза. С момента создания ССЗ в 1981 г. государства-члены претерпели существенные экономические и социальные преобразования, которые обуславливают дальнейшую траекторию развития стран региона.

С тех пор объединение пришло к таможенному союзу и обеспечило свободное перемещение капитала и национальной рабочей силы. Национальные экономики имеют в некоторой степени схожие производственные характеристики и зависимость от иностранных рынков труда. Эти свойства могут сгладить различия между странами и способствовать успеху на пути к полной экономической и валютной интеграции.

Финансовые системы ССАГПЗ значительно эволюционировали за последние пару десятилетий, но есть дальнейшие возможности для прогресса. Развитие банковского и фондового рынков поддерживалось сочетанием оживлённой экономической активности, процве-

тающего сектора исламского финансирования и реформ финансового сектора. В результате финансовые системы углубились, и в целом уровень финансового развития хорошо сопоставим с развивающимися рынками. Тем не менее он всё ещё отстаёт от стран с развитой экономикой и, за исключением Саудовской Аравии, представляется ниже, чем можно было бы ожидать, основываясь на фундаментальных экономических показателях.

Под валютно-финансовой интеграцией, на которую нацелены страны ССАГПЗ, как правило, подразумевают введение единой валюты на территории стран-участниц. Следовательно, возникает вопрос об оценке целесообразности и оптимальности формирования валютного союза. Традиционным методом оценки данного решения является теория оптимальных валютных зон (ОВЗ), разработанная Р. Манделлом ещё в 1961 г. [Mundell, 1961: 657–665].

Первые исследователи в рамках этой теории обычно рассматривали ОВЗ как некоторую географическую область с единой валютой, обменные курсы которой безвозвратно привязаны, то есть колебания обменного курса происходят только относительно остального мира.

Исследователи, как правило, предлагали набор различных свойств, которые они называли критериями или предпосылками и которые, по их мнению, должны были быть выполнены для оптимальной монетарной интеграции. Эти критерии обычно включали гибкость цен (или заработной платы), факторы мобильного производства (особенно подчёркивалась мобильность рабочей силы), степень интеграции финансового рынка, открытость экономики (т. е. диверсификация торговли), диверсификацию производства и потребления, сходство в уровнях инфляции, фискальную и политическую интеграцию. Однако крайне важно отметить, что литература по теории ОВЗ на сегодняшний день не содержит каких-либо формальных тестов с гипотезой, которые могли бы быть строго приняты или отклонены [Eichengreen, 1990: 118–187].

Симметричные (или асимметричные) шоки нередко акцентируются в исследованиях ОВЗ, особенно в отношении стран Европы. Методологией исследования этого критерия является структурная векторная авторегрессивная модель. Одна из самых выдающихся работ в этом направлении была проделана Т. Байоуми и Б. Эйкенгрином [Bayoumi, Eichengreen, 1992: 54].

Можно предположить, что асимметричность шоков в рамках рассмотрения оптимальности единой валютной зоны в отдельно взятом регионе можно рассмотреть с помощью модели *GARCH* [Bollerslev, 1986: 307–327], исследуя волатильность и её изменения на финансовых рынках в период кризисов 2020 г. Этот временной период включает себя реакции рынков на отсутствие договорённости ОПЕК, а также страхи глобальной рецессии на фоне пандемии *COVID-19*.

Данные и методология

Для исследования были взяты данные о котировках фондовых индексов в период с 08.01.2018 по 14.07.2020 стран ССАГПЗ – *BA All Share*, *OM MSM 30*, *QE Index*, *KW 15*, *SA TASI* и *UAE ADX* для Бахрейна, Омана, Катара, Кувейта, Саудовской Аравии и ОАЭ соответственно (рис. 1).

Для анализа волатильности воспользуемся моделью *GARCH* (1,1). Для этого необходимо оценить значения волатильности в следующем виде: $\sigma_n^2 = \omega + \alpha u_{n-1}^2 + \beta \sigma_{n-1}^2$, где $\omega = \gamma V_L$, весовой коэффициент γ долгосрочной дисперсии V_L , u_{n-1}^2 – последнее значение квадрата логарифмических доходностей с соответствующим коэффициентом α , а σ_{n-1}^2 – последнее оценочное значение волатильности с соответствующим коэффициентом β . Для оценки долгосрочной волатильности имеет смысл сравнить значения долгосрочной волатильности $V_L = \frac{\omega}{1 - \alpha - \beta}$.

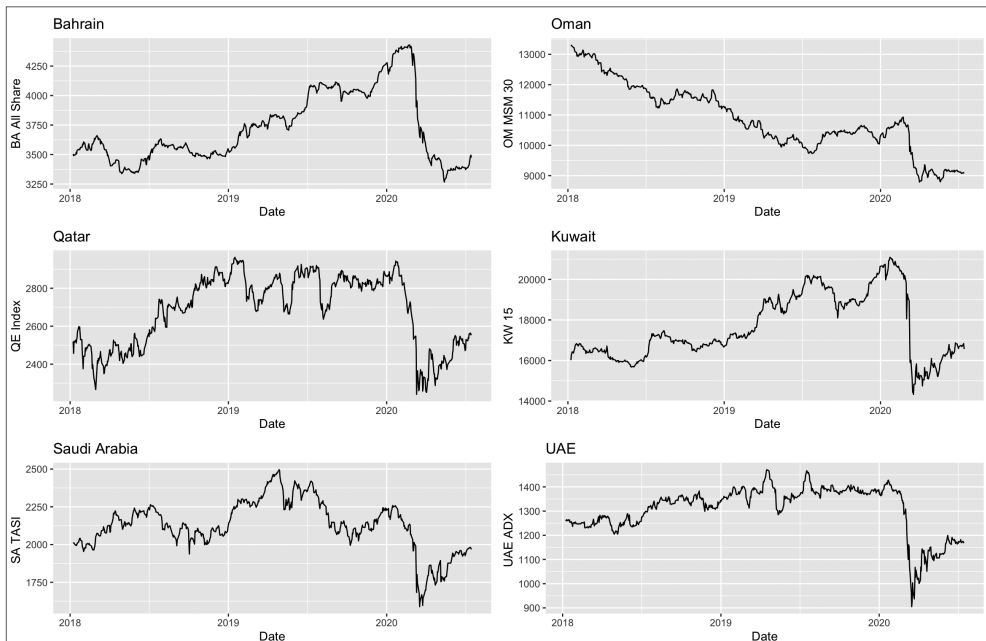


Рис. 1. Фондовые индексы ССАГПЗ

Источник: Thompson Reuters.

Для оценки параметров волатильности используется пакет *rugarch* для среды *R*, предполагая нормальное распределение ошибок и стандартную спецификацию обобщённой модели авторегрессионной условной гетероскедастичности с лагами $p = q = 1$.

Результаты моделирования

Оценочные параметры волатильности модели *GARCH* (1,1) за рассматриваемый период отражены в таблице.

Оценочные параметры волатильности *GARCH* (1.1)

| Страна | ω | α | β | $V_L, \%$ |
|-------------------|----------|----------|---------|-----------|
| Бахрейн | 0,000004 | 0,1740 | 0,6766 | 0,003 |
| Оман | 0,000003 | 0,1540 | 0,7490 | 0,003 |
| Катар | 0,000006 | 0,1691 | 0,7852 | 0,014 |
| Кувейт | 0,000005 | 0,4001 | 0,5950 | 0,111 |
| Саудовская Аравия | 0,000005 | 0,2020 | 0,7764 | 0,024 |
| ОАЭ | 0,000009 | 0,2260 | 0,6828 | 0,010 |

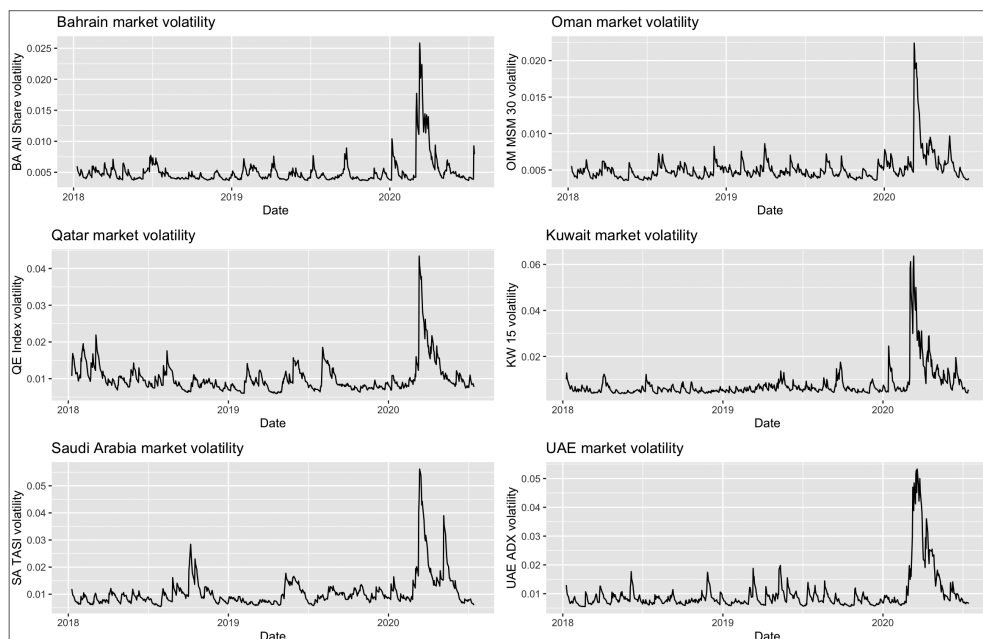


Рис. 2. Волатильность индексов ССАГПЗ

Источник: Thompson Reuters.

Для более полного понимания особенностей волатильности имеет смысл построить соответствующие графики волатильности (рис. 2).

Очевидно, что наблюдается схожесть как общей картины волатильности ключевых фондовых индексов, так и оценочных значений волатильности, и коэффициентов их долгосрочной волатильности. Важно отметить, что финансовые рынки этих стран серьёзно отличаются — как по объёмам торгов, так и по структурным характеристикам.

Для оценки перспектив валютной интеграции на базе обеспеченной общей валюты рассмотрим связь рассмотренных показателей с данными о волатильности индексов курса доллара, цены нефти, цены золота и индекса Китая как основного потребителя энергоресурсов (рис. 3).

Рисунок 3 показывает очевидную тенденцию: курс доллара как более глобальный индикатор характеризует динамику финансовых рынков в целом, при этом применительно к объекту исследования это характеристика в большей степени уровня фундаментального риска, нежели показатель качества финансовой интеграции. Цена доллара, выраженная в баррелях нефти, на сегодняшний день в большей степени определяет уровень транзакционных издержек нефтедобывающих стран в связи с использованием данной валюты, однако повышение уровня последних не является достаточным основанием для валютной интеграции (рис. 4).

Волатильность цен на сырьевые ресурсы отражает тенденцию роста торговли «бумажной нефтью», что является ещё одним фактором увеличения транзакционных издержек стран — экспортёров энергоресурсов при использовании доллара в расчётах за нефть реальную. Однако сегодня цено-

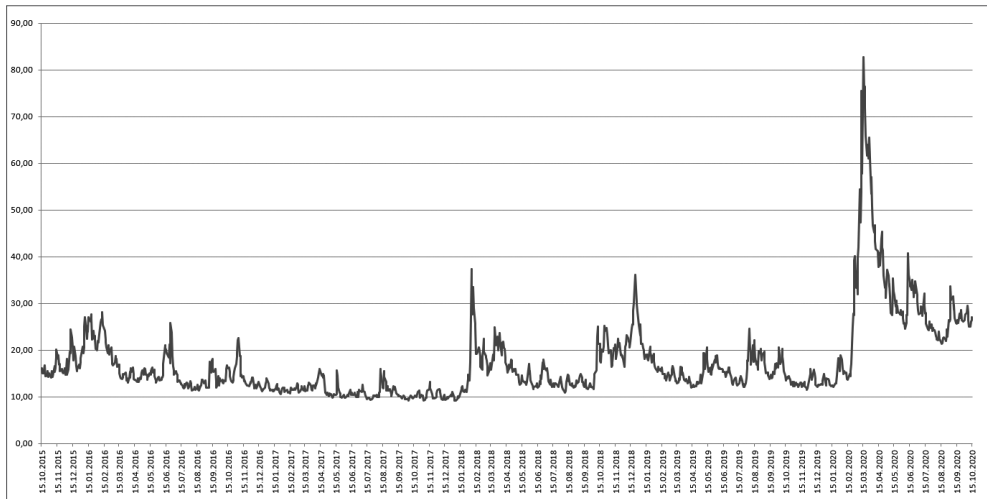


Рис. 3. Индекс волатильности доллара США

Источник: составлено авторами.

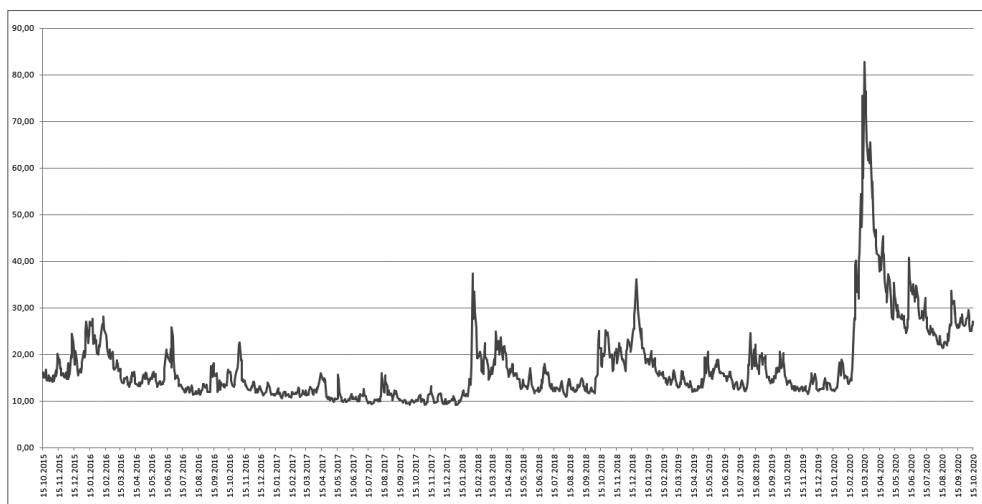


Рис. 4. Индекс волатильности нефтяных цен

Источник: составлено авторами.

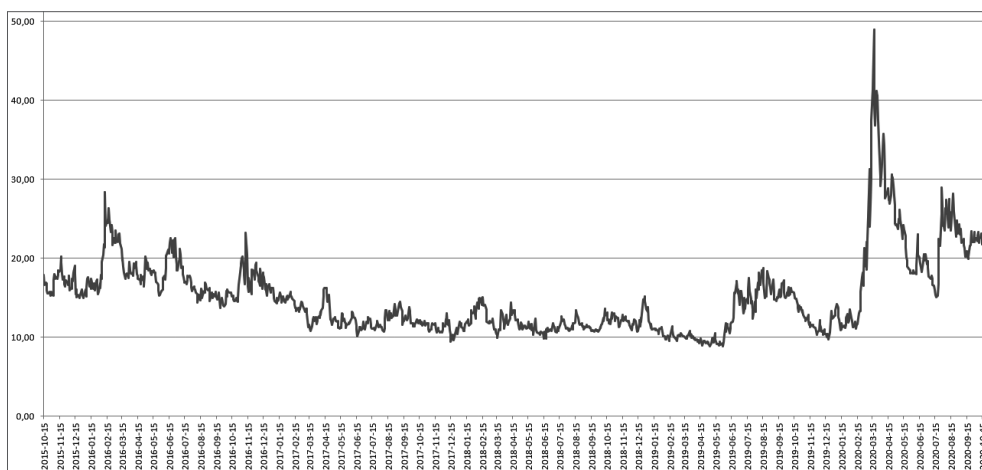


Рис. 5. Индекс волатильности цен золота

Источник: составлено авторами.

вые индексы как на энергетические, так и на многие другие товары слишком взаимно коррелированы, что приводит к усугублению тенденций *dollar smile* на глобальных рынках. Иными словами, степень защиты, возведённая рынками «бумажного» сырья для долларового господства на энергетических товарных биржах, слишком высока: любые демарши могут быть быстро

скомпенсированы долларовыми атаками на «бумажные» активы, что лишь повысит уровень издержек для продавцов реальных товаров, что также можно считать серьёзной угрозой на пути валютной интеграции.

В подтверждение предыдущего тезиса приведён рисунок 5, иллюстрирующий волатильность цен на золото. Наличие схожих тенденций в изменении волатильности подтверждает идею изменения фундаментальных принципов ценообразования на товарных рынках и позволяет облегчать спекулятивные атаки на любую валюту контрактов, альтернативную доллару. При этом защита волатильности золотых индексов может в определённой мере сохраниться за счёт относительной редкости, тогда как индекс нефтяных цен, выраженных в некоей единой валюте, при практически неограниченных возможностях наращивания добычи (в физических пределах ёмкости складских и перерабатывающих мощностей) может стать лёгкой добычей спекулятивных атак.

Китайский финансовый рынок, измеренный в терминах волатильности индексов, на сегодняшний день пока не обрёл такой силы, которая позволила бы устанавливать независимые отношения между китайскими потребителями энергоресурсов и их ближневосточными продавцами. Не отрицая роста значения Китая как важного игрока на финансовых рынках, мы полагаем, что ориентация в сделках с китайскими потребителями на использование новых валют в расчётах за энергоресурсы представляется сомнительной перспективой. *Во-первых*, Китай ориентирован на план интернационализации юаня, а *во-вторых*, нельзя скидывать со счетов накоп-

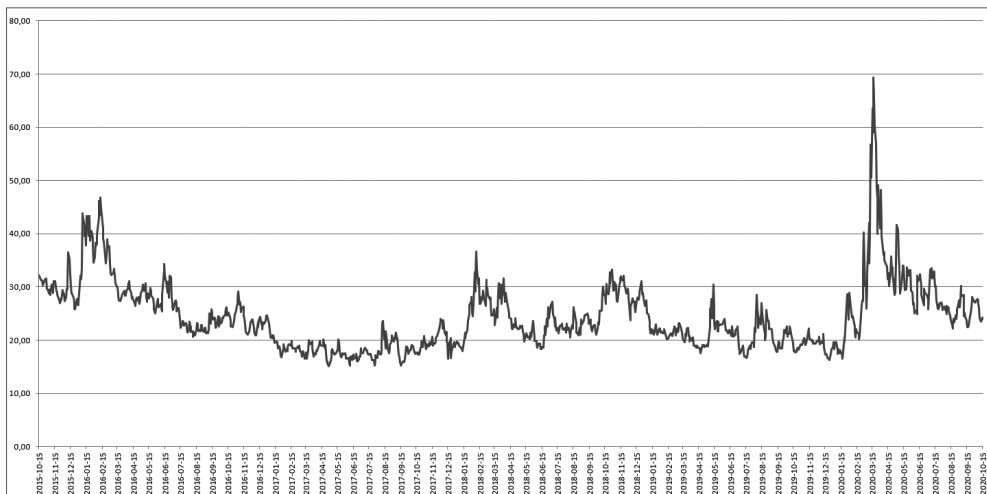


Рис. 6. Индекс волатильности рынка Китая

Источник: составлено авторами.

ленные долларовые резервы. Изменение статуса доллара на данном этапе развития невыгодно Китаю, отчасти и из-за определённой подчинённости Гонконга финансовым рынкам лондонского Сити.

Анализ показал наибольший рост волатильности в нефтяных ценах в ответ на возникающие глобальные шоки, из чего следует, что на данном этапе экономического развития создание общей валюты рассматриваемого региона несёт в себе высокие фундаментальные шоки, не способные быть сглаженными диверсификацией при заданной структуре экономик объединения.

Это значит, что на данный момент отказ от доллара в отношениях между рассматриваемыми странами и остальным миром может привести к росту амплитуды колебаний национальных финансовых рынков в попытке объединиться для создания стабильной монетарной основы функционирования. Тот же вывод можно сделать при рассмотрении структуры инфляции в странах.

Следует отметить, что геополитически окончательная переориентация на азиатские рынки в попытке уйти от долларовой зависимости также не является для рассматриваемых стран выходом, поскольку уровень волатильности китайских рынков довольно высок даже в отсутствие глобальных шоков, а следовательно, даже при заключении долгосрочных торговых соглашений финансовые дисбалансы могут привести к мультипликации негативных шоков в отсутствие серьёзной промышленной базы, которая может послужить демпфером для их распространения [Pinto, 2018: 17].

Невысокая волатильность золота в сравнении с нефтью и долларом, а также реинкарнация золота в качестве денежного актива могут привести к увеличению уровня спекуляций с данным металлом при попытке превращения в жизнь модели обеспеченной региональной валюты.

Глобальные акторы, поддерживающие возврат золотого стандарта, в частности при посредстве китайского юаня, нацелены на сокращение власти нефти на геополитической арене мира, следовательно, без структурно развитого промышленного производства переход на золотой стандарт в рамках исследуемой группы стран приведёт к изъятию золота, росту спекулятивной составляющей в ценообразовании данного металла, а также сокращению роли нефти как актива, поддерживающего курс валюты [Fasano, 2003: 223].

Основываясь на результатах моделирования, можно отметить, что и реакция на шоковые события на финансовых рынках, и степень утихания этих шоков во многом схожи в странах ССАГПЗ, что во многом свидетельствует о синхронизации и финансовых рынков, однако для создания ОВЗ необходимо, чтобы реакция на шок внутри группы стран была схожей, тогда как в сравнении со всеми остальными странами – крайне отличной. В таком случае положительный эффект от объединения по структурному

признаку может быть достигнут. В противном случае валютная интеграция может привести к усилению дисбалансов и, самое опасное, финансово-монетарной зависимости от превратностей глобального финансового рынка, не способного на данный момент обеспечить стабильность для его ключевых игроков.

Анализ и выводы

Представленные выше результаты моделирования показывают, что ключевые фондовые индексы стран ССАГПЗ с высокой степенью схожести отреагировали на финансовые шоки от несостоявшейся сделки ОПЕК в начале года и на колоссальный спад экономической активности на глобальном уровне из-за пандемии *COVID-19*.

Этот факт прежде всего свидетельствует о высокой степени финансовой синхронизации среди этих шести стран, что, вероятно, может указывать на предпосылки и для дальнейшей финансово-экономической интеграции стран – участниц ССАГПЗ при условии усложнения структуры их экономик и снижения зависимости от поведения глобальных финансовых индексов.

Наличие таможенного союза, а также намерения лидеров этих государств продолжить процесс интеграции, вероятнее всего, приведёт и к введению единой валюты в регионе, о чём уже заявляли лидеры. Несмотря на то что этот процесс на данный момент затруднён не только из-за политических противоречий, но и из-за глобального социально-экономического кризиса, имеет смысл более детально изучать как макроэкономические структурные особенности стран – участниц объединения, так и особенности финансовых рынков.

Более того, введение единой валюты, которая, возможно, не будет привязана к курсу американского доллара (в отличие от всех валют ССАГПЗ на данный момент), безусловно, отразится на финансовых рынках и фондовых индексах. Следовательно, изучение особенностей волатильности и реакции на финансовые шоки также является весьма перспективным направлением для дальнейшего изучения.

Список литературы

Bayoumi T., Eichengreen B., 1992. Shocking Aspects of Monetary Unification. National Bureau of Economic Research. Working Paper 3949. P. 54.

Bollerslev T., 1986. Generalized autoregressive conditional heteroskedasticity. *Journal of Econometrics*. Vol. 31 (3). P. 307–327. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(86\)90063-1](https://doi.org/10.1016/0304-4076(86)90063-1).

Eichengreen B., 1990. One Money for Europe? Lessons from The U. S. Currency Union. *Economic Policy: A European Forum*, Vol. 5. № 1. P. 118–187.

Fasano U., 2003. Monetary Union Among Member Countries of the Gulf Cooperation Council. *International Monetary Fund Occasional Paper*, P. 223.

Pinto L., 2018. Sustaining the GCC currency pegs: The need for collaboration. *Brookings Doha Center Publications*. P. 17.

Mundell R., 1961. A Theory of Optimum Currency Areas. *American Economic Review*. P. 657–665.

Thompson Reuters // <https://www.thomsonreuters.com/en/search-results.html?q=GCC+stock+Indexes>, дата обращения 10.10.2020.

DARYA A. DINETS,

candidate of economic science, assistant professor, head of Transport Economics and Management Department at Irkutsk State Transport University.

Address: 15, Chernyshevskogo str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

E-mail: dardinets@gmail.com

SPIN: 2607-3650

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8734-8998>

PETR S. PROKOPIEV,

master's degree student at Financial University under the Government of the Russian Federation.

Address: 49, Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russian Federation.

SPIN: 1468-7741

E-mail: prokopiev2012@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6305-4135>

FINANCIAL MARKETS OF ARABIAN STATES: ASSESSING THE SYMMETRY OF SHOCKS

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_77

Received: 15.12.2020

For citation: *Dinets D., Prokopiev P., 2020. Financial Markets of Arabian States: Assessing the Symmetry of Shocks. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (12). P. 77–89.*

Keywords: GCC, financial markets, pandemic, financial integration, financial shocks.

Abstract

The article examines the features of economic development in the Middle East in the context of financial integration of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. The authors describe the stages of economic integration in the region and outlines the beneficial consequences for the financial markets of the countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf.

The authors analyzed the relevant literature both on financial and economic integration in general and on research within the framework of the optimal currency areas theory in the economic space of the Gulf countries. Particular attention is paid to the peculiarities of the economic structure of the GCC countries, taking into account the energy orientation of the economies.

The article presents an econometric assessment of volatility and analyzes the degree of similarity of the reaction of financial markets to global economic shocks in the face of a pandemic and collapses in the American stock markets, as well as the

consequences of the lack of agreement within OPEC deal. The basis of econometric modeling is the GARCH model, which allows to study volatility of time series and identify main trends.

Further, the article evaluates the volatility of the dollar exchange rate indices, oil prices, gold prices and the key Chinese financial index as the main consumer of energy resources. The authors note that the states supporting the return of the gold standard, in particular, through the use of Chinese yuan, are aimed at reducing the power of oil on the global geopolitical arena. Consequently, without a structurally developed industrial production, the transition to the gold standard within the studied group of countries will lead to the withdrawal of gold, an increase in the speculative component in the pricing of this metal, as well as a reduction in the role of oil as an asset supporting the exchange rate. Such geopolitical prospects for a radical change in the role of energy resources seem to be very problematic for the GCC countries.

References

Bayoumi T., Eichengreen B., 1992. Shocking Aspects of Monetary Unification. National Bureau of Economic Research, Working Paper 3949. P. 54. (In Eng.)

Bollerslev T., 1986. Generalized autoregressive conditional heteroskedasticity. *Journal of Econometrics*, Vol. 31 (3). P. 307–327. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(86\)90063-1](https://doi.org/10.1016/0304-4076(86)90063-1) (In Eng.)

Eichengreen B., 1990. One Money for Europe? Lessons from The U. S. Currency Union. *Economic Policy: A European Forum*. Vol. 5. № 1. P. 118–187. (In Eng.)

Fasano U. 2003. Monetary Union Among Member Countries of the Gulf Cooperation Council. *International Monetary Fund Occasional Paper*. P. 223. (In Eng.)

Pinto L., 2018. Sustaining the GCC currency pegs: The need for collaboration. *Brookings Doha Center Publications*. P. 17. (In Eng.)

Mundell R., 1961. A Theory of Optimum Currency Areas. *American Economic Review*. P. 657–665. (In Eng.)

Thompson Reuters // <https://www.thomsonreuters.com/en/search-results.html?q=GCC+stock+Indexes>, accessed 10.10.2020. (In Eng.)

Дарья ХАРИТОНОВА

РОССИЯ И ЮАР: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Дата поступления в редакцию: 9.12.2020.

Для цитирования: Харитонова Д. В., 2020. Россия и ЮАР: перспективы энергетического сотрудничества. – Геоэкономика энергетики. № 4 (12). С. 90–105.

Африка является стратегическим регионом мира по запасам природных ресурсов. По данным авторитетной американской рейтинговой компании *Standard & Poor's*, Африка к югу от Сахары более привлекательна для бизнеса, чем некоторые другие регионы мира. Расположенная на богатом природными ресурсами африканском континенте ЮАР не богата континентальными углеводородными ресурсами. В настоящее время Южная Африка не имеет собственных коммерчески эффективных месторождений нефти, поэтому поставки нефтепродуктов на рынок осуществляются за счёт импорта и переработки нефти в ЮАР. Автор отмечает, что основная часть объёма поставок моторного топлива приходится на синтетическое топливо местного производства, его получают в процессе переработки угля. Тем не менее ЮАР ищет новые пути диверсификации источников энергоресурсов и перехода на более чистые и возобновляемые источники энергии. Это осуществляется с помощью зарубежных, в том числе российских, компаний. Основные запасы нефти и природного газа расположены на континентальном шельфе ЮАР, который достаточно подробно исследуется с целью нахождения залежей полезных ископаемых. В 2019–2020 гг. появились положительные результаты бурения скважин блока 11В/12В. С другой стороны, Южно-Африканская Республика стремится также развивать поставки сжиженного природного газа и совершенствовать инфраструктуру порта Нгкура. Однако во внутривнутриполитической ситуации остаётся непринятым закон о разведке и добыче нефти и газа, а ситуация с пандемией *COVID-19* создаёт инвестиционные риски со стороны международных компаний и ухудшает социально-экономическое положение населения и частных компаний, которые не могут приобретать энергетические ресурсы в должном объёме.

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна, заместитель заведующего отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: dariahar09@gmail.com. SPIN-код: 7555-4681.

Ключевые слова: ЮАР, Россия, энергетика, саммит Россия – Африка, природный газ, сотрудничество, СПГ, экономика, *COVID-19*.

Введение

Африка является богатейшим континентом по наличию естественных ресурсов (около 30% всех природных ресурсов мира). Однако данные природные ресурсы не освоены в должной мере. Одной из причин такого состояния является то, что страны Африки развиваются на более низком технологическом уровне по сравнению с остальным миром. Тем не менее Африка обладает огромным потенциалом человеческого ресурса благодаря ежегодному многомиллионному приросту трудоспособного населения.

ЮАР остаётся самой развитой страной материка и достаточно экономически благополучной относительно других стран Африки южнее Сахары. Валовой внутренний продукт (ВВП) по паритету покупательской способности (ППС) на душу населения в 2019 г. составил 13,7 тыс. долл., тогда как в среднем в других странах Африки южнее Сахары – 3,5 тыс. долл. При этом страна сталкивается с социально-экономическими проблемами. Естественный прирост населения сопровождается плохо контролируемой миграцией между государствами, что приводит к появлению большого количества беднейших деревень, росту преступности и т. д.

Например, это наглядно продемонстрировано в ЮАР, где мигранты из Зимбабве и Мозамбика занимают низкоквалифицированные должности (курьеров, водителей такси), а местное население остаётся без работы. В политическом плане это несёт в себе перманентные межэтнические и территориальные конфликты, что не создаёт предпосылок для улучшения экономических макропоказателей стран.

Из-за пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. стали очевидны экономические изменения, вызванные сокращением предприятий и численности рабочих мест. Таким образом, страна находится в глубоком социально-экономическом кризисе и от мер, принятых правительством, в настоящее время будет зависеть успешное социально-экономическое развитие в будущем, в том числе и в сфере энергетики.

Внутриполитическая ситуация в ЮАР

Для понимания внутриполитической ситуации в ЮАР необходимо рассмотреть политический кризис 2018 г., тогда он привёл к отставке президента Д. Зумы. Конституционный суд ЮАР 31 марта 2016 г. по иску радикальной оппозиционной партии «Борцы за экономическую свободу» принял единогласное решение в отношении обвинения президента в растрате государственных средств, которые были направлены на возведение в его частной усадьбе нескольких хозяйственных построек. Более того, суд также постановил, что президент нарушил обязательство «поддерживать, защищать и уважать» Конституцию [Шубин, Самарова, 2017]. Это дало формальный

повод для постановки вопроса об импичменте президента. Но парламентское большинство — члены правящей партии Африканский национальный конгресс (АНК) — не позволили это сделать.

В августе 2016 г. на местных выборах ухудшились позиции правящей партии АНК. Отметим, что снижение поддержки наблюдалось во всех крупных городах: Тсване (Претории), Йоханнесбурге и Порт-Элизабете [Шубин, 2020]. При этом партия нередко подвергается критике за недостаточность социально-экономических преобразований и распространение коррупции в структурах власти. Тем не менее правящая партия продолжает пользоваться поддержкой большинства темнокожего населения. В настоящее время рейтинг доверия населения по отношению к президенту С. Рамафосе находится в пределах 55%.

Другим эпизодом стало дело о так называемом «захвате государства», под ним понимают незаконные действия лиц, близких к экс-президенту, прежде всего выходцев из Индии братьев Гупта. В своей деятельности они не только занимались предпринимательством, но и лоббировали собственные интересы в высших эшелонах власти Южной Африки.

В череде накопившихся претензий, в том числе и в 2017 г., члены руководства АНК стали требовать отставки президента Д. Зумы. Политические сдвиги наметились после конференции АНК, на которой новым председателем партии был избран С. Рамафоса. В свою очередь президент Д. Зума не хотел добровольно покидать пост. По южноафриканским законам никто не освобождал его от дальнейшего уголовного преследования и сохранения собственности для президента и его семьи. Президент Д. Зума пошёл на этот шаг 14 февраля 2018 г., только после решения Исполнительного комитета АНК о его отзыве и под угрозой выражения недоверия ему в парламенте [Шубин, 2020].

Уже на следующий день президентом страны стал С. Рамафоса, избранный Национальной ассамблеей (парламентом). Эксперты отмечают, что смена высшей власти в ЮАР произошла демократическим путём, без вмешательства силовых структур и отставки министров. В свою очередь население восприняло с оптимизмом назначение С. Рамафосы президентом. Граждане республики видят в нём опытного политика и успешного бизнесмена, который сможет обеспечить позитивные изменения в экономике страны.

При этом ЮАР помимо политического кризиса столкнулась со сложной экономической ситуацией. Прирост экономики в 2016–2019 гг. был в пределах 1–2%. И это с учётом сложных социальных проблем. Одной из мер, принятых новым президентом, стал указ о перераспределении земли без выкупа у крупных землевладельцев. Но данные меры не способствуют экономическому благополучию государства, а лишь усиливают социальный раскол в обществе. В первую очередь это касается белого населения, которое страдает от разбоя и грабежей¹.

¹ ЮАР: белые фермеры бегут в Австралию // <http://finfront.ru/2018/05/23/white-south-african-farmers-flee-to-australia>, дата обращения 06.11.2020.

За последний год участились случаи нападения на фермерские хозяйства — 128 в 2020 г. против 13 нападений в 2019 г. Всего с начала года в ЮАР убиты 30 фермеров. Это вызывает социальные возмущения со стороны африканеров. Так, 6 октября 2020 г. перед полицейским участком в городе Сенекал толпа из 3 тыс. человек требовала выдачи ей обвиняемых в убийстве управляющего фермой Брендли Хорнера группой темнокожих². Президент ЮАР в свою очередь заявил, что убийства белого населения на фермах не являются этническими чистками.

С учётом возросшей социальной напряжённости, С. Рамафосе предстоит принять меры, направленные на возвращение доверия к АНК. Очевидно, что череда коррупционных скандалов, а также раздробленность и распри внутри партии сказались на настроениях населения страны. Правящая партия показала на выборах 8 мая 2019 г. худшие результаты в своей истории, и представительство правящей партии в 400-местной Национальной ассамблее сократилось с 249 до 230 кресел. На этом фоне произошло усиление более радикальных партий — «Борцов за экономическую свободу», которые выступают за конфискацию земель у белых, и ультраправого «Фронта свободы плюс», представляющего интересы белых фермеров — африканеров. Таким образом, усилия руководства страны должны быть направлены на недопущение дальнейшей радикализации общества [Логвинов, 2019].

Необходимо отметить, что общество на данный момент остаётся глубоко расколотым, так как ситуация с распространением коронавирусной инфекции не разрешила имеющиеся социальные противоречия, а только усугубила их. Президент ЮАР пришёл к власти с «социалистической повесткой», однако в настоящее время в стране сохраняются капиталистические порядки. Что касается проблемы безработицы, президент предлагает решить её частным работодателям, вводя правило регистрации компаний в течение одного дня.

Однако последние месяцы показали, что частные компании без колебаний выбрасывают на улицы тысячи рабочих, несмотря на снятие карантинных мер 1 мая 2020 г. Всё это усугубило экономическую ситуацию в республике. По данным статистического управления, ВВП ЮАР во втором квартале 2020 г. упал на 51% в пересчёте на годовые темпы. А падение ВВП составило 17,1% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.³ Президент С. Рамафоса находится в трудном положении, учитывая, что в 2018 г. он пообещал в течение 5 лет 100 млрд долл. инвестиций в экономику ЮАР [Шубин, 2019]. Необходимо заметить, что в 2020 г. Претория сделала три

² Президент ЮАР заявил, что в стране нет гонений на белых фермеров // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9690911>, дата обращения 06.11.2020.

³ ВВП ЮАР во II квартале упал на рекордные 51% // <https://www.interfax.ru/business/725040>, дата обращения 06.11.2020.

кредитных займа в Банке БРИКС в рамках программы экстренной помощи в связи с *COVID-19*⁴.

Нефтегазовый сектор ЮАР: состояние и перспективы развития

ЮАР, как и многие другие страны – импортёры энергетических ресурсов, стремится к диверсификации источников энергии. Правительство при правлении Д. Зумы приняло решение изменить корзину энергоресурсов для обеспечения энергетической безопасности по конкурентоспособной цене, а также значительно сократить выбросы углекислого газа. В дополнение к этому были приняты поправки к Закону о разработке минеральных и нефтяных ресурсов, который поможет ускорить добычу сланцевого газа. Это происходило на фоне лоббирования запрета «спорного» метода разведки газа.

В 2016 г. была запущена программа коммерческого использования различных видов газа, рассчитанная до 2040 г. План развития газовой энергетики основан на собственных запасах сланцевого газа, импорте сжиженного газа (СПГ) и закупках природного газа в соседнем Мозамбике. По мнению экспертов, со временем природный газ должен прийти на смену развитой в стране отрасли угольной энергетики. С этой целью планируется построить магистральный трубопровод (МТП) в Мозамбик, где обнаружены значительные запасы газа.

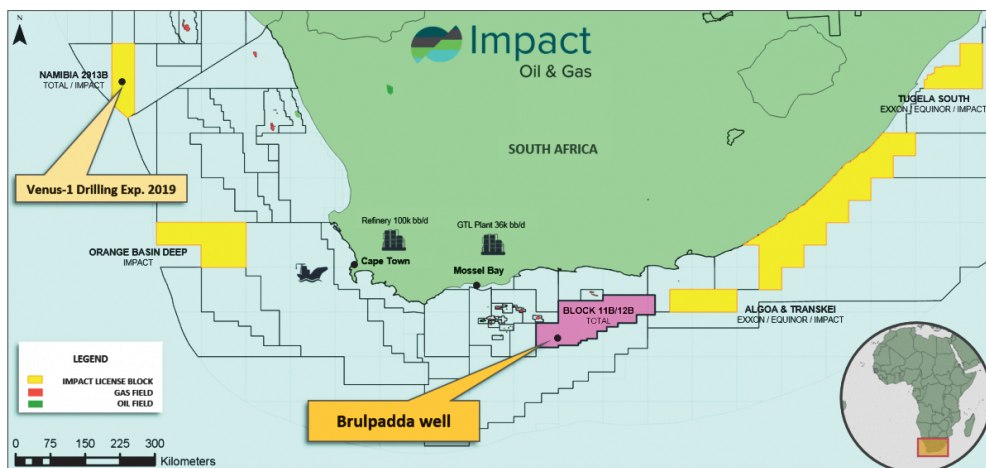
В ЮАР извлекают метан из угольных пластов и добывают сланцевый газ в пустыне Кару, запасы которого здесь оцениваются в 13,7 трлн куб. м⁵. Разведка и разработка сланцевого газа проводятся методами гидравлического разрыва пласта (ГРП). По дальнейшим оценкам министерства энергетики, в бассейне реки Кару можно добыть до 50 трлн куб. футов сланцевого газа (или 1,4 трлн куб. м), особенно в Восточной Капской, Северной Капской и Западной Капской провинциях.

Нефтегазовые разработки ведутся на шельфе ЮАР с помощью зарубежных нефтегазовых компаний*.

⁴ Банк БРИКС предоставил ЮАР заём в размере 1 млрд долл. // https://lprime.ru/state_regulation/20200620/831659678.html, дата обращения 25.11.2020.

⁵ ЮАР начинает развитие газовой энергетики – министр // <https://oilcapital.ru/news/markets/18-05-2016/yuar-nachinaet-razvitie-gazovoy-energetiki-ministr>, дата обращения 25.11.2020.

* Активное участие в развитии шельфа принимают: французская *Total*; итальянская *Eni*; американские *Exxon Mobil Corporation*, *Kosmos Energy Ltd*, *Anadarko Petroleum Corporation*, *Main Street Corporation for National Research Initiatives (CRNI)*, *OK Energy Limited*; австралийская *Proprietary Limited Company*; британо-нидерландская *Royal Dutch Shell*; катарская *Qatar Petroleum*; норвежские *Equinor* (ранее – *Statoil*), *Panoro Energy*, *Polarcus Limited*; шведская *Crown Energy*; канадские *Canadian Natural Resources*, *Challenger Energy Corporation*; *Africa Oil Corporation*, *Africa Energy Corporation*. Сейсмические работы проводят австралийская компания *Searcher Seismic*; норвежские *Petroleum Geo-Services* и *Shearwater GeoServices Holding AS*; российская «Росгеология».



Карта нефтегазовых месторождений на шельфе ЮАР⁶

В настоящее время наиболее активно разрабатывается блок 11В/12В при участии французской нефтегазовой компании *Total*. Блок 11В/12В расположен в бассейне Отениква в 175 км от южного побережья Южной Африки*. Необходимо заметить, что воды, омывающие Южно-Африканскую Республику подвержены сильным ветрам и огромным волнам. Более того, блок 11В/12В находится на пути течения Агульяс, одного из самых мощных течений в мире⁷.

Всё это создавало трудности для проведения геологоразведочных работ (ГРП) при открытии Брулпадда. В 2014 г. деятельность по бурению скважины была приостановлена из-за сложных природных условий на поверхности. В 2019 г. процесс по ГРП был продолжен, и в конечном итоге на глубине 3633 м были обнаружены залежи нефти и 57 м чистой залежи газового конденсата. Для правительства ЮАР данное открытие дало определённые надежды на приток инвестиций и возрождение экономики⁸.

⁶ Карта нефтегазовых месторождений на шельфе ЮАР // <https://impactoilandgas.com/gas-condensate-discovery-at-brulpadda-1st-well/>, дата обращения 11.11.2020.

⁷ *Brulpadda*: инновационные решения для достижения невозможного в Южной Африке // <https://www.ep.total.com/en/innovations/best-innovators-2019/brulpadda-innovative-solutions-achieving-impossible-south-africa>, дата обращения 11.11.2020.

⁸ Открытие месторождения природного газа в ЮАР даст стимул к развитию экономики страны // <https://finance.rambler.ru/markets/41709264-otkrytie-mestorozhdeniya-prirodnogo-gaza-v-yuar-dast-stimul-k-razvitiyu-ekonomiki-strany/?updated>, дата обращения 11.11.2020.

* Отметим, что Блок 11В/12В занимает площадь 18 734 квадратных километра с глубиной воды от 200 метров на севере до 1800 метров на юге. В фарватере Паддависси расположены два перспективных открытия (скважины) – Люиперд и Брулпадда.

На соседней скважине Люиперд на блоке 11В/12В на глубине 3400 м в конце октября 2020 г. было обнаружено 73 м чистого газоконденсатного пласта без контакта с водой. Министр минеральных ресурсов и энергетики ЮАР Г. Манташе заявил, что данный проект будет также способствовать притоку инвестиций в нефтегазовый сектор ЮАР⁹. В настоящее время правительство работает с «необходимой скоростью» над окончательной доработкой закона о разведке и добыче нефти и газа, чтобы помочь раскрыть неиспользованный потенциал запасов нефти и газа.

Власти ЮАР также работают над привлечением местных компаний для дальнейшей разработки проектов. Отметим, что на данном блоке действует совместное предприятие, состоящее из международных нефтегазовых компаний (*Total* как оператор владеет 45%, *Qatar Petroleum* – 25%, *CNRI* – 20%, *Main Street* – 10%). Отметим, что канадская компания *Africa Energy* владеет 49% акций *Main Street*, в августе её доля в блоке 11В/12В на шельфе Южной Африки увеличилась с 4,9% до 10%¹⁰.

Другой перспективный блок, 2В, находится в Оранжевой котловине (рис. 1 – *Orange basin deep*), что в 300 км к северу от Кейптауна, с глубиной воды от 50 до 200 метров. Там была обнаружена нефть. В настоящее время исследуются различные скважины на данном блоке. Операторами выступают канадская *Africa Energy*, до недавнего времени владевшая 90% акций, и, косвенно, – шведская *Crown Energy*. В феврале 2020 г. *Africa Energy* подписала два соглашения о распределении долей, по которым она передаст 50 и 12,5% доли в блоке 2В компаниям *Azinam Limited* и *Panoro Energy*. При этом *Africa Energy* сохранит за собой 27,5% в Блоке 2В и будет проходить через следующую разведочную скважину Газания-1, бурение которой ожидается во втором квартале 2021 г. Другой блок, 3В/4В, расположен немного севернее блока 2В, на глубине воды от 300 до 2500 метров. *Africa Oil* будет оператором блока 3В/4В, а *Azinam* сохранит 20% участия [Oйпер, 2019].

Необходимо заметить, что нефтегазовые разработки ведутся также в Северный Капской провинции, глубоководный блок Северный Кейп (*ER274*) в бассейне Оранж. Доля в разработке принадлежит американским компаниям: *OK Energy* – 10% (*Azinam*), *Shell* – 45% и *Kosmos Energy* – 45%¹¹. В Восточной Капской провинции разрабатывается блок Восточный Алгоа

⁹ Власти ЮАР остались довольны посещением новых месторождений газа // <https://rossaprimavera.ru/news/38b65d29>, дата обращения 25.11.2020.

¹⁰ South Africa, Block 11B/12B // <https://www.africaenergycorp.com/operations/south-africa-block-11b-12b/>, дата обращения 11.11.2020.

¹¹ AZINAM double South Africa exploration footprint via partnership with OK ENERGY. Secures an effective interest in Northern Cape ultra-deep block and east Algoa block offshore South Africa // <http://www.azinam.com/azinam-announces-partnership-with-ok-energy-to-secure-an-effective-interest-in-northern-cape-ultra-deep-block-and-east-algoa-block-offshore-south-africa/>, дата обращения 18.11.2020.

(ER257) в бассейне Алгоа (рис. 1 — *Algoa*), в котором *OK Energy (Azinam)* владеет 10% долей участия, он находится в управлении *Equinor* с долей участия 60% и *Total* с долей 30%.

Ввиду успешного освоения нефтегазовых месторождений ЮАР австралийская компания *Searcher Seismic* объявила о новом проекте по исправлению сейсмических данных 2D и 3D для нескольких клиентов на шельфе Южной Африки. Данный проект реализуется в сотрудничестве с Нефтяным агентством Южной Африки. Отметим, что сейсмические данные Южной Африки охватывают бассейн Отениква и его суббассейны — бассейны Бредасдорп, Инфанта, Плетмос, Гамтоос, Алгоа, а также Южный Утениква. Таким образом, проект охватит все исследуемые шельфовые месторождения. Это позволит создать непрерывную базу данных, которую можно загрузить в любое программное обеспечение для интерпретации¹².

Относительно других проектов по добыче природного газа: канадская компания *Challenger Energy* имеет в ЮАР лицензии и заявки на разведку сланцевого газа, охватывающие около 3,2 тыс. кв. км, включая проект «Кранмер»¹³. Однако ЮАР также стремится стать логистическим центром в южном полушарии по бункеровке судов со сжиженным природным газом (СПГ). Центром таких перевозок СПГ станет порт Нгкура (в 20 км к северо-востоку от Порт-Элизабет) в заливе Алгоа (Восточная Капская провинция), через который проходит примерно 56 тыс. судов в год. Данную задачу выполняет южноафриканская компания *Delta Natural Gas (DNG) Energy*, которая в 2018 г. заказала строительство СПГ-бункеровщика вместимостью 8 тыс. тонн (самого большого в Африке).

В октябре 2020 г. компания *DNG* получила официальное разрешение от администрации портов страны *Transnet* на проведение операций по бункеровке судов с СПГ. Лицензия даёт *DNG Energy* право иметь свой терминал, плавучую систему хранения СПГ в заливе Алгоа, которая станет первой в Африке. Благодаря этому *DNG Energy* сможет предлагать морские, а также наземные логистические услуги с доставкой топлива на берег, осуществлять бункеровки «борт-в-борт» для международных торговых судов и доставку СПГ внутри страны¹⁴.

Этот проект будет обеспечивать энергоснабжение различных отраслей (в том числе различных частных компаний) и домашних хозяйств. А поставки СПГ в Южную Африку планируется начать в 2021 г. До этого вре-

¹² Поисквик в сейсмическом проекте 2D и 3D у берегов Южной Африки // <http://surl.li/klhx>, дата обращения 18.11.2020.

¹³ ЮАР продолжит разработку сланцевого газа в регионе Кару // http://www.ngv.ru/news/yuar_prodolzhit_razrabotku_slantsevogo_gaza_v_regione_karu/, дата обращения 18.11.2020.

¹⁴ *DNG Energy* получила лицензию на СПГ бункеровки в южноафриканском порту // <https://portnews.ru/news/303473/>, дата обращения 18.11.2020.

мени необходимо завершить создание инфраструктуры терминала в заливе Алгоа и поставить оборудование для хранения сжиженного газа и бункеровок. На первом этапе *DNG Energy* планирует поставлять СПГ на спотовый рынок. У компании есть также подразделение по продажам СПГ, и она планирует работать с компаниями, инвестирующими в энергетические проекты.

Одним из нововведений С. Рамафосы во внутренней политике в сфере энергетики стал закон о введении налога на выбросы в атмосферу углекислого газа. Закон вступил в силу 1 июня 2019 г., и до декабря 2022 г. компании должны будут выплачивать государству по 120 рандов (около 8,3 долл.) за каждую тонну выброшенного в атмосферу углекислого газа¹⁵. Отметим, что принятие закона о налоге на вредные выбросы в атмосферу долгое время откладывалось из-за позиции крупных южноафриканских компаний, для которых его вступление в силу угрожает крупными финансовыми потерями.

Большую часть электроэнергии, производимой государственной корпорацией ЭСКОМ, вырабатывают теплоэлектростанции, загрязняющие атмосферу выбросами углеводорода. Дополнительный рост налоговой нагрузки, как опасаются многие эксперты в ЮАР, может заставить энергетиков повысить цены на свои услуги, хотя министерство финансов считает, что этой меры удастся избежать. В настоящее время ЭСКОМ находится в кризисном состоянии из-за ошибок прежнего руководства, которое также подозревается в коррупции и расхищении бюджетных средств. Ввиду дефицита генерирующих мощностей госкомпания вынуждена регулярно прибегать к веерным отключениям электричества, а её общий долг составляет около 30 млрд долл.¹⁶

Необходимо заметить, что одной из причин недовольства бывшим президентом Д. Зумой были частные отключения в стране электричества. После смещения Д. Зумы отключения не прекратились, более того, участились. Действующий президент С. Рамафоса в послании парламенту в феврале 2020 г. признал, что внутри компании ЭСКОМ проводится саботаж. Однако для решения энергетического кризиса компания предлагает только развитие зелёной энергетики (ветряки, солнечные батареи и т. д.) и упрощение регистрации при создании «альтернативных» мелких (и, конечно, частных) компаний – поставщиков электроэнергии. Возможно, что получение компаниями энергии в виде СПГ несколько нивелирует издержки от недостатка электроэнергии, но проблему существенно не решит.

¹⁵ Президент ЮАР подписал закон о введении налога на выбросы углекислого газа – <https://tass.ru/obschestvo/6473541>, дата обращения 06.11.2020.

¹⁶ Там же.

Энергетическое сотрудничество ЮАР с Россией

С 2008 г. электроэнергетика ЮАР переживает кризис, вызванный устареванием и нехваткой инфраструктуры. Поэтому существует необходимость диверсификации и повышения энергоснабжения страны. Взаимодействие Москвы с Преторией является частью стратегии по диверсификации энергетических ресурсов. Крупные российские компании в ЮАР добывают нефть и газ на шельфе, марганцевую руду, производят марганец и железо, занимаются солнечной энергетикой.

Так, дочерней структурой российской компании ГК «Ренова» для южноафриканского холдинга *Dawn Group* реализовано строительство первой очереди солнечных энергоустановок, проект нацелен на дальнейшее развитие взаимодействия в области солнечной энергетики на территории ЮАР. ГК «Ренова» также осуществляет ряд проектов в области добычи марганцевой руды, производства марганца и ферросплавов, разведки урана и золота¹⁷. Другая российская компания ПАО «Северсталь» занимается производством металлургических угольных брикетов.

В 2010 г. Россия и ЮАР начали переговоры о сотрудничестве в сфере атомной энергетики. В сентябре 2014 г. российская ГК «Росатом» подписала с правительством ЮАР соглашение о сотрудничестве в сфере ядерной энергетики. Оно открывало возможность для участия ГК «Росатом» в тендере на строительство группы АЭС. Несколько южноафриканских средств массовой информации сообщили о том, что сделка фактически заключена. Однако это вызвало недовольство у южноафриканской оппозиции, которая считала, что соглашение было заключено с нарушением национального законодательства. Выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, тогда ещё вице-президент С. Рамафоса заявил, что ЮАР в настоящий момент не может позволить себе строительство АЭС из-за нехватки финансовых средств¹⁸.

После отставки Д. Зумы и назначения президентом Южной Африки С. Рамафосы республика сосредоточилась на проектах в области возобновляемых источников энергии. В январе 2018 г. было подписано соглашение между российской государственной компанией «Росатом» и правительством ЮАР о строительстве малых ГЭС в Мпумаланге для энергоснабжения сельских районов страны. Это ключевой компонент стратегии энергетической безопасности Южной Африки. Каждая такая мини-ГЭС, как ожи-

¹⁷ Для энергетического диалога в рамках БРИКС Южная Африка выбрала Россию // <https://rueconomics.ru/379781-dlya-energeticheskogo-dialoga-v-ramkakh-briks-yuzhnaya-afrika-vybrala-rossiyu>, дата обращения 18.11.2020.

¹⁸ Вице-президент ЮАР заявил, что у страны нет средств на строительство АЭС // <http://tass.ru/ekonomika/4903330>, дата обращения 25.11.2020.

дается, будет обеспечивать электричеством от 250 до 400 домов. За этим проектом могут последовать и другие небольшие проекты по гидроэлектроэнергии в Южной Африке. В ноябре 2018 г. подписана Программа российско-южноафриканского сотрудничества в области разведки, добычи, переработки, обогащения полезных ископаемых на период до 2025 г. По металлам платиновой группы принята отдельная дорожная карта двустороннего взаимодействия.

В рамках реализации межправительственного соглашения между Россией и ЮАР о сотрудничестве в сфере энергетики на саммите БРИКС в китайском городе Сямэне южноафриканская нефтегазовая госкорпорация *PetroSA* заключила с АО «Росгеология» контракт на освоение и разработку ряда блоков (9 и 11) южного континентального шельфа ЮАР¹⁹. Однако реальное развитие сотрудничества между Россией и ЮАР осложняется рядом обстоятельств.

Первое обстоятельство заключается в том, что, преодолев политический кризис, Южно-Африканская республика сталкивается со стереотипами в отношении России. Так, динамика политического сотрудничества между новым президентом С. Рамафосой и В. Путиным пока не ярко выражена. Отчасти это следствие «дружбы» российского президента с экс-президентом Д. Зумой, о котором сложилось достаточно негативное впечатление у большинства населения республики.

Вторым обстоятельством является то, что в южноафриканских СМИ Россия представлена искажённым образом. Эксперты давно замечают, что России необходимо присутствие на африканском континенте. Это будет являться некоей альтернативой Западу и Китаю. Однако после разрушения СССР интенсификация контактов между российскими и африканскими партнёрами находится на низком уровне. Отметим, что из России не существует прямого авиасообщения с африканским континентом, за исключением Каира, Аддис-Абебы и Занзибара.

Выводы и перспективы

Несмотря на сложную внутривнутриполитическую ситуацию, связанную с межнациональными противоречиями, а также низким уровнем социально-экономического развития населения, связанным с распространением пандемии *COVID-19* и введёнными в начале 2020 г. вынужденными ограничениями, ЮАР стремится увеличить долю чистых источников энергии, в том числе природного газа. Этому способствует окончательное принятие закона о разведке и добыче нефти и газа. Международные нефтегазовые

¹⁹ «Росгеология» получила контракт на освоение шельфа ЮАР // <http://www.vestifinance.ru/articles/90488>, дата обращения 25.11.2020.

компании стремятся закрепиться на перспективных месторождениях морского шельфа ЮАР. Эксперты из международного энергетического агентства утверждают, что Африка в будущем сможет служить российским компаниям крупной площадкой для реализации СПГ-проектов. Ресурсная база для производства СПГ в Африке будет только расширяться: по прогнозам, объём добычи газа на континенте в период с 2017 по 2040 г. может вырасти на 3,7%, до 498 млрд куб. м в год.

Тем не менее спрос на СПГ в республике в перспективе будет расти, несмотря на вышеописанные сложности. ЮАР заинтересована в продаже СПГ, а также в использовании его в перспективе внутри страны. С другой стороны, правительство ЮАР считает перспективным направлением освоение возобновляемых источников энергии.

Список литературы

Логвинов Р. Н., 2019. Смена политического лидерства в Южно-Африканской республике: на пути к политике нового поколения. Наука и образование. Пермь. С. 114.

Ойрер Ш., 2019. Повышение для Южной Африки // <http://ru.oedigital.com/news/>, дата обращения 11.11.2020.

Шубин В. Г., 2019. Южная Африка: новый рассвет? Азия и Африка сегодня. № 1. С. 7.

Шубин В. Г., 2020. О смене высшего руководства в ЮАР // <https://www.inafran.ru/node/1563>, дата обращения 10.10.2020.

Шубин В. Г., Самарова Т. В., 2017. Южная Африка: время перемен? Азия и Африка сегодня. № 1. 2017. С. 28.

Банк БРИКС предоставил ЮАР заём в размере 1 млрд долл. // https://lprime.ru/state_regulation/20200620/831659678.html, дата обращения 25.11.2020.

ВВП ЮАР во II квартале упал на рекордные 51% // <https://www.interfax.ru/business/725040>, дата обращения 06.11.2020.

Вице-президент ЮАР заявил, что у страны нет средств на строительство АЭС // <http://tass.ru/ekonomika/4903330>, дата обращения 25.11.2020.

Власти ЮАР остались довольны посещением новых месторождений газа // <https://gossaprimavera.ru/news/38b65d29>, дата обращения 25.11.2020.

Для энергетического диалога в рамках БРИКС Южная Африка выбрала Россию // <https://rueconomics.ru/379781-dlya-energeticheskogo-dialoga-v-ramkakh-briks-yuzhnaya-afrika-vybrala-rossiyu>, дата обращения 18.11.2020.

Карта нефтегазовых месторождений на шельфе ЮАР // <https://impactoilandgas.com/gas-condensate-discovery-at-brulpadda-lax-well/>, дата обращения 11.11.2020.

Открытие месторождения природного газа в ЮАР даст стимул к развитию экономики страны // <https://finance.rambler.ru/markets/41709264-otkrytie-mestorozhdeniya-prirodnogo-gaza-v-yuar-dast-stimul-k-razvitiyu-ekonomiki-strany/?updated>, дата обращения 11.11.2020.

Поисковик в сейсмическом проекте 2D и 3D у берегов Южной Африки // <http://surl.li/klhx>, дата обращения 18.11.2020.

Президент ЮАР заявил, что в стране нет гонений на белых фермеров // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9690911>, дата обращения 06.11.2020.

Президент ЮАР подписал закон о введении налога на выбросы углекислого газа // <https://tass.ru/obschestvo/6473541>, дата обращения 06.11.2020.

«Росгеология» получила контракт на освоение шельфа ЮАР // <http://www.vestifinance.ru/articles/90488>, дата обращения 25.11.2020.

ЮАР начинает развитие газовой энергетики – министр // <https://oilcapital.ru/news/markets/18-05-2016/yuar-nachinaet-razvitie-gazovoy-energetiki-ministr>, дата обращения 25.11.2020.

ЮАР продолжит разработку сланцевого газа в регионе Кару // http://www.ngv.ru/news/yuar_prodolzhit_razrabotku_slantsevogo_gaza_v_regione_karu/, дата обращения 18.11.2020.

ЮАР: белые фермеры бегут в Австралию // <http://finfront.ru/2018/05/23/white-south-african-farmers-flee-to-australia>, дата обращения 06.11.2020.

AZINAM double South Africa exploration footprint via partnership with OK ENERGY. Secures an effective interest in Northern Cape ultra-deep block and east Algoa block offshore South Africa // <http://www.azinam.com/azinam-announces-partnership-with-ok-energy-to-secure-an-effective-interest-in-northern-cape-ultra-deep-block-and-east-algoa-block-offshore-south-africa/>, дата обращения 18.11.2020.

Brulpadda: инновационные решения для достижения невозможного в Южной Африке // <https://www.ep.total.com/en/innovations/best-innovators-2019/brulpadda-innovative-solutions-achieving-impossible-south-africa>, дата обращения 11.11.2020.

DNG Energy получила лицензию на СПГ-бункеровки в южноафриканском порту // <https://portnews.ru/news/303473/>, дата обращения 18.11.2020.

South Africa, Block 11B/12B // <https://www.africaenergycorp.com/operations/south-africa-block-11b-12b/>, дата обращения 11.11.2020.

DARIA V. KHARITONOVA,

Deputy Head of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation
Organization Extension Division of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3, B. Polyanka str., Moscow, Russian Federation.

E-mail: dariahar09@gmail.com

SPIN-code: 7555-4681

RUSSIA AND RSA: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENERGY COOPERATION

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_90

Received: 9.12.2020.

For citation: *Kharitonova D.*, 2020. Russia and RSA: Prospects for the Development of Energy Cooperation. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 90–105.

Keywords: Republic of South Africa, Russia, energy, summit Russia-Africa, natural gas, cooperation, SNG, economics, COVID-19.

Abstract

Africa is a strategic region of the world in terms of natural resources. According to the authoritative American rating company Standard & Poor's, sub-Saharan Africa is more attractive for business than some other regions of the world. Located on the resource-rich African continent, South Africa is not rich in continental hydrocarbon resources. Currently, South Africa does not have its own commercially efficient oil fields, so the supply of petroleum products to the market is carried out by importing and refining oil in South Africa. The author of this article notes that the main part of the volume of motor fuel supplies is constituted by synthetic fuel. It is obtained in the process of processing coal. However, South Africa is looking for new ways to diversify its energy sources and switch to cleaner and renewable energy sources. This is done with the help of foreign, including Russian companies. The main reserves of oil and natural gas are located on the continental shelf of South Africa, which is being thoroughly surveyed for mineral deposits. In 2019–2020 drilling of the wells in Block 11B/12B gave positive results. On the other hand, South Africa also seeks to develop the supply of liquefied natural gas (LNG) and to improve Ngqura port infrastructure. However, due to the domestic political situation, the Law on oil and gas exploration and production remains unapproved, and the situation with the COVID-19 pandemic creates investment risks on the part of international companies, as well as worsens the socio-economic situation of the population and private companies that cannot acquire energy resources in the proper volume.

References

Logvinov R. N., 2019. Changing Political Leadership in the Republic of South Africa: Towards a New Generation of Politics-Science and Education. Perm. P. 114 (In Russ.)

Oirer Sh., 2019. Promotion for South Africa // <http://ru.oedigital.com/news/>, accessed 11.11.2020. (In Eng.)

Shubin V. G., 2019. South Africa: a new dawn? Asia and Africa today. № 1. P. 7. (In Russ.)

Shubin V. G., 2020. On the change of top management in South Africa // <https://www.inafran.ru/node/1563>, accessed 10.10.2020. (In Russ.)

Shubin V. G., Samarova T. V., 2017. South Africa: time for a change? Asia and Africa today. № 1. 2017. P. 28. (In Russ.)

The BRICS Bank of Africa has provided a loan of \$1 billion. // https://1prime.ru/state_regulation/20200620/831659678.html, accessed 25.11.2020. (In Russ.)

South Africa's GDP in the second quarter fell by a record 51% // <https://www.interfax.ru/business/725040>, accessed 06.11.2020. (In Russ.)

Vice-President of South Africa said that the country has no funds for the construction of nuclear power plant // <http://tass.ru/ekonomika/4903330>, accessed 25.11.2020. (In Russ.)

The South African authorities were satisfied with the city's new gas fields // <https://rossaprimavera.ru/news/38b65d29>, accessed 25.11.2020. (In Russ.)

South Africa has chosen Russia for the BRICS Energy Dialogue // <https://rueconomics.ru/379781-dlya-energeticheskogo-dialoga-v-ramkakh-briks-yuzhnaya-afrika-vybrala-rossiyu>, accessed 18.11.2020. (In Russ.)

Map of oil and gas fields on the shelf of South Africa // <https://impactoilandgas.com/gas-condensate-discovery-at-brulpadda-lax-well/>, accessed 11.11.2020. (In Eng.)

The discovery of a natural gas field in South Africa will give an incentive to the development of the country's economy // <https://finance.rambler.ru/markets/41709264-otkrytie-mestorozhdeniya-prirodnogo-gaza-v-yuar-dast-stimul-k-razvitiyu-ekonomiki-strany/?updated>, accessed 11.11.2020. (In Russ.)

Searcher Seismic in the 2D and 3D seismic project off the coast of South Africa // <http://surl.li/klhx>, accessed 18.11.2020. (In Russ.)

South Africa's President said that there is no persecution of white farmers // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9690911>, accessed 06.11.2020. (In Russ.)

South Africa's President signed a law on the introduction of a tax on carbon dioxide emissions. <https://tass.ru/obschestvo/6473541>, accessed 06.11.2020. (In Russ.)

«Rosgeologia» received a contract to develop the offshore of South Africa // <http://www.vestifinance.ru/articles/90488>, accessed 25.11.2020. (In Russ.)

South Africa begins the development of the gas energy Minister // <https://oilcapital.ru/news/markets/18-05-2016/yuar-nachinaet-razvitie-gazovoy-energetiki-ministr>, accessed 25.11.2020. (In Russ.)

South Africa will continue the development of shale gas in the Karoo // http://www.ngv.ru/news/yuar_prodlzhit_razrabotku_slantsevogo_gaza_v_regione_karu/, accessed 18.11.2020. (In Russ.)

South Africa: White farmers flee to Australia // <http://finfront.ru/2018/05/23/white-south-african-farmers-flee-to-australia>, accessed 06.11.2020. (In Russ.)

AZINAM double South Africa exploration footprint via partnership with OK ENERGY. Secures an effective interest in Northern Cape ultra-deep block and east Algoa block offshore South Africa // <http://www.azinam.com/azinam-announces-partnership-with-ok-energy-to-secure-an-effective-interest-in-northern-cape-ultra-deep-block-and-east-algoa-block-offshore-south-africa/>, accessed 18.11.2020. (In Eng.)

Brulpadda: innovative solutions to achieve the impossible in South Africa // <https://www.ep.total.com/en/innovations/best-innovators-2019/brulpadda-innovative-solutions-achieving-impossible-south-africa>, accessed 11.11.2020. (In Eng.)

DNG Energy received a license for LNG bunkering in the South African port // <https://portnews.ru/news/303473/>, accessed 18.11.2020. (In Russ.)

South Africa, Block 11B/12B // <https://www.africaenergycorp.com/operations/south-africa-block-11b-12b/>, accessed 11.11.2020. (In Eng.)

Владимир **НОВИКОВ**

«КОНТРАКТ ВЕКА» И ЕГО ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Дата поступления в редакцию: 07.12.2020.

Для цитирования: *Новиков В. В.*, 2020. «Контракт века» и его политико-экономическое значение для Азербайджана. – *Геоэкономика энергетики.* № 4 (12). С. 106–125.

В статье рассматриваются предпосылки, история заключения и различные политико-экономические аспекты «Контракта века» от 26 сентября 1994 г. — сделки между азербайджанским государством и группой международных компаний. Также рассмотрены трансформации «Контракта века» за два с половиной десятилетия его существования.

Как следует из статьи, «Контракт века» был своеобразной попыткой реализовать стратегию ресурсного национализма на азербайджанской политической и экономической почве. Подписание этого контракта совпало с фактическим поражением Азербайджана в войне с Арменией за Нагорный Карабах. Благодаря отношениям с крупнейшими мировыми энергетическими компаниями Г. Алиев и его клан пытались превратить свою страну из одной из постсоветских провинций в объект внимания крупных мировых центров сил. В ситуации тяжелейшего политического и экономического кризиса «Контракт века» позволил Азербайджану создать своего рода финансовую подушку, с помощью которой Баку сумел обеспечить достаточно высокий по сравнению с другими странами региона уровень жизни для своих граждан, а также осуществить перевооружение своей армии.

Однако в последние годы произошли значительные изменения в энергетической политике в регионе и в мире. В частности, в 2014–2015 гг. произошло

НОВИКОВ Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: novik222@mail.ru. SPIN-код: 8578-7010.

Ключевые слова: «Контракт века», Азери – Чираг – Гюнешли, руководство Азербайджана, «ЛУКОЙЛ», *Statoil*, *SOCAR*, Азербайджанская международная операционная компания, *British Petroleum*.

значительное падение цен на энергоносители, которое привело к существенной девальвации азербайджанской национальной валюты. Кроме того, после 2010 г. произошло падение добычи на каспийских месторождениях. В 2019–2020 гг. намечился выход крупных западных компаний из «Контракта века». Не исключено, что в ближайшее время «Контракт века» ждёт переконфигурация.

20 сентября 1994 г. в Баку во дворце «Гюлистан» правительство Азербайджана и 11 компаний (*Amoco, BP, McDermott, Unocal, «ЛУКОЙЛ», Statoil, TPAO, Pennzoil, Ramco, SOCAR, Delta*) из семи стран мира (Азербайджан, США, Великобритания, Россия, Турция, Норвегия и Саудовская Аравия) подписали контракт на разведку, разработку и долевое распределение добычи с блока месторождений Азери – Чираг – глубоководная часть Гюнешли (АЧГ) в азербайджанском секторе Каспия сроком до 2024 г. Это соглашение вошло в историю как «Контракт века».

Для реализации «Контракта века» в 1995 г. была создана Азербайджанская международная операционная компания (АМОК (*AIOC*)), доли в которой распределились следующим образом: *British Petroleum* – 35,78%, *Chevron* – 11,27%, *Inpex* – 10,96%, *SOCAR* – 11,65%, *Statoil* – 8,55%, *Exxon* – 8,0%, *TPAO*, –6,75%, *Itochu* – 4,3%, *ONGC-2*,72% [*Mamveev*, 2017].

При этом первоначально в «Контракте века» участвовала и российская компания «ЛУКОЙЛ», которой руководит В. Алекперов. Однако в 2002 г. «ЛУКОЙЛ» продал японской *Itochu* свои доли в международном консорциуме (10%), в соглашении о совместном ведении деятельности (11,1%) и иных активах, связанных с проектом¹.

В сентябре 2017 г. Азербайджан и консорциум международных компаний подписали новое соглашение, срок действия которого заканчивается в 2050 г. Доля *BP* составила 25%, объём планируемых инвестиций до 2050 г. должен составить 40 млрд долл., а Государственный нефтяной фонд Азербайджана должен получить 3,6 млрд долл.².

Азербайджанские должностные лица и представители экспертного сообщества говорят о высокой экономической рентабельности «Контракта века». Так, помощник Президента Азербайджана по общественно-политическим вопросам А. Гасанов указывает, что в период с 2001 по 2019 г. в рамках «Контракта века» в Государственный нефтяной фонд Азербайджанской Республики (ГНФАР) поступило 148,3 млрд долл. Из них 95,61 млрд долл. пошло в государственный бюджет, 9,3 млрд долл. – на стратегические, инфраструктурные и социальные

¹ «ЛУКОЙЛ» объявил о продаже своей доли в азербайджанском проекте // <https://www.newsru.com/finance/18nov2002/lukoil3.html>, дата обращения 01.11.2020.

² Азербайджан продлил «Контракт века» ещё на 25 лет // <https://www.bbc.com/russian/news-41264960>, дата обращения 01.11.2020.

проекты. В 2019 г. активы ГНФАР составляют 42,5 млрд долл. [Гасанов, 2019].

О значении «Контракта века» для современной жизни Азербайджана говорит тот факт, что в 2000 г. глава страны Г. Алиев утвердил день 20 сентября как национальный праздник День нефтяника.

Предпосылки создания и заключения «Контракта века»

Как известно, разработка нефти на Апшеронском полуострове началась во второй половине XIX в. Первая скважина была пробурена в 1847 г. К началу XX в. несколько крупных компаний со значительным иностранным капиталом (*Russian General Oil Co.*, *Shell*, «Товарищество братьев Нобель») контролировали 60% добычи жидкого топлива в России и 86% акционерных капиталов отрасли. Однако в результате Первой мировой войны каспийские месторождения начали деградировать. Кроме того, в 1918 г. вся нефтяная промышленность была национализирована [Матвеев, 2017].

После окончания гражданской войны началось активное освоение нефтяных запасов на основе новых технологий – электрификации предприятий отрасли, увеличения объёма геологоразведки, новых технологий нефтепереработки и транспортировки. К началу 1940-х гг. СССР вышел на второе место после США по уровню нефтедобычи. К тому моменту в стране было два основных нефтедобывающих района – Азербайджан и Чечено-Ингушская АССР [Матвеев, 2017].

Специалисты указывают, что резкий рост нефтедобычи в Азербайджане наступил в 1905 г., когда она составляла половину всей мировой добычи. Потом наступил резкий спад 1917–1921 гг., когда добыча упала в четыре раза, далее возник подъём до 1941 г. Однако в период войны вновь возник спад, а послевоенное восстановление нефтедобычи в Азербайджане шло медленными темпами. Локальный пик роста нефтедобычи был достигнут в 1960-е гг., но потом вновь наступило снижение. Следует также отметить, что разработка нефтяных месторождений Каспия в постсоветском Азербайджане не привела к резкому росту добычи сразу – рост добычи возник лишь в конце 1990-х гг. [Зотин, 2017].

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что начиная с 1950-х гг. приоритеты советской нефтедобывающей промышленности смещаются с Азербайджана, Северного Кавказа и Поволжья в сторону сибирских (прежде всего западносибирских) нефтяных месторождений.

В 1945 г. комиссия по нефти и газу при Президиуме Академии наук СССР приняла постановление «О перспективности нефтеносности Западной Сибири».

В апреле 1948 г. министр геологии СССР И. Малышев подписал приказ «О развитии геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири

и неотложной помощи Центральной Западно-Сибирской нефтеразведочной экспедиции».

В 1950—1960-х гг. шли активное изучение и разработка западносибирских месторождений. В 1965 г. Совет Министров СССР принял постановление о создании хозрасчётного территориального Главного управления по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири «Главтюменнефтегастрой» [Матвейчук, 2015]. В 1970 г. на западносибирских месторождениях было добыто 30 млн т нефти, в 1975 г. — 141 млн. Всего к этому моменту было добыто 500 млн т, в 1988 г. было добыто 415 млн т [Матвейчук, 2015].

В этой ситуации азербайджанские нефтяники начинают смещать акценты на морской шельф. В 1970 г. на нём начато опережающее развитие добычи нефти и газа. Были активизированы разведывательные работы на известных скважинах на мелководье (на глубине 40—60 м) и в глубоководных зонах (более 100 м).

В результате дополнительных исследований к 1980-м гг. ранее выявленных и законсервированных площадей было обнаружено более 100 шельфовых структур на глубине от 40 до 200 м на перспективных морских участках, к которым относились Нефтяные камни, Грязевая сопка, бухта Дарвина, остров Песчаный, остров Булла, Южная, Сангачалы-море, Дуванный-море, Бахар и т. д. [Матвеев, 2017].

В итоге к 1987 г. стало понятно, что наиболее перспективным является глубоководное месторождение Азери — Чираг — Гюнешли, расположенное в Каспийском море на границе с Туркменией, к востоку от Апшеронского полуострова [Матвеев, 2017].

Вопрос о возможности привлечения иностранных инвестиций к разработке каспийских месторождений возник ещё в конце 1980-х гг. При этом надо напомнить, что тогдашний позднесоветский Азербайджан представлял собой достаточно интересное явление. С одной стороны, в республике существовало несколько организаций (самой мощной из которых был Народный фронт Азербайджана (НФА)), которые стремились к выходу Азербайджанской ССР из состава СССР. С другой стороны, существовало официальное республиканское руководство во главе сначала с А. Везировым, а затем — с А. Муталибовым, которое всячески демонстрировало свою лояльность московскому центру.

Более того, именно эта подчёркнутая лояльность официального Баку Москве резко контрастировала с уже оформившимся движением на суверенизацию Армянской ССР. В этой ситуации симпатии союзного центра были на стороне бакинского руководства, которое не желало отдавать Карабах, всячески пыталось одёрнуть антисоветских неформалов из НФА и дистанцировалось от попыток суверенизации Азербайджанской ССР.

Однако, судя по всему, политика официального Баку значительно тоньше, чем та, которая была продемонстрирована Москве. В 1989 г. Азер-

байджан посетил представитель британской нефтяной компании *Ramco* С. Ремп, который стал посредником в установлении контактов между руководством ещё советского Азербайджана с британскими нефтяными компаниями *BP*, *Statoil*, *АМОСО* [Семенов, 2013].

Этот визит стал началом открытых контактов руководства Азербайджана с западными корпорациями, которые происходили либо уже почти без участия союзного центра, либо при его минимальном участии.

В 1990 г. азербайджанские республиканские предприятия «Каспморнефтегаз», «Азнефть» и Каспийское морское пароходство создали внешнеэкономическую ассоциацию «Дениз».

18 января 1991 г. Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР и Совет Министров Азербайджанской ССР выпустили совместное постановление о проведении международного тендера на разработку месторождения Азери [Семенов, 2013]. Напомним, что это месторождение – часть комплекса месторождений АЧГ, которое и составило ресурсное ядро «Контракта века».

Тендер был проведён в июне 1991 г., в нём приняли участие *BP*, *Unocal* и *АМОСО*. Победу в этом конкурсе одержала *АМОСО*. Тогда же Баку посетили по отдельности две высокопоставленные делегации: одна состояла из представителей *АМОСО* и *Unocal*, а вторую возглавлял министр торговли США Т. Макбрайд. Обе делегации посетили месторождения и предприятия нефтегазовой промышленности республики и сделали вывод о перспективности азербайджанских месторождений [Семенов, 2013].

Однако пользы от этих контактов в тот период времени фактически не вышло. Возвращение к теме долгосрочных отношений с западными корпорациями произошло лишь в 1993–1994 гг. Чтобы понять, что стало причиной такого положения вещей, нужно рассмотреть не только экономические, но и политические аспекты каспийской нефтяной проблемы.

Политические аспекты «Контракта века»

Летом 1991 г. – в момент первых контактов азербайджанских республиканских властей с представителями крупных международных нефтяных компаний – Азербайджан был уже вовлечён в конфликт с Арменией из-за принадлежности Нагорного Карабаха. Как известно, этот конфликт начался в феврале 1988 г. и примерно до конца 1990 – начала 1991 г. представлял собой цепь локальных столкновений, этнических чисток и погромов (Сумгаит, Баку и т. д.*), которые привели к тому, что армянское население

* Имеются в виду трагические события в Сумгаите 27–29 февраля 1988 г. и погромы в Баку 13–20 января 1990 г., в ходе которых азербайджанские экстремисты осуществили этнические чистки армянского населения.

покинуло Азербайджан, а азербайджанское – Армении. И к весне – лету 1991 г. ситуацию между двумя республиками можно было назвать не иначе, как началом полномасштабной войны.

Крах ГКЧП в августе 1991 г. привёл к тому, что и Армения, и Азербайджан объявили о выходе из состава СССР, а на территории Нагорно-Карабахской области (НКАО) был проведён референдум, на котором составляющие этническое большинство представители армянской общины высказались за выход из состава Азербайджана и создание отдельной – независимой как от Армении, так и от Азербайджана – Нагорно-Карабахской Республики (НКР, с 2016 г. – Республика Арцах). С этого момента между двумя новыми независимыми государствами начинается полномасштабная война.

В результате военных неудач азербайджанской армии в марте 1992 г. в отставку ушёл первый президент А. Муталибов. В июне 1992 г. президентом страны был избран лидер оппозиционного Народного фронта А. Эльчибей.

Согласно некоторым экспертным оценкам, именно уход Муталибова и приход Эльчибея, имевшего устойчивую и вполне заслуженную репутацию пантюркиста, привели к тому, что интерес западных компаний к азербайджанским нефтяным месторождениям охладел. Существовало мнение, что Запад полностью поддерживал в том конфликте Армению и не был настроен сотрудничать с режимом Эльчибея [Семенов, 2013].

Однако такое утверждение не совсем согласуется с приводимыми этими же экспертами фактами.

Так, 13 сентября 1992 г. указом Эльчибея была создана Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР), ныне известная под англоязычной аббревиатурой *SOCAR*. Перед новой компанией была поставлена задача управления нефтяной отраслью и привлечения западных инвестиций.

В том же сентябре 1992 г. альянс британской *BP* и норвежской *Statoil* получил право на разработку месторождений Шах-Дени и Достлуг.

В октябре 1992 г. американская компания *Pennzoil* получила право на разработку месторождения Гюнешли [Семенов, 2013].

Таким образом, контакты с западными корпорациями были и при Эльчибее. Однако не стоит сбрасывать со счетов и действие армянского лобби, которое вполне оправданно опасалось контактов азербайджанского руководства (тем более такого протурецки настроенного, как Эльчибей) с Турцией и западными нефтяными компаниями.

Как указывают эксперты, усилия армянского лобби накладывались на то, что в западном общественном мнении борьба армян за Нагорный Карабах рассматривалась как борьба с наследием сталинизма и сталинской национальной политики. Они указывают, что именно осенью 1992 г. Конгресс США принял 907-ю поправку к Акту о поддержке свободы, кото-

рая запрещала оказание помощи Азербайджану со стороны американских государственных структур. Причём причиной такого решения называлась азербайджанская блокада Армении, возникшая фактически ещё в 1988 г. [Маркедонов, 2012].

Однако летом 1993 г. мятеж полковника С. Гусейнова привёл к тому, что А. Эльчибей самоустранился с поста президента, уехав в родное село в Нахичеванской АР. Пост спикера занял глава Нахичевани Г. Алиев, одновременно совместив спикерство с исполнением обязанностей президента. 28 августа того же года в ходе референдума Эльчибей был лишён полномочий, а 3 октября Г. Алиев был избран президентом.

На этом фоне летом – осенью 1993 г. Азербайджан потерпел серию значительных поражений от армянских войск. При этом армянская сторона не только сумела нанести поражение противнику в Карабахе, но и захватила несколько районов вокруг бывшей НКАО.

Стремясь предотвратить военное поражение, азербайджанские войска 22 декабря 1993 г. перешли в наступление и сумели достичь определённых тактических успехов к февралю 1994 г. Однако к весне 1994 г. наступление захлебнулось, и 5 мая в Бишкеке между Арменией, Азербайджаном и НКР был подписан протокол о прекращении огня в ночь с 8 на 9 мая. Фактически этот протокол означал признание военного поражения азербайджанской стороны. Хотя юридически Карабах оставался в составе Азербайджана, но Бишкекский протокол признавал имеющийся к тому моменту статус-кво: армянская сторона получала всю территорию бывшей НКАО и часть прилегающих к ней азербайджанских районов, но дальнейший статус НКР должен был быть установлен путём переговорного процесса [Бишкекский протокол, 1994]³.

После изучения сложившейся ситуации следует вернуться к политической составляющей всех манёвров вокруг азербайджанской нефти. Простой анализ имеющихся фактов показывает, что Г. Алиев рассматривал нефтяную тему как козырь в большой политической и геополитической игре. Тот же анализ фактов говорит о том, что сначала Алиев пытался использовать нефтяной вопрос для решения карабахской проблемы.

В частности, в августе 1993 г. Г. Алиев заявил, что интерес западных нефтяных компаний к азербайджанской нефти должен быть сообразован с интересом к общественно-политической ситуации в стране [Семенов, 2013]. Следовательно, недвусмысленно увязал нефтяные темы с поддержкой собственного режима и нужной позицией по Карабаху.

В конце 1993 – начале 1994 г. Алиев совершил визиты в Турцию, Францию и Великобританию. В ходе визитов во Францию и Турцию азербай-

³ Бишкекский протокол, 1994 // http://www.parliament.am/library/LGH/doc_9.pdf, 01.11.2020.

джанский лидер подписал договоры о сотрудничестве с этими странами. Кроме того, в ходе переговоров в Париже Алиев пытался заинтересовать французскую нефтяную компанию *Elf Aquitaine* разведкой и добычей на каспийском шельфе [Семенов, 2013].

Однако после подписания бишкекского соглашения по Карабаху Алиев понял, что парадигма «нефтяной контракт в обмен на территории» уже не работает, и стал строить принципиально иную схему. По всем оценкам, «Контракт века» рассматривается как своего рода сделка Алиева с западными корпорациями (а через них — и с соответствующими правительствами), которая позволила ему как-то смягчить карабахское поражение.

Более того, нефтяной ресурс позволил Баку построить выгодные отношения с Западом на своих условиях. Как известно, различные западные институты (в том числе наднациональные) используют такие аргументы, как соблюдение теми или иными государствами определённых демократических стандартов и процедур, как рычаг давления на них.

Однако Гейдар Алиев сделал так, что, как отмечают эксперты, «в отличие от соседней Грузии, Азербайджан не подвергают суровым экзаменам по демократии, не требуют слишком многого в плане продвижения политических свобод, а любая критика здесь довольно корректна и дозирована» [Маркедонов, 2012].

Таким образом, фактически «Контракт века» дал Азербайджану карт-бланш во внутренних делах. Там, где другие постсоветские (и не только) государства подвергают жесточайшей критике (например, Белоруссию), официальный Баку фактически не терпит никаких репутационных убытков.

Однако если внимательно всмотреться в ситуацию вокруг подписания «Контракта века», то можно полагать, что первоначальная цель Алиева-старшего была гораздо более тонкой. Рискнём предположить, что он пытался построить многовекторную нефтяную политику. В пользу этого говорят следующие факты.

Во-первых, азербайджанская *SOCAR* первоначально планировала передать принадлежащие ей 5% в «Контракте века» Иранской национальной нефтяной компании (*NIOC*). Однако против этого выступила американская сторона. В результате *NIOC* вернула свою долю *SOCAR*, а та в свою очередь передала её в марте 1995 г. американской *EXXON*⁴.

Отметим, что ситуация с передачей долей явно отражала очень непростые отношения в треугольнике США — Азербайджан — Иран. С одной стороны, причины такой передачи долей заключаются в сложившихся после Исламской революции 1979 г. враждебных американо-иранских отношениях. С другой стороны, Иран — ближайший сосед Азербайджана, на терри-

⁴ «Контракту века» — 25 лет! // <https://az.sputniknews.ru/infographics/20190918/421766190/azerbaijan-kontrakt-veka-razrabotka-mestorozhdenij-dohody.html>, дата обращения 01.11.2020.

тории которого живёт многомиллионная азербайджанская диаспора. Более того, часть иранской территории даже именуется Южным Азербайджаном. Карту азербайджанской диаспоры на протяжении XX в. пытался разыграть как Азербайджан (автономия для азербайджанцев и даже требование аннексии части иранской территории), так и сам Иран.

Более того, у предшественника Алиева на президентском посту Эльчибея были непростые отношения с Ираном. В карабахском вопросе Тегеран — вопреки конфессиональной логике — не занимал однозначной проазербайджанской позиции. Более того, Иран стал одной из транспортных артерий, которая хотя бы отчасти ослабила блокаду Армении со стороны Азербайджана и Турции. И попытка Алиева вовлечь Иран в нефтяную сделку, судя по всему, преследовала цель установить приемлемые для Баку отношения с Тегераном. Причём как в смысле просто межгосударственных отношений, так и в смысле поддержки позиции Баку в карабахском вопросе.

Во-вторых, с помощью «Контракта века» Алиев пытался наладить отношения и с Россией. Хотя позиция Москвы была первоначально не слишком позитивной для «Контракта века». Российская сторона всегда настаивала на том, что правовой статус каспийской морской акватории (включая шельф и его содержание) регулируется советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг. Как известно, эти договоры предусматривали совместное право судоходства и рыболовства по всей акватории (так называемый «принцип общей воды»). Единственное исключение — десятимильные национальные рыболовные зоны. При этом вопросы недропользования, военной деятельности, транзита, охраны природной среды ими не регулировались. Вопрос правового регулирования ситуации в Каспийском море был решён лишь в 2018 г., когда была принята Конвенция о правовом статусе Каспия. При этом несколько вопросов (в том числе вопрос о размежевании по дну) решён не был⁵.

Благодаря своему дипломатическому и лоббистскому таланту Г. Алиеву удалось расколоть позицию российской стороны. С одной стороны, активным противником «Контракта века» был МИД РФ, который строго настаивал на старых принципах территориального раздела Каспийского моря. С другой стороны, Министерство топлива и энергетики РФ лоббировало участие российских компаний в «Контракте века» [Семенов, 2013]. Действующий в тот период российский премьер-министр В. Черномырдин и руководство Минтопэнерго активно лоббировали интересы компании «ЛУКОЙЛ» [Агакишиев, 2013]. При этом президент SOCAR в 1994—2005 гг. Н. Алиев особо подчёркивал, что его компании «особо легко и приятно» работать с «ЛУКОЙЛом» благодаря схожему менталитету людей, работающих в этих компаниях [Агакишиев, 2013].

⁵ Как поделить море // <https://tass.ru/politika/6949435>, дата обращения 01.11.2020.

Таким образом, Алиев пытался с помощью вовлечения в каспийские нефтяные проекты компании «ЛУКОЙЛ» выстроить определённые взаимовыгодные отношения если не с Россией в целом, то с влиятельными сегментами её элиты.

Как уже было сказано выше, в 2002 г. «ЛУКОЙЛ» вышел из «Контракта века», о мотивах этого ухода существовали различные версии. Согласно официальной версии, причиной выхода компании из сделки была реструктуризация её активов.

Однако существовали и неофициальные версии этого события. Согласно одной из таких версий, уход «ЛУКОЙЛа» — это своего рода размен: «ЛУКОЙЛ» уходит из Каспия и в обмен получает определённые позиции в Ираке после американского вторжения (началось в марте 2003 г.). Кроме того, обсуждалось якобы имевшее место нежелание компании участвовать в «Контракте века» из-за строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, недовольство которым выражала Россия. Также была распространена версия о том, что «ЛУКОЙЛ» получил от азербайджанского правительства солидную компенсацию.

В-третьих, при заключении «Контракта века» были определены нюансы в отношениях с Турцией. В частности, подписание «Контракта века» совпало с мятежом братьев Джавадовых, один из которых — Ровшан Джавадов — был заместителем министра внутренних дел, а второй — Махир — прокурором Хатаинского района Баку. В начале октября 1994 г. контролируемый братьями отряд полиции особого назначения (ОПОН) выступил против властей, но тогда конфликт удалось погасить.

Второй мятеж Джавадовы подняли в марте 1995 г., в ходе него контролируемые ими отряды ОПОН были разгромлены, Ровшан Джавадов — убит, а Махир Джавадов бежал в Австрию. Как пишет современный азербайджанский историк И. Агикишиев, «неоспоримые факты свидетельствовали о поддержке мятежа братьев Джавадовых определёнными силами в Турции. Для устранения азербайджано-турецких разногласий Г. Алиев стал более активно сотрудничать с руководством этой страны и её элитой» [Агакишиев, 2012].

Отметим, что доля турецкого участника «Контракта века» — ТРАО — выросла за счёт доли SOCAR до 6,75%, а доля самой SOCAR уменьшилась до 10%. Такой передел долей в «Контракте века» явно свидетельствует о том, что Г. Алиев пытался использовать нефтяные проблемы как возможность урегулировать свои отношения с турецкой элитой.

Если суммировать вышесказанное, то можно говорить о том, что «Контракт века» был для Алиева инструментом построения нового азербайджанского государства в ситуации проигрыша карабахской войны.

Для подтверждения заявленного нужно выделить несколько аспектов данной ситуации.

Во-первых, Г. Алиев пытался создать пул инвесторов, которые были бы заинтересованы в Азербайджане как в политическом партнёре, в его стабильности, а в перспективе — и в территориальной целостности (если иметь в виду под этим понятием решение карабахской проблемы в пользу Баку). Как было сказано выше, первоначально пул инвесторов был достаточно широк — от США и Великобритании до Ирана. На первоначальном этапе Алиев-старший пытался парадоксальным образом эти интересы сочетать, и только внешнее давление не позволило ему довести это намерение до конца.

Во-вторых, можно говорить и том, что Алиев-старший пытался диверсифицировать и трубопроводную политику. Как известно, каспийская нефть транспортируется по трём трубопроводам:

- Баку — Тбилиси — Джейхан (БДТ);
- Баку — Супса;
- Баку — Новороссийск.

Отметим, что в настоящее время наибольшая часть нефтяного экспорта идёт через БДТ и составляет 396 млн т, а суммарный экспорт через Баку — Супса, Баку — Новороссийск и по железной дороге составил всего лишь 158 млн т⁶. Однако на первоначальном этапе трубопроводная многовекторность существовала.

В-третьих, «Контракт века» стал инструментом создания в Азербайджане государства определённого типа. Совершенно очевидно, что потерпевший военное поражение в 1994 г. в войне с Арменией Баку должен был решить две задачи. Одна из них — явная — заключалась в построении государства с достаточно высоким уровнем и качеством жизни. Вторая — скрытая — это создание условий для военного реванша над Арменией.

Если говорить о первой цели, то официальная азербайджанская статистика приводит следующие цифры: в период с 1994 по 2019 г. ВВП Азербайджана вырос в 216 раз, в пересчёте на душу населения — в 162 раза. Также в 2001—2019 гг. поступления в специально созданный Государственный нефтяной фонд Азербайджанской Республики (ГНФАР) составили 148,3 млрд долл. Из них 95,61 млрд долл. были перечислены в государственный бюджет, а 9,3 млрд долл. ушли на стратегические, инфраструктурные и социальные цели. Активы ГНФАР на 2019 г. составляли 42,5 млрд долл. Стратегические валютные резервы в том же году превысили 45 млрд долл. [Гасанов, 2019].

Что касается второй цели, то в 2018 г. аналитики Центра анализа стратегий и технологий подготовили доклад «В ожидании бури: Южный Кав-

⁶ Азербайджанский академик рассказал об истории «Контракта века» // <http://casp-geo.ru/azerbajdzhanskij-akademik-rasskazal-ob-istorii-kontrakta-veka/>, дата обращения 01.11.2020.

каз», в котором спрогнозировали неизбежность обострения военно-политической обстановки и возобновления конфликта между Арменией и Азербайджаном из-за принадлежности Нагорного Карабаха [В ожидании бури: Южный Кавказ, 2018].

В качестве причин обострения назывались техническое превосходство Азербайджана, демографический дисбаланс и разница в военных расходах между двумя странами. Экспертами назывались конкретные цифры: в 2001 г. военный бюджет страны составлял 300 млн долл., а в 2013 г. — 3,7 млрд долл. (фактически это весь государственный бюджет Армении). Шведский институт *SIPRI* приводит схожие цифры военных расходов Баку: 300 млн долл. в 2001 г., около 2,8 млрд долл. в 2013 г. [В ожидании бури: Южный Кавказ, 2018].

Пик военных расходов пришёлся на 2015 г. — 3 млрд долл. После этого военные расходы Азербайджана стали составлять 1,55–1,7 млрд долл. в год. Важно отметить, что это снижение пришлось на период падения мировых цен на энергоносители [Сидоркова, 2018]. Корреляция между ростом и снижением военного бюджета Азербайджана и конъюнктурой нефтяных цен явно неслучайна.

Таким образом, «Контракт века» оказался не только долгосрочным экономическим, но и политическим проектом. Однако вопрос, насколько он выполнил возлагаемые на него задачи, остаётся открытым.

«Контракт века»: основные проблемы при осуществлении

В современной азербайджанской политической аналитике, которая уже частично становится историографией, принято рассматривать «Контракт века» исключительно в апологетических тонах, как крайне успешное предприятие, которое принесло Азербайджану исключительно одни преимущества.

Однако внимательный анализ фактов показывает, что «Контракт века» сталкивался с несколькими проблемами.

Начнём с того, что транспортно-логистическая сетка обеспечения деятельности подвергалась определённым рискам. Наличие на территории одной из стран-транзитёров Грузии так называемых «мятежных автономий» — Абхазии и Южной Осетии — и связанный с этим риск возобновления вооружённых конфликтов создавали проблемы. Более того, некоторые представители так называемых «мятежных территорий» активно пытались получить доступ к транспортно-логистической инфраструктуре «Контракта века». В первую очередь это касалось трубопровода Баку — Супса.

В частности, в феврале 1998 г. представитель Абхазии в США И. Казан направил топ-менеджерам нескольких международных корпораций, участвующих в строительстве и управлении Баку — Супса, письма, в которых предупредил, что возобновление абхазо-грузинского конфликта может привести к тому, что нефтепровод окажется в зоне боевых действий. Соответ-

ственно, существует высокий риск разрушения транспортно-логистической инфраструктуры. В свою очередь, абхазский представитель предлагал провести нефтепровод через территорию Абхазии вдоль черноморского побережья [Никеров, 2010].

Однако тема нефтепровода Баку – Супса возникала не только в абхазском, но и в югоосетинском контексте. По территории этой республики проходит участок нефтепровода длиной 1250 м. Конкретно он проходит по территории Ленингорского района республики. Как утверждают эксперты, в 1997 г. представители международных корпораций, занятых в строительстве этого нефтепровода, приезжали в Республику Южная Осетия (РЮО) и изучали возможность прокладки нефтепровода. Отметим, что вопрос шёл о прокладке трубопровода через территорию Ленингорского района, который тогда де-юре являлся частью РЮО, но де-факто не подчинялся цхинвальским властям и контролировался из Тбилиси. Однако даже в этой ситуации прокладка газопровода была перенесена на 7–10 км от первоначального плана [Санакоева, 2015].

В 2015 г. сведения о том, что часть трубопровода Баку – Супса проходит через территорию РЮО, стали широко обсуждаться в республике. Некоторые общественники предъявляли властям претензии по поводу того, что Южная Осетия фактически ничего не получает в качестве платы за транзит. Как отметил один из представителей общественности, югоосетинские представители «могли бы воспользоваться этим фактором. Это фактор легитимации для нас. Разницы нет, какой бы статус ни был у Южной Осетии, понятно, что не в Грузии, всё равно это – возможность. Во-первых, можно зарабатывать деньги, во-вторых, уровень твоего диалога значительно вырастет» [Санакоева, 2015].

Совершенно очевидно, что разговоры о возможности взимания транзитной платы, скорее всего, из области желаемого, но трудно или почти не достижимого. Но фактор нахождения части нефтепровода на территории РЮО может быть использован югоосетинской стороной для воздействия на международный консорциум, управляющий трубопроводом. В том числе – для вооружённого давления.

Отметим также, что грузино-осетинский конфликт ставил под вопрос безопасность и нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. В частности, во время пятидневной войны 2008 г. МИД Грузии заявлял о том, что российская авиация бомбила один из участков нефтепровода. Это было тут же опровергнуто российской стороной [Никеров, 2010].

Однако опасности для Баку – Тбилиси – Джейхан были связаны не только с грузинской территорией и вовлечённостью Грузии в региональные конфликты. Синхронно с пятидневной войной в ночь с 5 на 6 августа 2008 г. была остановлена прокачка нефти на участке трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан по причине пожара на компрессорной станции в районе по-

сёлка Рэфайха в провинции Эрзинджан в Восточной Турции. 9 августа ответственность за это взяла на себя Рабочая партия Курдистана [Никеров, 2010].

Ещё одной проблемой «Контракта века» стало падение нефтяных цен в 2014–2015 гг. В этот период власти Азербайджана дважды пошли на девальвацию маната — в феврале и декабре 2015 г. Как указывают эксперты, эта девальвация оказалась более существенной, чем у других постсоветских стран, зависимых от нефтегазовых доходов, в первую очередь России и Казахстана [Зотин, 2017]. Кроме того, рост ВВП в 2015 г. упал до 1,1%, а 2016 г. стал, по оценкам МВФ, первым годом рецессии за последние двадцать лет [Зотин, 2017].

Кроме того, критики «Контракта века» указывают на неэффективность трат доходов от его реализации. Так, с 2003 г. в ГНФАР, созданный для аккумуляции нефтяных доходов, поступало лишь 27% нефтегазовых доходов, а 73% — уходило в бюджет. С 2009 г. в бюджет стало поступать вообще до 90% нефтегазовых доходов [Зотин, 2017].

Наконец, на стыке 2014–2015 гг. выявилась ещё одна проблема — падение нефтедобычи и весьма проблемные перспективы дальнейших запасов. В 2010 г. на основном месторождении «Контракта века», Азери — Чираг — Гюнешли, добывалось 823 тыс. баррелей в сутки. По всем экспертным оценкам, это был пик добычи, после этого она стала падать.

Надежды на увеличение добычи появились с 2014 г., после начала освоения месторождения Западный Чираг, на котором планировали нарастить добычу до 1 млн баррелей в сутки, но эти планы остались на бумаге. Также в 2015–2018 гг. произошло существенное снижение добычи нефти, конденсата и товарного газа. В результате сам Азербайджан частично превратился в импортёра газа (в 2015–2017 гг. импорт газа увеличился со 107 млн куб. м до 1,7 млрд куб. м) [Тарасов, 2018].

В 2019 г. аналитики ВР пришли к выводу, что темпы добычи на Азери — Чираг — Гюнешли падают на 10% в год. В качестве решения проблемы они предложили наращивать дополнительные затраты [Тарасов, 2020]. К этому следует добавить, что выводы аналитиков дополнились тем, что в 2019 г. была приостановлена работа двух платформ АЧГ, а в первом квартале 2020 г. добыча нефти на этом месторождении упала по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 8,6%.

Кроме того, в первой половине 2020 г. оформился процесс, наметившийся ещё за несколько лет до этого, — выход двух знаковых американских нефтяных компаний *Chevron* и *ExxonMobil* из «Контракта века». 16 апреля стало известно о продаже *Chevron* своих азербайджанских активов (долей в нефтепроводе Баку — Тбилиси — Джейхан и Азери — Чираг — Гюнешли) венгерской компании *MOL Hungary Oil and Gas PLC* за 1,57 млрд долл.

20 мая стало известно, что *ExxonMobil* нанял брокера в лице *Bank of America Merrill Lynch* для продажи своей доли в 6,6% в АЧГ. Важно отметить,

что слухи о продаже *Chevron* и *ExxonMobil* своих долей в «Контракте века» велись с конца 2018 г. [Тарасов, 2018].

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время «Контракт века» переживает достаточно трудные времена. Не исключено, что речь идёт о его реформировании.

Заключение

Если рассматривать «Контракт века» с точки зрения экономической политики, то совершенно очевидно, что он является своего рода попыткой выстроить в Азербайджане модель ресурсного национализма с национальной спецификой.

Как известно, ресурсный национализм базируется на двух принципах: контроле правительства над углеводородными ресурсами и ограничении доступа иностранного капитала к ресурсной базе [Боровский, Трачук, 2015]. Если рассматривать пример Азербайджана, то очевидно, что правительство этой страны фактически сосредоточило всю нефтегазовую отрасль страны в руках государственной компании *SOCAR*. В стране отсутствуют крупные частные нефтегазовые компании.

Конечно, азербайджанское правительство не ограничивает доступ иностранного капитала. Однако в данном случае вовлечение зарубежных компаний служит своего рода способом привлечения инвестиций.

Если суммировать значение «Контракта века», то он выполнил следующие задачи:

- дал приток живых денег и инвестиций в азербайджанскую экономику;
- позволил создать высокий по сравнению с другими странами региона уровень жизни, который не допустит массовой миграции населения;
- позволил найти средства для подготовки военного реванша в военном противостоянии с Арменией.

Однако изменения последних лет (колебания цен на энергоносители, выход крупных компаний) существенно трансформировали «Контракт века». В последние годы *SOCAR* реализует стратегию внешней экспансии в Турцию и некоторые постсоветские регионы (в частности, Грузию, Украину и Белоруссию), Восточную Европу и даже Вьетнам.

Судя по всему, *SOCAR* стремится выстроить полную производственную цепочку – от поставок нефти до сбыта нефтепродуктов. В Турции *SOCAR* получила не только долю в нефтепереработке, но и выгодные контракты (например, серию выгодных контрактов на поставку топлива в аэропорты, включая стамбульский) [Проценко, 2020].

Не исключено, что именно под эту экспансию *SOCAR* будет тем или иным способом трансформирован «Контракт века».

Список литературы

Боровский Ю., Трачук К., 2015. Исследования энергетики в теории международных отношений. Международные процессы. Т. 13. № 4. С. 89–90.

Никеров Р. Н., 2010. Каспийские энергоресурсы и региональные интересы мятежных территорий Кавказа на этапах посткоммунизма. Известия Саратовского университета. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 108–112.

Семенов В. С., 2013. Значение «Контракта века» 1994 г. для политики западных держав в Каспийском регионе. Известия Тульского Государственного университета. Гуманитарные науки. № 3-1. С. 114–121.

Матвеев И. Е., 2017. Энергетика Азербайджана. Проблемы и перспективы развития энергетики Азербайджанской Республики. Часть первая // <http://matveev-igor.ru/articles/366220>, дата обращения 01.11.2020.

Агакишиев И., 2012. История бакинской нефтяной промышленности – 53 // <https://vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-bakinskoj-neftyanoj-promyshlennosti-53.html>, дата обращения 01.11.2020.

Агакишиев И., 2013. История бакинской нефтяной промышленности – 87 // <https://vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-bakinskoj-neftyanoj-promyshlennosti-87.html>, дата обращения 01.11.2020.

Гасанов А., 2019. «Контракт века» – проект, превративший Азербайджан в неотъемлемую часть глобальной мировой экономики // <https://news.day.az/politics/1157819.html>, дата обращения 01.11.2020.

Зотин А., 2017. Азербайджан: восточная сказка длиной в 30 лет // https://carnegie.ru/2017/03/24/ru-pub-68386#_edn3, дата обращения 01.11.2020.

Маркедонов С. М., 2012. «Контракт века» – фундамент азербайджанской внешней политики // <http://politcom.ru/14546.html>, дата обращения 01.11.2020.

Матвейчук А., 2019. Первая нефть Западной Сибири – «Сибирская нефть». № 165 (октябрь) // <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2019-october/3750236/>, дата обращения 01.11.2020.

Проценко Н., 2020. Азербайджан в нефтяной ловушке: новый кризис при слабом барреле неизбежен // <https://eadaaily.com/ru/news/2020/03/13/azerbaydzhan-v-neftyanoj-lovushke-novyj-krizis-pri-slabom-barrele-neizbezhen>, дата обращения 01.11.2020.

Санакоева З., 2015. «Молчание о трубопроводе» // <https://www.ekhokavkaza.com/a/26943562.html>, дата обращения 01.11.2020.

Сидоркова И., 2018. Азербайджан вооружился до превосходства // <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/03/26/5ab3b87b9a79472a32b5f4b3>, дата обращения 01.11.2020.

Тарасов С., 2018. *ExxonMobil* и *Chevron* покидают Азербайджан // <https://regnum.ru/news/polit/2531674.html>, дата обращения 01.11.2020.

Тарасов С., 2020. *Chevron* вынуждает сделать Алиева очередной выбор // <https://regnum.ru/news/polit/2920721.html>, дата обращения 01.11.2020.

В ожидании бури: Южный Кавказ / М. С. Барабанов, М. Йешильташ, А. В. Лавров, Н. А. Ломов, Ю. Ю. Лямин, Л. А. Нерсисян, А. В. Никольский, М. Серен, И. А. Топчий; под ред. К. В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018 – 200. с. // <http://cast.ru/upload/iblock/b0a/b0a00906a408158d431afb51cdee7440.pdf>, дата обращения 01.11.2020.

Азербайджан продлил «Контракт века» ещё на 25 лет // <https://www.bbc.com/russian/news-41264960>, дата обращения 01.11.2020.

Азербайджанский академик рассказал об истории «Контракта века» // <http://casp-geo.ru/azerbajdzhanskij-akademik-rasskazal-ob-istorii-kontrakta-veka/>, дата обращения 01.11.2020.

Как поделить море // <https://tass.ru/politika/6949435>, дата обращения 01.11.2020.

«Контракту века» – 25 лет! // <https://az.sputniknews.ru/infographics/20190918/421766190/azerbaijan-kontrakt-veka-razrabotka-mestorozhdenij-dohody.html>, дата обращения 01.11.2020.

«ЛУКОЙЛ» объявил о продаже своей доли в азербайджанском проекте // <https://www.newsru.com/finance/18nov2002/lukoil3.html>, дата обращения 01.11.2020.

VLADIMIR V. NOVIKOV,

candidate of historical Sciences, head of the Caucasus Department of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3 B. Polyanka str., Moscow, 119180, Russian Federation.

E-mail: novik222@mail.ru

SPIN-code: 8578-7010

«CONTRACT OF THE CENTURY» AND ITS POLITICAL AND ECONOMIC SIGNIFICANCE FOR AZERBAIJAN

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_106

Received: 07.12.2020

For citation: *Novikov V.*, 2020. «Contract of the Century» and Its Political and Economic Significance for Azerbaijan. – *Geoconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 106–125.

Keywords: Contract of the century, Azeri – Chirag – Guneshli, government of Azerbaijan, *LUKOIL*, *Statoil*, *SOCAR*, Azerbaijan international Operating Company, *British Petroleum*.

Abstract:

The article examines the background, history and various political and economic aspects of the Contract of the Century of September 26, 1994—a deal between the Azerbaijani state and a group of international companies. The transformations of the Contract of the Century over two and a half decades of its existence are also considered.

As the article shows, the Contract of the Century was a kind of attempt to implement the strategy of resource nationalism on the Azerbaijani political and economic ground. The signing of this contract coincided with the actual defeat of Azerbaijan in the war with Armenia over Nagorno-Karabakh. With the help of established relations with the world's largest energy companies, Heydar Aliyev and his clan tried to turn their country from one of the post-Soviet provinces into the object of attention of major world power centers. In a situation of severe political and economic crisis, the Contract of the Century allowed Azerbaijan to create a kind of financial cushion, with the help of which Baku was able to provide a sufficiently high standard of living for its citizens in comparison with other countries in the region, as well as re-equip its army.

However, in recent years, there have been significant changes in energy policy in the region and in the world. In particular, in 2014–2015, there was a significant drop in energy prices, which led to a significant devaluation of the Azerbaijani national currency, the manat. In addition, after 2010, there was a drop in production at the

Caspian fields. And in 2019–2020, the exit of large Western companies from the Contract of the Century is planned. It is possible that the Contract of the Century will be reconfigured in the near future.

References

Borovsky Yu., Trachuk K., 2015. Energy research in the theory of international relations. *International processes*, Vol. 13, № 4, Pp. 89–90.

Nikerov R. N., 2010. Caspian energy resources and regional interests of the rebellious territories of the Caucasus at the stages of post-communism. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 2. Pp. 108–112.

Semenov V. S., 2013. The significance of the Contract of the Century in 1994 for the policy of Western powers in the Caspian region. *Izvestiya Tula State University. Human sciences*. № 3-1. Pp. 114–121.

Matveev, I. E., 2017. Energy of Azerbaijan. Problems and prospects of energy development of the Republic of Azerbaijan. Part one // <http://matveev-igor.ru/articles/366220>, accessed 01.11.2020.

Agakishiev I., 2012. History of the Baku oil industry – 53 // <https://vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-bakinskoy-neftyanoy-promyshlennosti-53.html>, accessed 01.11.2020.

Agakishiev I., 2013. History of the Baku oil industry – 87 // <https://vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-bakinskoy-neftyanoy-promyshlennosti-87.html>, accessed 01.11.2020.

Hasanov A., 2019. Contract of the Century – a project that turned Azerbaijan into an integral part of the global world economy // <https://news.day.az/politics/1157819.html>, accessed 01.11.2020.

Zotin A., 2017. Azerbaijan: An Oriental fairy tale 30 years long // https://carnegie.ru/2017/03/24/ru-pub-68386#_edn3, accessed 01.11.2020.

Markedonov S. M., 2012. Contract of the Century – the Foundation of Azerbaijan's foreign policy // <http://politcom.ru/14546.html>, accessed 01.11.2020.

Matveychuk A., 2019. The first oil of Western Siberia. *Siberian Oil*. № 165 (October) // <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2019-october/3750236/>, accessed 01.11.2020.

Protsenko N., 2020. Azerbaijan in the oil trap: a new crisis with a weak barrel is inevitable // <https://eadaily.com/ru/news/2020/03/13/azerbaydzhан-v-neftyanoy-lovushke-novyuy-krizis-pri-slabom-barrele-neizbezhen>, accessed 01.11.2020.

Sanakoeva Z., 2015. Silence about the pipeline // <https://www.ekhokavkaza.com/a/26943562.html>, accessed 01.11.2020.

Sidorkova I., 2018. Azerbaijan has armed itself to the point of superiority // <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/03/26/5ab3b87b9a79472a32b5f4b3>, accessed 01.11.2020.

Tarasov S., 2018. ExxonMobil and Chevron leave Azerbaijan // <https://regnum.ru/news/polit/2531674.html>, accessed 01.11.2020.

Tarasov S., 2020. Chevron forces Aliyev to make another choice // <https://regnum.ru/news/polit/2920721.html>, accessed 01.11.2020.

In waiting for the storm: South Caucasus / M. S. Barabanov, M. Yeshiltash, A. V. Lavrov, N. A. Lomov, Yu. Yu. Lyamin, L. A. Nersisyan, A. V. Nikolsky, M. Seren, I. A. Topchiy; edited by K. V. Makiyenko. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2018 – 200 p. // <http://cast.ru/upload/iblock/b0a/b0a00906a408158d431afb51cdee7440.pdf>, accessed 01.11.2020.

Azerbaijan extends Contract of the Century for another 25 years // <https://www.bbc.com/russian/news-41264960>, accessed 01.11.2020.

Azerbaijani academician told about the history of the Contract of the Century // <http://casp-geo.ru/azerbajdzhanskij-akademik-rasskazal-ob-istorii-kontrakta-veka/>, accessed 01.11.2020.

How to divide the sea // <https://tass.ru/politika/6949435>, accessed 01.11.2020.

Contract of the Century is 25 years! // <https://az.sputniknews.ru/infographics/20190918/421766190/azerbaijan-kontrakt-veka-razrabotka-mestorozhdenij-dohody.html>, accessed 01.11.2020.

LUKOIL announces sale of its stake in the project // <https://www.newsru.com/finance/18nov2002/lukoil3.html>, accessed 01.11.2020.

Неля АЛЛАЯРОВА

ОБЩИЙ РЫНОК ГАЗА ЕАЭС: ФАКТОРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2020.

Для цитирования: *Аллаярова Н. И.*, 2020. Общий рынок газа ЕАЭС: факторы, перспективы и риски. – *Геоэкономика энергетики*. № 4 (12). С. 126–141.

В статье выявлены закономерности развития интеграционных процессов в ЕАЭС, идентифицированы предпосылки для углубления данной интеграционной группировки. Рассмотрен характер взаимодействия стран – членов ЕАЭС в газовой сфере. Отношения стран – членов евразийской экономической интеграции в газовой сфере играет важную роль для обеспечения их национальных экономик ресурсами газа. Исторически сложившиеся энергетические связи делают общий рынок газа ЕАЭС естественным направлением развития топливно-энергетических комплексов стран – членов ЕАЭС. Главным в механизме создания единого энергетического пространства стран – членов ЕАЭС является идея взаимовыгодного функционирования систем газоснабжения стран интеграционного объединения. Определены факторы для создания общего газового рынка, а также проблемы, тормозящие процесс реализации мероприятий по формированию общего рынка газа ЕАЭС. Отмечено, что формирование общего рынка газа ЕАЭС имеет важное стратегическое значение для всех стран – членов интеграционного блока, поскольку углубление интеграционных связей повышает эффективность энергоснабжения, энергетическую безопасность и, как следствие, экономическую стабильность стран – членов ЕАЭС. Для решения внутрисоюзных проблем в газовой сфере необходима разработка стратегии для взаимовыгодного сотрудничества, которая бы учитывала интересы всех стран – членов ЕАЭС и способствовала бы преодолению институциональных различий.

АЛЛАЯРОВА Неля Исмаиловна, аспирант кафедры международных экономических отношений Российской таможенной академии. *Адрес:* Российская Федерация, г. Люберцы, 140015, Комсомольский пр-т., д. 4. *E-mail:* nelia.raimzhanova@gmail.com. *SPIN-код:* 4561-5264. *ORCID:* 0000-0002-8518-021X.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, региональная экономическая интеграция, общий рынок газа, интеграционные процессы, постсоветское пространство.

Введение

Процессы интеграции на постсоветском пространстве не прекращаются со времён распада СССР. Определённо наиболее успешным интеграционным объединением является Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз), который отражает экономические интересы всех участников, а также имеет достаточно предпосылок для углубления данного интеграционного проекта. Основным фактором развития интеграционного взаимодействия стран – членов Союза является развёртывание процессов глобализации, в результате чего растёт взаимозависимость составных частей экономики.

Стратегически важным направлением в углублении евразийской интеграции становится формирование общего рынка газа ЕАЭС с точки зрения укрепления позиций Союза на внешних рынках, гармонизации торгово-экономических отношений внутри интеграционного блока, обеспечения стабильности поставок природного газа на постсоветском пространстве [Ткаченко, Аллаярова, 2019]. Несмотря на утверждённые программные документы по созданию общего рынка газа ЕАЭС, реализация заложенных в этих документах мероприятий идёт достаточно медленно, поскольку современные геоэкономические и геополитические условия оказывают в той или иной степени влияние на процесс формирования общего газового рынка ЕАЭС. Тем не менее процессы интеграции национальных газовых рынков запущены, а успех во многом будет зависеть от решения внутрисоюзных задач экономического развития. Так, высокая роль в экономике стран – членов ЕАЭС отведена энергетике, что говорит о необходимости углубления сотрудничества на евразийском пространстве в данной отрасли.

Целью исследования является проведение анализа развития интеграционных процессов в ЕАЭС, а также выявление факторов для создания общего газового рынка данного интеграционного объединения.

Закономерности развития интеграционных процессов в ЕАЭС

Нынешний период смены мирохозяйственных укладов сопровождается разрушением существующего мирового порядка либеральной глобализации, где на первый план выходит ужесточение конкуренции действующих интеграционных структур в международной торговле. Несмотря на повышенную неопределённость внешней среды и макроэкономической ситуации, происходит последовательное углубление евразийской экономической интеграции, которую можно охарактеризовать как совокупность процессов развития интернационализации экономических отношений ЕАЭС, обусловленное международным разделением труда.

С содержательной точки зрения региональные интеграционные процессы на постсоветском пространстве представляют особый интерес как факторы экономического роста государств – членов интеграционного блока, как способы воздействия на экономическую динамику в различных условиях внешней среды. Современный экономический рост государства предполагает постоянность увеличения валовых количественных макроэкономических показателей национальной экономики, а исторически сложившаяся специализация и кооперация производства способствуют защите внутреннего рынка интеграции [Европейский союз, 2013: 110–119].

В перечень основных факторов экономического роста входят: обеспеченность экономики природными богатствами, капитал, трудовые ресурсы, научно-технологическое обеспечение. Значимой в макроэкономическом регулировании среди указанных факторов становится интеграция, обеспечивающая наиболее полное вовлечение природных богатств государств, а рациональное распределение ресурсов способствует совершенствованию ассортимента выпускаемых товаров и услуг, росту макроэкономических показателей.

Стабильное обеспечение экономического роста государств – членов Союза напрямую зависит от ширины и глубины интеграционных процессов, экономического и энергетического взаимодействия. Структура такого сотрудничества государств (России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии) в рамках евразийской интеграции строится на принципах комплементарности экономик и экономического прагматизма. Интеграционные процессы и сотрудничество являются вектором достижения экономического роста на всём евразийском экономическом пространстве и рассматриваются как общность экономических интересов государств – членов Союза.

Интеграционный потенциал, экономическое и энергетическое сотрудничество в максимальной степени проявляют свою эффективность путём снятия препятствий во взаимной торговле, отмены ограничительных мер; расширения свободы движения товаров, услуг, рабочей силы; создания общих рынков и единой конкурентной среды. Одной из важнейших черт современных интеграционных процессов стран – членов ЕАЭС является добровольность.

За основу современной трактовки экономической интеграции целесообразно принять процесс сближения и взаимопроникновения отдельных национальных экономик. Во многих случаях именно взаимодействие игроков определяет масштабы реального взаимопереплетения экономик стран интеграционного объединения.

На постсоветском пространстве весьма активно развивается разноуровневая и разноскоростная международная региональная интеграция – Евразийский экономический союз, основной целью которого является создание единого экономического пространства (ЕЭП) как важнейшего

фактора обеспечения экономической безопасности [Мельников, Маркевич, Фалина, 2020]. Следует отметить, что формирование ЕЭП предусматривает поэтапность, начиная с зоны свободной торговли; требует постоянного решения возникающих социально-экономических проблем для поддержания устойчивого экономического роста всех подсистем экономики Союза, а также постоянного повышения благосостояния всех граждан. Объективно формирование ЕЭП в большей степени зависит от формирования общего рынка энергоносителей, вследствие чего проведение согласованной политики в сфере добычи, транспортировки и реализации энергоресурсов как внутри Союза, так и за его пределами становится важным инструментом для стабилизации экономики и обеспечения экономического роста стран – членов Союза.

Обобщая выявленные основные тенденции интеграционных процессов на постсоветском экономическом пространстве, можно сказать, что существуют объективные социально-экономические, политические и культурные предпосылки для развития и углубления интеграции стран ЕАЭС, в числе которых:

- перспективы восстановления сотрудничества стран ЕАЭС в топливно-энергетической сфере, сферах транспорта и электроэнергетики;
- достижение странами ЕАЭС коллективной экономической безопасности и конкурентоспособности;
- завершение переходного периода к рыночному регулированию экономики;
- сокращение спроса на сырьевой экспорт стран ЕАЭС;
- кооперационные связи между предприятиями промышленности стран ЕАЭС, выстроенные за время существования СССР;
- взаимодополняемость экономик стран ЕАЭС;
- гармонизация интересов и взаимовыгодное сотрудничество стран ЕАЭС;
- отлаженный механизм наднациональных органов управления и регулирования интеграционных процессов;
- ключевая роль России в качестве главного донора экономической интеграции;
- экономическая и географическая близость стран ЕАЭС;
- строгое соблюдение добровольности и взаимное уважение культурного своеобразия стран ЕАЭС;
- политическая воля руководства стран ЕАЭС;
- общее историческое прошлое и схожие направления ведения хозяйственной деятельности [Европейский союз, 2013: 110–119].

Безусловно, наличие указанных предпосылок свидетельствует о том, что Союз может и должен стать полновесным игроком на всём евразийском пространстве. Однако для укрепления имеющихся условий ЕАЭС

и достижения максимального макроэкономического эффекта евразийской интеграции необходима дальнейшая гармонизация законодательства, устранение барьеров в сфере таможенного регулирования, во взаимной торговле; устранение препятствий в сфере энергетики (ограничения и изъятия на формирующихся рынках энергоносителей); обеспечение реализации основных целей социально-экономического развития, проведение скоординированной работы по либерализации торговых отношений внутри интеграционного блока, совместная выработка направлений взаимовыгодного и равноправного сотрудничества со странами СНГ, а также с другими региональными интеграционными блоками и международными организациями.

Закономерности развития интеграционных процессов на евразийском пространстве отражают условия протекающей углубляющейся интернационализации хозяйственных связей, которые выражаются в структуре, институтах, этапах и механизмах евразийской экономической интеграции. Следует отметить, что ЕАЭС в своём формировании исходит из опыта развития экономической интеграции Европейского союза (ЕС) [Европейский союз, 2013: 110–119], который ставит перед собой такие цели, как последовательное устранение всех препятствий в торговле между странами-членами; применение общего таможенного тарифа в торговле с третьими странами; устранение ограничений для свободного передвижения рабочей силы, капиталов, услуг; унификация законодательства и др. Учитывая теоретические и организационные элементы развития интеграции в Европе, ЕАЭС вносит свои изменения в базовую модель экономической интеграции ЕС, связанные с экономическим и политическим состоянием в государствах – членах ЕАЭС.

В контексте закономерностей развития интеграционного сотрудничества в формате ЕАЭС необходимо выделить следующие составляющие:

- постепенное углубление экономической интеграции;
- концепция разносторонней и разноуровневой интеграции;
- модель интеграции «сверху вниз»;
- торговля с третьими странами;
- сокращение значения внутриотраслевой торговли;
- положение доноров топливно-энергетических ресурсов;
- интеграция между странами с различным уровнем экономического развития.

В соответствии с вышеуказанными закономерностями региональной интеграции первостепенным процессом является реализация разносторонней и разноуровневой интеграции, которая предполагает опцию для каждого государства самостоятельно определять своё участие в том или ином направлении развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях, а также объём этого участия [Европейский союз, 2013: 110–119].

В настоящее время на постсоветском пространстве сформировано интеграционное «ядро» в рамках государств – членов ЕАЭС, к которому также принадлежат страны – члены СНГ. Интеграционное взаимодействие между «ядром» ЕАЭС и остальными участниками основывается на режиме свободной торговли с середины 2011 г.

Согласно научным исследованиям, принцип интеграции «сверху» (соглашения и институты на межгосударственном уровне) является более проблематичным для постсоветского пространства в силу разнородности участников и различия приоритетов, которые они расставляют [Винокуров, Либман, 2012]. Вместе с этим логика перераспределения (распределение ренты: разногласия по вопросу ценообразования на газ), которая вроде бы содействует интеграции «сверху», препятствует процессу углубления интеграции (формированию общих рынков энергоносителей). Выходом из ситуации может быть схема сочетания большого числа «перекрывающихся» проектов для отдельных стран, которые будут иметь опцию подключаться к тем проблемам, в решении которых наиболее заинтересованы эти страны. Подобная схема свойственна «открытому регионализму», нежели традиционным моделям интеграции [Винокуров, Либман, 2012].

Для интеграции «снизу» (спонтанное взаимодействие экономических игроков, межгосударственное взаимодействие, обусловленные действиями объективных экономических законов) в ЕАЭС процессы идут куда лучше: степень интегрированности евразийской региональной группировки с каждым годом выше. Кроме того, способствующими элементами для интеграции «снизу» является интегрированное биржевое пространство или транспортные коридоры. Хорошим примером интеграции «снизу» на постсоветском пространстве стали биржевые структуры (в 2000–2001 гг. – соглашение о сотрудничестве с казахстанской *KASE*). Традиционно к такому формату интеграции относят три компонента: 1) взаимная торговля и инвестиции, 2) миграция трудовых ресурсов, 3) трансграничное сотрудничество [Либман, 2009].

На сегодняшний день в странах евразийской региональной экономической интеграции достаточно позитивные тенденции во взаимной и внешней торговле товарами и услугами, несмотря на некоторое снижение в 2016 г., которое было обусловлено общим экономическим спадом [Евразийская экономическая интеграция, 2019]. Преимущественно сырьевая направленность воспроизводственных структур стран евразийской интеграции стимулирует взаимную торговлю продуктами различных отраслей хозяйственного комплекса.

По совокупности макроэкономических показателей евразийский интеграционный блок занимает вторую позицию в мире после ЕС [Телегина, Халова, 2017]. Кроме того, высокий потенциал ЕАЭС подтверждается социально-экономическими показателями стран объединения. В настоящее

время ЕАЭС занимает 14% мировой территории, на которой проживает 184,3 млн человек. На долю ЕАЭС приходится примерно 20,2% мировых запасов природного газа (1-е место в мире), 14,5% мировых запасов нефти (1-е место в мире), 6,5% мировых запасов угля (4-е место в мире), 4,9% мирового производства электроэнергии (4-е место в мире), 4,7% мирового производства чугуна (4-е место в мире), 5% мирового производства стали (5-е место в мире), 2,2% мирового промышленного производства (8-е место в мире). В 2018 г. в ЕАЭС было произведено 2,3% мирового ВВП (по курсам национальных валют к доллару США), а экспорт товаров из государств – участников ЕАЭС составил 2,4% мирового экспорта [Евразийский экономический союз, 2018]. Вместе с тем необходимо отметить, что на Россию приходится почти 87% всего экономического потенциала стран – участниц ЕАЭС [Андропова, 2016].

Среди базовых отличий евразийской интеграции от СНГ можно выделить, что ЕАЭС характеризуется большой координацией власти [Андропова, 2016]. В настоящее время взаимодействие стран ЕАЭС происходит через Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет и Евразийскую экономическую комиссию. Для дальнейшего продвижения интеграционных инициатив первостепенным должно стать: проведение эффективных реформ в ведущих странах ЕАЭС, решение внутренних задач для повышения качества их экономического порядка [Либман, 2006]. Залогом успеха углубления интеграционных процессов ЕАЭС является эффект навёрстывания темпов роста, отражающий общность вызовов глобальной экономики для стран – членов ЕАЭС. Несомненно, определяющую роль в экономике стран – членов ЕАЭС играет энергетика, соответственно инвестирование крупных энергетических проектов должно стать ядром интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Характер сотрудничества стран – членов ЕАЭС в газовой сфере

На текущем уровне интегрированности ЕАЭС основное место в сотрудничестве стран – членов Союза занимает взаимодействие в рамках создания общего энергетического плацдарма. Так, в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС от 6 декабря 2018 г. [Декларация, 2018] основным направлением является «ускоренное формирование общих энергетических рынков как одного из элементов для развития промышленной, сельскохозяйственной и транспортной политик государств – членов ЕАЭС». По мнению С. Ю. Глазьева, страны с меньшим весом их научно-производственного потенциала в рамках ЕАЭС больше всего заинтересованы в разработке и скорейшем принятии таких единых политик, на основании которых эти страны могли бы повысить свою кон-

курентоспособность в определённых подсистемах, где они имеют потенциально высокую эффективность [Глазьев, 2020].

Одним из сложных и в то же время наиболее перспективных направлений развития интеграционного сотрудничества стран – участниц ЕАЭС является формирование общего рынка газа, на котором доминируют могущественные естественные монополии, сформированные как составные части энергоснабжения СССР.

С содержательной точки зрения общий рынок газа как форма углубления евразийской экономической интеграции отражает объективные потребности стран – членов ЕАЭС, связанные с усилением их позиций в мировом хозяйстве, а также унификацией экономических отношений с сфере энергетики на внешних рынках [Аллаярова, 2019], охватывая не только таможенно-тарифную либерализацию, но и унификацию норм, стандартов на газ и нормативно-технических документов, регламентирующих функционирование газотранспортных систем, гармонизацию законодательства стран-участниц в сфере транспортировки и поставки газа между странами-участницами [Правовой портал ЕЭК, 2020]. Другими словами, преодоление законодательных и экономических барьеров между национальными рынками государств – партнёров по интеграционному блоку является одним из основных требований в части формирования общего рынка газа.

Главным результатом усилий Евразийской экономической комиссии по углублению евразийской интеграции является разработка и принятие двух концептуальных документов:

1) Концепции формирования общего рынка газа ЕАЭС (решение № 7 от 31.05.2016);

2) Программы формирования общего рынка газа ЕАЭС (решение № 18 от 06.12.2018) [Аллаярова, 2020].

Согласно Программе формирования общего рынка газа следует назвать основных участников общего рынка газа: поставщики и потребители газа; механизмы его функционирования: транспортировка, поставка, взаимная торговля по прямым договорам на поставку газа, взаимная торговля на биржевых торгах, унификация норм и стандартов на газ; сферы регулирования: регулирование деятельности субъектов естественных монополий, таможенно-тарифное регулирование, техническое регулирование и др. В качестве основных задач программы ставятся:

- переход к рыночным механизмам ценообразования, повышение их прозрачности;
- обеспечение добросовестной конкуренции и недискриминационного доступа на рынки друг друга на основе единых правил доступа к ГТС;
- прозрачное и недискриминационное распределение свободных мощностей ГТС;

- обеспечение функционирования товарных бирж, включая доступ нерезидентов к торгам;
- формирование биржевых индикаторов и регистрации внебиржевых сделок и др.) [Правовой портал ЕЭК, 2020].

Конечным мероприятием реализации Программы формирования общего рынка газа будет принятие международного договора о формировании общего рынка газа ЕАЭС странами-членами, на основании которого будет определён формат интеграции – регулируемая или либеральная [Еремин, 2018].

Следует отметить, что ЕАЭС – это неоднородная энергетическая совокупность: особое положение в интеграционном блоке занимают Россия и Казахстан. Благодаря наличию солидных запасов энергетических ресурсов в этих странах ЕАЭС становится пространством притяжения мощных геополитических игроков и представляет огромный потенциал на мировом энергетическом рынке (табл.).

Взаимная торговля природным газом в ЕАЭС представляет собой в основном поставки российского газа в Белоруссию и Армению, а также в Казахстан на основании двустороннего сотрудничества по переработке давальческого сырья, поступающего с Карачаганакского месторождения Казахстана в Россию для переработки.

Вместе с тем наряду с активным сотрудничеством России и Казахстана в газовой отрасли страны конкурируют между собой в осуществлении поставок в Китай [Аллаярова, 2019]; чтобы усилить свои позиции, Казахстан активно ведёт переговоры с соседними странами с целью взять нефтяной транзит под свой контроль.

Основные показатели газовой отрасли ЕАЭС в 2018 г.

| Показатель | Страна | | | | | |
|------------------------------------|---------|------------|-----------|----------|--------|-------|
| | Армения | Белоруссия | Казахстан | Киргизия | Россия | ЕАЭС |
| Запасы газа | – | 3 | 1500 | 6 | 32600 | 34109 |
| Добыча газа | – | 0,2 | 55,5 | 0,03 | 725 | 781,1 |
| Внутреннее потребление | 2,5 | 20,5 | 14,3 | 0,3 | 480,5 | 518,1 |
| Поставка в третьи страны | – | – | 7,4 | – | 204,1 | 211,5 |
| Потребление газа на душу населения | 900 | 2070 | 740 | 50 | 3200 | |

Источник: составлено автором по материалам ЕЭК

К проблемам создания общего рынка газа ЕАЭС можно отнести:

1. Неоднородность развития рынков газа стран ЕАЭС: газовые рынки Армении и Киргизии полностью импортозависимы, рынок газа Белоруссии функционирует в рамках системы государственного управления и планирования. Рынок газа Казахстана развивается в системе «главного покупателя», поскольку страна является как добывающей, так и экспортирующей энергоресурсы. Кроме того, на казахстанском рынке достаточно высокий уровень конкуренции, который обусловлен в основном иностранными инвестициями в секторе добычи, где представлены международные нефтегазовые компании (*CNPC, British Gas, ENI, Chevron* и др.).

Государственная политика, а также высокая самообеспеченность ресурсами газа в отдельных крупных месторождениях и структура выданных лицензий на их разработку — всё это говорит о высокой степени монополизации российского рынка газа. Вместе с тем рынок продолжает своё развитие, приобретая черты монополистической конкуренции, то есть на отраслевом рынке функционируют два сегмента — монопольный и конкурентный, где независимым организациям предоставлена возможность поставок газа до конечного потребителя.

Структурные различия национальных рынков обусловлены спецификой ресурсной базы. При этом рынки между собой отличаются степенью развития, что усложняет процесс газовой интеграции и требует от стран — членов серьёзных усилий и политической воли.

2. Экспортная проблема считается ключевой, поскольку невысокая доля взаимной торговли газом, преобладающие поставки газа в третьи страны, дополнительные нормы регулирования взаимодействия России и Казахстана — всё это вызывает серьёзные трудности в координации экспортных позиций Союза. Очевидно, каждое из государств — членов имеет свои национальные интересы, не всегда совместимые друг с другом; так, Россия и Казахстан как главные экспортёры природного газа среди стран — членов ЕАЭС выбрали бы более выгодные для них форматы взаимодействия, способствующие устранению конкуренции между российским и казахстанским газом на мировых рынках [*Еремин, 2016*].

3. Наличие долгосрочных действующих двусторонних договоров между странами в отношении транзита газа, реэкспорта и других направлений сотрудничества между контрагентами. В случае продвижения данного формата сотрудничества на законодательной основе достижение ожидаемого экономического эффекта и поставленных целей интеграции станет труднодостижимым.

Следует подчеркнуть, что в условиях глобализации как наивысшего класса сложности трансформации экономики энергоресурсов развитие и углубление евразийской интеграции становится важнейшим инструментом нейтрализации проявления внешней агрессии по отношению к союзным

государствам, защиты национальных экономических интересов, преодоления экономических кризисов, обеспечения экономической и энергетической безопасности и нейтрализации явлений, которые негативно сказываются на социально-экономической динамике в странах ЕАЭС.

Кроме того, нельзя не согласиться с С. В. Ереминым, что успех создания общего рынка газа ЕАЭС зависит от достижения двух условий:

- преодоления странами ЕАЭС институциональных столкновений в моделях национальных рынков природного газа, в то время как без унификации законодательств и стандартов торгово-экономических отношений сложно обеспечивать устойчивость экономики стран – членов Союза, а также выстраивать крепкие, на взаимовыгодной основе отношения в любой отрасли, в том числе газовой;
- достигнутые положительные эффекты стран – членов ЕАЭС от интеграции их газовых рынков превысят трансакционные издержки [Еремин, 2018].

Объективно смена дезинтеграционных процессов интеграционными на постсоветском пространстве связана не только экономическими, но и политическими факторами. Любое интеграционное объединение ставит перед собой цель создания необходимых условий для стабильного, эффективного развития экономик вовлечённых стран и повышения уровня жизни их населения. В этом смысле региональная евразийская экономическая интеграция не является исключением. Кроме того, необходимо учитывать исторически сложившуюся общность, сходство экономико-географических и хозяйственно-культурных комплексов, этнической истории, которые создают объективные возможности для дальнейшего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Вопрос состоит в том, смогут ли страны – партнёры по интеграционному блоку найти компромиссы в виде общих экономических интересов и определения векторов дальнейшего развития, учитывая готовность вступления других стран СНГ.

Итак, ЕАЭС обладает мощным экономическим потенциалом, значительной сферой международного влияния и реальными перспективами развития как один из важнейших субъектов мировой экономики, а в случае, если интеграционный блок достигнет положительного экономического эффекта и обеспечит свою экономическую безопасность, может стать региональным лидером.

Выводы

Стоит ещё раз отметить, что современные внешнеэкономические условия актуализируют повестку углубления региональной евразийской экономической интеграции: построение эффективной современной интеграционной группировки на постсоветском пространстве позволит странам – членам

ЕАЭС занять достойное место на международной арене. Наиболее эффективным способом вхождения ЕАЭС в мировую энергетику является формирование стабильного и свободного общего рынка газа в рамках ЕАЭС, прежде всего путём добровольного и равноправного объединения национальных газовых рынков. Главным в механизме создания общего энергетического пространства стран – членов ЕАЭС является идея взаимовыгодного сотрудничества на базе единой системы газоснабжения. Для преодоления разнородности, выхода на новый уровень сотрудничества странам – членам ЕАЭС необходима совместная выработка стратегии взаимовыгодного сотрудничества, принимая во внимание все имеющиеся для этого предпосылки и факторы.

Список литературы

Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Распоряжение ВЕЭС от 6 декабря 2018 г. № 9 // https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018, дата обращения 08.12.2020.

Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия, 2018. // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf, дата обращения 10.10.2020.

Правовой портал Евразийской экономической комиссии // <https://docs.eaunion.org>, дата обращения 11.10.2020.

Евразийская экономическая интеграция – 2019. Доклад № 52, 2019. М.: ЦИИ ЕАБР // https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Аллаярова Н. И., 2020. Эволюция форм евразийской интеграции: механизм взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза на общем рынке газа. Экономические науки. № 3 (184) С. 139–147. DOI: 10.14451/1.184.139.

Мельников А. Б., Маркевич Ю. А., Фалина Н. В., 2020. Состояние и уровень развития интеграционных процессов в ЕАЭС как составляющие экономической безопасности интеграционного объединения. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 28. № 1. С. 55–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-55-71>.

Ткаченко М. Ф., Аллаярова Н. И., 2019. Тенденции и потенциал формирования общего рынка газа в ЕАЭС. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 4. С. 693–705. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-693-705.

Аллаярова Н. И., 2019. Вектор развития биржевой торговли в условиях формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза. VI Всероссий-

ская научно-практическая конференция с международным участием: сборник научных трудов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 30–35.

Аллаярова Н. И., 2019. Ключевые тенденции развития биржевой торговли газом в Евразийском экономическом союзе. Сборник по материалам XIX Международной научно-практической конференции «Экономическая наука – хозяйственной практике» (Школа молодых учёных). С. 247–257.

Андропова И. В., 2016. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 11. № 2. С. 7–23.

Глазьев С. Ю., 2020. О стратегических направлениях развития ЕАЭС. Международная жизнь. № 8. С. 42–73.

Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П., 2013. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М.: ООО «Викор Медиа». С. 110–116.

Еремин С. В., 2018. Рынки природного газа в условиях международной экономической интеграции: направления трансформации, ключевые факторы и вызовы. Дисс. ... д. э. н. М. С. 222–225.

Еремин С. В., 2016. Формирование общего рынка газа Евразийского экономического союза: концептуальные развилки и альтернативы (Часть 2). Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 4. С. 47–52.

Либман А. М., 2009. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт. Дисс. ... д. э. н. М. С. 24–85.

Либман А. М., 2006. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ. Проблемы прогнозирования. № 5. С. 58–72.

Телегина Е. А., Халова Г. О., 2017. Перспективы энергетического сотрудничества ЕАЭС со странами Северо-Восточной Азии. Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 4. С. 50–59.

Винокуров Е. Ю., Либман А. М., 2012. Евразийская континентальная интеграция. ЕАБР: Санкт-Петербург // <https://vinokurov.info/ru/evrazijskaja-kontinentalnaja-integracija>, дата обращения 09.12.2020.

NELIA I. ALLAIAROVA,

post-graduate student of the Department of international economic relations of the Russian Customs Academy.

Address: 4, Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy, 140015, Russian Federation

E-mail: nelia.raimzhanova@gmail.com

SPIN-code: 4561-5264

ORCID: 0000-0002-8518-021X

COMMON GAS MARKET OF THE EAEU: FACTORS, PROSPECTS AND RISKS

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_126

Received: 15.12.2020

For citation: *Allaiarova N.*, 2020. Prerequisites and Factors of the EEU Common Gas Market Creation for Greater Eurasian Economic Integration. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 126–141.

Keywords: Eurasian Economic Union, regional economic integration, common gas market, integration processes, post-Soviet space.

Abstract:

The article reveals the regularities of the development of integration processes in the EEU, identifies the prerequisites for the deepening of this integration grouping. The nature of interaction of the EEU member States in the gas sector is considered. The relations of the member States of the Eurasian economic integration in the gas sector play an important role in providing their national economies with gas resources. Historically established energy ties make the common gas market of the EEU a natural direction for the development of the fuel and energy complexes of the member States. The EEU. The main thing in the mechanism of creating a single energy space of the EEU member States is the idea of mutually beneficial functioning of gas supply systems of the countries of the integration Association. The factors for the creation of a common gas market, as well as problems hindering the implementation of measures to form a common gas market of the EEU, are identified. It was noted that the formation of a common gas market of the EEU is of great strategic importance for all member countries of the integration bloc, since the deepening of integration ties increases the efficiency of energy supply, energy security, and as a result, the economic stability of the EEU member States. To solve intra-Union problems in the gas sector, it is necessary to develop a strategy for mutually beneficial cooperation that would take into account the interests of all EEU member States and would help overcome institutional differences.

References

Declaration on the further development of integration processes within the EEU. Order of the SEEC of December 6, 2018. № 9 // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018, accessed 08.12.2020. (In Russ.)

The Eurasian economic Union in numbers: a brief statistical collection; Eurasian economic Commission, 2018 // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf, accessed 10.12.2020. (In Russ.)

Legal portal of the Eurasian Economic Commission // <https://docs.eaeunion.org>, accessed 11.10.2020. (In Russ.)

Eurasian economic integration-2019. Report № 52, 2019. M.: EDB research Institutes // https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_Centre_Report_52_Eurasian_Economic_Integration_2019_rus.pdf, accessed 10.12.2020. (In Russ.)

Allayarova N. I., 2020. Evolution of forms of Eurasian integration: the mechanism of interaction of the member States of the Eurasian economic Union in the common gas market. Economic Sciences. № 3 (184). P. 139–147. DOI: 10.14451/1.184.139. (In Russ.)

Melnikov A. B., Markevich Yu. A., Falina N. V., 2020. State and level of development of integration processes in the EEU as components of economic security of the integration Association – RUDN Journal of Economics. Vol. 28. № 1. P. 55–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-1-55-71>. (In Russ.)

Tkachenko M. F., Allaiarova N. I., 2019. Trends and potential of forming a common gas market in the EEU. RUDN Journal of Economics. Vol. 27. № 4. P. 693–705. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-693-705. (In Russ.)

Allayarova N. I., 2019. Vector of development of exchange trade in the conditions of formation of the common gas market of the Eurasian economic Union. VI all-Russian scientific and practical conference with international participation: collection of scientific papers. M.: Lomonosov Moscow state University. P. 30–35. (In Russ.)

Allayarova N. I., 2019. Key trends in the development of gas exchange trading in the Eurasian economic Union. Collection of materials of the XIX International scientific and practical conference “Economic science – economic practice” (School of young scientists). P. 247–257. (In Russ.)

Andronova I. V., 2016. Eurasian economic Union: potential and limitations for regional and global leadership. RUDN Journal of Economics. Vol. 11. № 2. P. 7–23. (In Russ.)

Glazyev S. Yu., 2020. On the strategic directions of the EEU development. International Life. № 8. P. 42–73. (In Russ.)

Glazyev S. Yu., Chushkin V. I., Tkachuk S. P., 2013. The European Union and the Eurasian economic community: similarities and differences in integration construction processes. M.: Vikor Media LLC. P. 110–116. (In Russ.)

Eremin S. V., 2018. Natural gas markets in the context of international economic integration: directions of transformation, key factors and challenges. Diss. ... doctor of Economics, P. 222–225. (In Russ.)

Eremin S. V., 2016. Formation of the common gas market of the Eurasian economic Union: conceptual forks and alternatives (Part 2). Problems of economy and management of the oil and gas complex. № 4. P. 47–52. (In Russ.)

Libman A. M., 2009. Models of economic integration: world and post-Soviet experience. Diss. ... doctor of Economics. P. 24–85. (In Russ.)

Telegina E. A., Halova G. O., 2017. Prospects for energy cooperation between the EAEU and the countries of North-East Asia. World economy and international relations. Vol. 61. № 4. P. 50–59. (In Russ.)

Vinokurov E. Yu., Libman A. M., 2012. Eurasian continental integration. EDB: Saint Petersburg // <https://vinokurov.info/ru/evrazijskaja-kontinentalnaja-integracija>, accessed 09.12.2020. (In Russ.)

Валентин ЧИГАРЕВ

КАТЕГОРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР» В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дата поступления в редакцию: 26.10.2020.

Для цитирования: *Чигарев В. Н.*, 2020. Категория «международный транспортный коридор» в современной мировой политике: теоретические и методологические аспекты. – *Геоэкономика энергетики*. № 4 (12). С. 142–152.

В статье рассматриваются различные интерпретации категории «международный транспортный коридор» и связанные с этим концептуальные и методологические подходы в контексте теоретических тенденций в теории международных отношений. Автор анализирует взаимосвязь категорий «международный транспортный коридор» и «международный режим», поскольку она стала следствием необходимости поиска новых форм регулирования общих проблем в транспортной коммуникации. Международные режимы указывают на усиление процессов институционализации глобальной экономики и политики. В статье отмечается, что управляемость транспортных коридоров в контексте глобальных процессов имеет свои особенности. В связи с этим раскрывается понятие «глобальное управление» и его отличительные характеристики.

Для того чтобы методологически расширить понимание категории «международный транспортный коридор», анализируется два основных подхода

ЧИГАРЕВ Валентин Николаевич, кандидат политических наук, доцент РУТ (МИИТ), Институт международных транспортных коммуникаций. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 127055, ул. Новосущёвская, д. 26 А. *E-mail:* kafedra.moigt@bk.ru. *ORCID:* <https://orcid.org/0000-0001-8166-0665>.

Ключевые слова: Международный транспортный коридор, международный режим, трансрегионализм, неоклассический реализм, глобальное управление, интеграция, глобализация, «Один пояс и один путь», Транстихоокеанское партнёрство.

к обозначенной проблематике. Речь идёт о прямой или опосредованной взаимозависимости акторов международного транспортного коридора от процессов воздействия всей международной среды, государственных структур, внутригосударственных акторов, а также процесса институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами разных регионов мира.

Влияние глобальных процессов на государственные институты и внутригосударственных акторов рассматривается в статье в контексте теории неоклассического реализма. А для анализа процесса институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами из разных регионов мира автором рассматривается типологизация трансрегионализма.

В статье делается вывод, что неоклассические концептуальные подходы могут стать парадигмой для конструирования не только теорий внешней политики, но и синтеза методологий, в том числе для более глубокого понимания мотиваций акторов в системах международных транспортных коридоров, а типология трансрегионализма расширяет исследовательские рамки переменных (международный уровень, государственный и внутригосударственный уровни) и создаёт совершенно новый методологический подход к исследованию роли акторов международных транспортных коридоров.

В современной научной литературе существует огромное количество трактовок категории «международный транспортный коридор». Указанная проблематика, безусловно, находится на стыке различных научных дисциплин, поэтому часто представляется как междисциплинарное поле исследования, связанное с определённой структурой ключевых понятий и практических (геополитических и экономических) установок.

«Международный транспортный коридор» создаёт особый (пространственный) тип порядка. Вопреки традиционному геополитическому мышлению, в котором акцент делается на власти над пространством, власть, как понимается здесь, не является чем-то, что можно удерживать или обладать, она не течёт и не проходит через пространство в целом [Allen, 2003: 5].

Вместе с тем различные интерпретации категории «международный транспортный коридор» сходятся в одном, а именно в *возможностях* расширять различные взаимодействия.

Существующие концептуальные подходы действующих акторов в системе международных транспортных коридоров, связанные с конкретной реализацией проектов и дальнейшей их координацией, уже начали «выходить» за пределы *технического* понимания проектов как инструмента адаптации таможенных правил, процедур и развития транспортно-логистического сотрудничества между странами или исключительно материального воплощения конкретных инженерных проектов.

Вполне очевидно, что подобное понимание придаёт транспортным коридорам институциональные черты. «Опорная структура» транспортных коридоров — это набор общесогласованных и общепринятых правил и конвенций, которые могут иметь форму договора или деклараций различных типов. Другими словами, договор, подписанный и ратифи-

цированный в надлежащем порядке, создаёт постоянную *возможность* для существования транспортного коридора и сам по себе является процедурным шагом к достижению общего соглашения о введении *статуса* «транспортный коридор». Поэтому «долговечность» или материальная «выносливость» коридоров не зависит от того факта, что их функционирование требует наличия конкретных материальных вещей или материального воплощения, таких как здание определённого типа и транспортная инфраструктура.

Так называемая вышеуказанная «долговечность» пространства в этом случае является особенностью институционального *факта*, что, в свою очередь, означает следующее: «В институциональной структуре есть социально созданный нормативный компонент, и это объясняется тем, что институциональная структура представляет собой структуру правил, и *фактические* правила, на которые мы указываем при описании этого института, будут определять те аспекты, в соответствии с которыми система является нормативной» [Searle, 1995: 146–147].

Следовательно, различие между внешним и внутренним «коридорами» внешне не бросается в глаза; он опирается не на материальные колонны, фасады или другие построенные сооружения, а на общее *согласие* считать конкретные практики и объекты инфраструктуры *институциональным фактом* международного транспортного коридора.

Для фиксации некоторых «скрытых» изменений в этой области необходимо понять, что представляет собой международный режим, так как международные транспортные коридоры становятся *объектом* этих режимов.

Международный режим может быть определён как неявные или явные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по поводу которых в данной сфере международных отношений предполагается общее согласие. Режимы являются не просто временными или *ad hoc* — специально для данного случая выработанными — соглашениями, скорее их можно считать «промежуточными переменными» между основными властными и экономическими структурами международной системы, с одной стороны, и определёнными результатами — с другой. Например, неудача рынков в регулировании поставок и распределении товаров и услуг или при решении неотложных транснациональных проблем может стать для государств и политических деятелей побудительной причиной установления особых режимов.

Режимы могут устанавливать систему правовой ответственности, использовать доступную информацию, сокращать согласованную стоимость сотрудничества и обеспечивать некоторую степень предсказуемости — «анархических» в противном случае — отношений. Международные режимы — следствие необходимости найти новые формы сотрудничества и регулирования общих проблем. Международные режимы свидетельствуют

о росте институционализации глобальной политики. Они создают формы глобального управления, отличающегося от традиционных понятий правления, которые предполагают наличие определённых центров суверенной политической власти. Современная международная система не обладает каким-то одним политическим центром власти, превышающим власть государства. Но, несмотря на это, международные регулирующие режимы быстро развиваются, отражая интенсификацию моделей глобального и регионального переплетения [Глобальные трансформации, 2004: 59–60].

В этом, безусловно, практическом смысле создание предсказуемой среды, упорядоченного расположения пространства достигается путём разработки комплекса международных соглашений, регулирующих перемещение между «международными» или «суверенными» пространствами [Zacker, Sutton, 1996: 213]. Из этого также следует, что хорошо управляемый транспортный коридор может помочь улучшить качество транспортных и логистических услуг в коридоре, снизить транспортные расходы, повысить эффективность общего предложения и распределительной цепочки, уменьшить углеродный след грузового транспорта.

В связи с этим следует отметить, что управляемость транспортных коридоров в контексте глобальных процессов имеет свои особенности. Дело в том, что сама глобальная политика «ориентируется сегодня не только на традиционные геополитические интересы, включающие в себя оборону и военные отношения, но также и на множество разнообразных экономических, социальных и экологических проблем», которые не вписываются в рамки юрисдикции, действующей на определённой территории, нарушают сложившийся баланс глобальных политических сил, требуют международного сотрудничества для своего эффективного разрешения. Оборона и проблемы безопасности не занимают первого места в списке основных глобальных проблем, не находятся они даже и в центре внимания национальных правительств. Понятие «глобальное управление» помогает сформулировать и осмыслить эту проблему.

Под глобальным управлением понимаются не только официальные институты и организации, которыми создаются и поддерживаются (или не создаются и не поддерживаются) правила и нормы, управляющие мировым порядком, – государственные институты, межправительственное сотрудничество и т. д., – но также и все те организации и группы влияния – от многонациональных корпораций, транснациональных социальных движений до множества неправительственных организаций, – которые преследуют цели и задачи, достижение и решение которых зависят от транснациональных правящих и властных институтов.

Глобальная политика предполагает широкое понимание глобального управления как необходимого элемента в изменяющейся констелляции факторов политической жизни. Увеличение числа новых форм

воздействия и организаций отражает быстрое распространение транснациональных связей и возникающее у большинства государств желание иметь дело с коллективными политическими «проблемами» [Глобальные трансформации, 2004: 59–60] (в том числе и экономическими, и другими. – *Авт.*).

Помимо вышеописанной нами институциональной особенности следует отметить, что традиционное видение проблемы обладания транспортными и транзитными путями и контроля над регионом замещается формированием современных *глобальных пространств* на основе сетевых гибридных форм трансрегионализма. Использование же новых технических инноваций, телекоммуникационных технологий и других разработок в транспортной сфере (например, развитие контейнерных перевозок) позволяет ускорить движение товаров и людей, а также отслеживать эти перемещения в это глобальном пространстве. В отличие от существовавших ранее практик, технологические возможности позволяют наблюдать перемещения в пространстве. Достижение прозрачности и, следовательно, нарастающих скоростных темпов в этом пространстве является основным исходным пунктом преимущества в конкуренции за глобальные транспортные потоки.

Вместе с тем подобные модификации не могли быть осуществлены без существенного фундаментального переосмысления роли акторов, проблем глобализации и регионализма в современных теориях международных отношений. Поэтому задача методологически расширить понимание категории «международный транспортный коридор» на основе таких теоретических конструкторов представляется не только возможной, но и крайне необходимой.

В качестве исходного пункта в выделенной теоретической парадигме проанализируем два основных методологических подхода к обозначенной нами проблематике. Речь идёт о прямой или опосредованной (взаимной) зависимости акторов международного транспортного коридора от процессов воздействия всей международной среды, государственных структур, внутригосударственных акторов, а также процесса институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами из разных регионов мира.

Влияние глобальных процессов на государственные институты и внутригосударственных акторов анализируется в теории неоклассического реализма. Данный концептуальный подход исходит из того, что требования «внешней среды» проходят через бюрократический аппарат государственных структур и модифицируются на уровне оценки высшими чиновниками вопросов безопасности и угроз, что, в свою очередь, влияет на определение стратегий. Государство, таким образом, функционирует как конституирующий актор глобальной системы.

Хотя долгосрочные национальные интересы, согласно неоклассическому реализму, определяются в большей степени не влиянием внутригосударственных акторов, а зависимостью государственных институтов от международной среды, определение предпочтений политических акторов является стратегически значительным в институциональных процессах и переговорных контактах между политическими акторами и бизнес-структурами.

Следует отметить, что важным для неоклассической концепции является указание на то, что глобальная среда оказала влияние на структуру взаимоотношений государств, где менее влиятельные акторы приспосабливаются к влиятельным государствам того или иного региона. Например, внешнеполитическая и внешнеэкономическая активность Китая явно выделяет его на региональном уровне и структурно определяет его гегемонию в регионе [Чигарев, Косоруков, 2010].

Итак, именно структурный анализ международных, а также государственных и внутригосударственных переменных, определяющих внешнеполитическую стратегию, систему взаимодействия государственных институтов с негосударственными акторами, по сути, и составляют схему исследовательской программы неоклассического реализма [Schweller, 2003: 344–347].

Помимо прочего, взаимоотношения акторов в системах международных транспортных коридоров на сегодняшний день усложняются процессами трансрегионализма, рассматриваемого исследователями как нечто промежуточное между глобальным и региональным уровнями мировой политики [Лебедева, Кузнецов, 2019: 71–84]. Безусловно, транспортное пространство сузило географическое пространство, расширив систему взаимодействий государств и регионов, придав возможности развитию мировой торговли, технологий и логистики [Лебедева, 2013].

По сути, трансрегионализм стал следствием глобальных амбиций региональных интеграционных образований, которые показали высокие темпы роста, выходящие далеко за узкие региональные рамки.

В зависимости от уровня и стратегии международных субъектов принято выделять три типа трансрегионализма [Лебедева, Кузнецов, 2019: 71–84].

Первый тип можно обозначить как межрегионализм, представляющий собой взаимодействие региональных интеграционных групп (ЕС – АСЕАН) или интеграционное образование с отдельным государством (соглашение между ЕС и Канадой – СЕТА, ТТИП, ТАФТА).

Второй тип представляет собой трансрегиональные связи, в которых участвуют государства из разных регионов мира (МИКТА, БРИКС), или отношения между отдельными государствами из разных регионов мира – региональными и субрегиональными лидерами.

Наконец, третий тип представляет собой формат сетевого трансрегионализма, в котором взаимодействуют разнокластерные группы – отдельные государства, группы государств и интеграционные группы. Примерами такого рода сотрудничества являются Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ), китайская инициатива «Один пояс и один путь», а также Транстихоокеанское партнёрство (ТТП).

Интересным является также и тот факт, что после выхода из соглашения о ТТП администрация президента Д. Трампа проявила интерес к развитию сотрудничества на пространстве Индо-Пацифики – внешнего, прибрежного контура Евразии, основой которого могут стать страны Индо-Тихоокеанского региона – США, Япония, Австралия и Индия.

Китай же предлагает собственную модель макрорегионального развития, основанного на транспортно-логистическом, инфраструктурном и торгово-экономическом сотрудничестве на огромном пространстве Евразии, с привлечением в круг акторов как отдельных государств, так и региональных объединений – АСЕАН, ЕС, разрабатывается проект сопряжения с ЕАЭС. Такая инициатива мягкой интеграции рассматривается многими специалистами как альтерглобалистский проект, или, согласно вышеизложенной концепции неоклассического реализма, мы можем вполне идентифицировать её как реакцию на давление международной среды (глобализма).

Таким образом, неоклассические концептуальные подходы могли бы вполне стать парадигмой для конструирования не только теорий внешней политики, но и синтеза методологий, в том числе для более глубокого понимания мотиваций акторов в системах международных транспортных коридоров, а выделенная выше типология трансрегионализма могла бы расширить исследовательские рамки переменных (международный уровень, государственный и внутригосударственный уровни) и создать совершенно новый методологический подход к исследованию роли акторов международных транспортных коридоров.

Для стран Центральной Азии, не имеющих выхода к Мировому океану, значимость международных транспортных коридоров огромна, поскольку их дальнейшее формирование и расширение придают положительный экономический эффект в развитии интеграционных процессов. Например, посредством развития транспортных коридоров в странах Центральной Азии Китай обосновывает свою базовую экономическую стратегию «Экономический пояс Шёлкового пути».

Подобное стремление стран вполне объяснимо, так как развитие транспортного коридора основывается на нескольких механизмах и различных промежуточных результатах, таких как снижение торговых издержек и увеличение торговли, инвестиций, стоимости земли и активов, что стимули-

рует создание более широких экономических выгод в долгосрочной перспективе.

Исследование *AECOM* [*AECOM*, 2001] объясняет эти эффекты развития системы транспортного коридора в три этапа.

Преимущества первого порядка (или прямые выгоды) связаны с улучшением времени в пути, сокращением транспортных расходов, повышенной надёжностью и внедрением новых услуг, что приводит к затратам скидки для пользователей транспорта и поставщиков транспортных услуг.

Преимущества второго порядка возникают в связи с тем, что усовершенствования транспорта обеспечивают доступ к более крупным рынкам, а также к более широким возможностям и услугам. Доступность более качественных услуг и снижение транспортных расходов влияют на местонахождение/перемещение фирм, объём торговли и рост сельскохозяйственного производства. Важной характеристикой этого этапа являются видимые признаки развития: больше трафика, магазинов, зданий, заводов и т. д.

Эффекты третьего порядка возникают в конечном итоге из-за структурных изменений, вызванных динамическими процессами в масштабах всей экономики, активируемыми эффектами второго порядка. Эти изменения в конечном итоге приводят к положительным последствиям для благосостояния людей, в том числе к снижению уровня бедности за счёт увеличения занятости, роста сельскохозяйственного производства и заработной платы, а также повышения цен на продукцию. Эти изменения, однако, могут также привести к внешним воздействиям, таким как негативное влияние на окружающую среду и некоторые социальные аспекты.

При оценке роли международных транспортных коридоров интеграционные процессы усложняются с развитием транспортной инфраструктуры и ростом международных сообщений и приводят к формированию единого транспортного пространства (как это произошло, например, в Европейском союзе). Вместе с тем расширение сетей транспортных коридоров создаёт единое мировое транспортное логистическое пространство. Российская Федерация строит евразийский транспортный коридор со странами ЕАЭС, а также развивает другие свои транспортные коридоры [*Erdösi*, 2008: 28–48].

Из анализа роли транспортных коридоров в современной глобальной экономике и политике можно также сделать вывод о значимости вопросов безопасности страны и её социального и экономического развития, без решения которых представляется трудным участие в международных транспортных проектах регионального и трансрегионального уровня. Бесспорно, международные транспортные коридоры будут постоянно находиться в фокусе внимания и деятельности конкурирующих между собой акторов глобальной политики.

Список литературы

Лебедева М. М., Кузнецов Д. А., 2019. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики. Полис. Политические исследования. № 5. С. 71–84. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06>

Лебедева М. М., 2013. Ренессанс геополитики? Говорят эксперты МГИМО // <https://mgimo.ru/about/news/experts/237333/>, дата обращения 17.10.2020.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж., 2004. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис. 576 с.

Чихарев И. А., Косоруков А. А., 2010. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса. Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. № 1. С. 50–66.

Freight Benefit / Cost Study Compilation of the Literature, 2001. Federal Highway Administration Office of Freight Management and Operations // https://ops.fhwa.dot.gov/Freight/documents/freight_bca_study.pdf, дата обращения 17.10.2020.

Allen J., 2003. The Lost Geographies of Power. Oxford: Blackwell Publishing. P. 5. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470773321.fmatter>.

Erdösi F., 2008. Global and regional roles of the Russian transport infrastructures. Pécs: Centre for Regional Studies of HAS. 51 p.: ill., maps, charts. (Discussion papers / Centre for Regional Studies of Hungarian Academy of Sciences. № 69). Ref.: p. 49–51.

Schweller R. L., 2003. The Progressiveness of Neoclassical Realism. Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / Eds. C. Elman, M. F. Elman. Cambridge. P. 344–347.

Searle J., 1995. The Construction of Social Reality. London: Penguin Books. P. 146–147.

Zacker M. W., Brent A. S., 1996. Governing Global Networks. International Regimes for Transportation and Communications. Cambridge: Cambridge University Press. 299 p.

VALENTIN N. CHIGAREV,

candidate of Political Science, associate Professor of RUT (MIIT),
Institute of international transport communications.

Address: 26A, Novosushchevskaya str., 127055, Moscow, Russian
Federation.

E-mail: kafedra.moigt@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8166-0665>

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDOR CATEGORY IN GLOBAL POLICY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

DOI: 10.48137/2687-0703_2020_12_4_142

Received: 26.10.2020

For citation: *Chigarev V.*, 2020. International Transport Corridor Category in Global Policy: Theoretical and Methodological Aspects. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (12). P. 142–152.

Keywords: International transport corridor, International regime, Transregionalism, Neoclassical realism, Global governance, Integration, Globalization, one belt and one road, TRANS-Pacific partnership.

Abstract

The article deals with various interpretations of the “international transport corridor” category and related conceptual and methodological approaches in the context of theoretical trends in the theory of international relations. The author analyzes the relationship between the categories “International Transport Corridor” and “International Regime”, since the latter was the result of the need to find new forms of cooperation and regulation of common problems, including in the transport sector.

The article notes that the manageability of transport corridors in the context of global processes has its own peculiarities. In this regard, the concept of «global governance» and its distinctive features are revealed.

In order to methodologically expand the comprehension of the “international transport corridor” category, two main approaches to this problem are analyzed. These approaches reflect direct or indirect (mutual) dependence of the actors of the international transport corridor on the impact of the entire international environment, state structures, domestic actors, as well as the process of institutionalization of cooperation between regional associations and States from different regions of the world. The process of influence of the international environment on the state and domestic actors is considered within the framework of the theory of neoclassical realism.

The author analyzes the typology of transregional process in order to further study the process of institutionalization of cooperation between regional associations and States from different regions of the world.

The article concludes that neoclassical conceptual approaches may become a paradigm for constructing not only foreign policy theories but also for synthesizing methodologies, including for a deeper understanding of the actors' motivations in international transport corridor systems. the typology of the transregional process expands the research framework of variables (international level, state and domestic levels) and creates a completely new methodological approach to the study of the role of actors in international transport corridors.

References

Lebedeva M. M., Kuznetsov D. A., 2019. Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects. *Polis. Political Studies*. № 5. P. 71–84. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06>. (In Russ.)

Allen J., 2003. *The Lost Geographies of Power*. Oxford: Blackwell Publishing. P. 5. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470773321.fmatter>. (In Eng.)

Lebedeva M. M., 2013. The renaissance of geopolitics? MGIMO Experts Talk // <https://mgimo.ru/about/news/experts/237333/>, accessed 17.10.2020. (In Russ.)

Chikharev I. A., Kosorukov A. A., 2010. Neoclassical realism: touching the problem of correlation between the variables at global and nation-state levels in the formation of the foreign policy. *Bulletin of the Moscow University*, Vol. 12. Political sciences. № 1. P. 50–66. (In Russ.)

Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J., 2004. *Global transformations: Politics, Economy, Culture*—Moscow: Praxis. 576 p. (In Russ.)

Freight Benefit / Cost Study Compilation of the Literature, 2001. Federal Highway Administration Office of Freight Management and Operations // https://ops.fhwa.dot.gov/Freight/documents/freight_bca_study.pdf, accessed 17.10.2020. (In Eng.)

Erdösi F., 2008. Global and regional roles of the Russian transport infrastructures. Pécs: Centre for Regional Studies of HAS. 51 p.: ill., maps, charts. (Discussion papers / Centre for Regional Studies of Hungarian Academy of Sciences. № 69). Ref.: p. 49–51. (In Eng.)

Schweller R. L., 2003. The Progressiveness of Neoclassical Realism. *Progress in International Relations Theory: Appraising the Field* / Eds. C. Elman, M. F. Elman. Cambridge. P. 344–347. (In Eng.)

Searle J., 1995. *The Construction of Social Reality*. London: Penguing Books. P. 146–147. (In Eng.)

Zacker M. W., Brent A. S., 1996. *Governing Global Networks. International Regimes for Transportation and Communications*. Cambridge: Cambridge University Press. 299 p. (In Eng.)

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ

| | |
|---------------|---|
| АГНКС | – автомобильные газонаполнительные компрессорные станции |
| АНК | – Африканский национальный конгресс |
| АЧГ | – месторождение Азери – Чираг – Гюнешли |
| БДТ | – трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан |
| ВАЗРАФ | – Форум восточноазиатского-латиноамериканского сотрудничества |
| ВИЭ | – возобновляемые источники энергии |
| ГНФАР | – Государственный нефтяной фонд Азербайджанской Республики |
| ГРР | – геологоразведочные работы |
| ЕЭП | – единое экономическое пространство |
| КРОУ | – Комиссия по регулированию общественных услуг |
| КТК | – Каспийский трубопроводный консорциум |
| МИКТА | – неформальное объединение пяти стран (так называемых «средних держав»): Мексики, Индонезии, Южной Кореи, Турции, Австралии |
| МКВК | – Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия |
| МТК | – Международный транспортный коридор |
| НКАО | – Нагорно-Карабахская автономная область |
| НФА | – Народный фронт Азербайджана |
| НФАР | – нефтяной фонд Азербайджанской Республики |
| ОВЗ | – оптимальные валютные зоны |
| ОПОП | – «Один пояс – один путь» |
| ППС | – паритет покупательской способности |

- РЮО** – Республика Южная Осетия
- ССАГПЗ** – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
- ТТИП** – Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство
- ТПП** – Транстихоокеанское партнёрство
- НИОС** – Иранская национальная нефтяная компания
- СЕТА** – *The Comprehensive Economic and Trade Agreement*

CONTENTS

| | |
|--|------------|
| EDITORIAL | 4 |
| ENERGY POLICY | |
| E. KUZMINA. <i>Water Problems and Risks of Hydropower in Uzbekistan</i> | 6 |
| S. ZHILTSOV. <i>Caspian States and their Energy Policy: Results and New Challenges</i> | 25 |
| ENERGY SECTOR TRENDS | |
| E. SHAVINA. <i>World Gas Industry Development Trends in Modern Conditions</i> | 40 |
| A. MARKAROV, V. DAVTYAN. <i>Socio-economic Situation in Armenia During COVID-19 Pandemic: Impact of Quarantine Measures on the Energy Sector</i> | 59 |
| INTERNATIONAL COOPERATION | |
| D. DINETS, P. PROKOPIEV. <i>Financial Markets of Arabian States: Assessing the Symmetry of Shocks</i> | 77 |
| D. KHARITONOVA. <i>Russia and RSA: Prospects for the Development of Energy Cooperation</i> | 90 |
| ENERGY PROJECTS | |
| V. NOVIKOV. <i>«Contract of the Century» and Its Political and Economic Significance for Azerbaijan</i> | 106 |
| GLOBAL AND REGIONAL ENERGY MARKETS | |
| N. ALLAIAROVA. <i>Prerequisites and Factors of the EEU Common Gas Market Creation for Greater Eurasian Economic Integration</i> ... | 126 |
| GLOBAL TRANSPORT CORRIDORS | |
| V. CHIGAREV. <i>International Transport Corridor Category in Global Policy: Theoretical and Methodological Aspects</i> | 142 |
| THE ABBREVIATIONS IN THE TEXT | 153 |

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 4 (12) 2020

Издательство Институт стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10 стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>



Подписано в печать 31.01.2021
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная
Тираж по заказу

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Диона».
111674, г. Москва, ул. Липчанского, д. 4, оф. 24.

